ISSN 2010–930x

EX ORIENTE LUX

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ

1 / 2020

Пресвятая Богородица. Знамение.
Фрагмент росписи алтаря во имя святого благоверного
князя Александра Невского, г. Ташкент, 2017

Тайная вечеря.
Фрагмент росписи трапезной
Троице-Никольского женского монастыря, г. Ташкент, 2015

Alisher Navoiy nomidagi O'zbekiston MK

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожиддин САЙИД
Мухаммад АЛИ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий БАУЭР
Евгений АБДУЛЛАЕВ
Раим ФАРХАДИ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Баходыр АХМЕДОВ
Раиса КРАПАНЕЙ
Сергей МИРОНОВ

Главный редактор
Сирожиддин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Ольга ГВАРДИНА
Елена ДОЛГОПОЛОВА

1
2020

Республика Узбекистан
Ташкент

Галина РАХМАТУЛЛАЕВА

публицистика

РАССУЖДЕНИЯ О ЧТЕНИИ

Сила влияния художественной литературы на человеческое сознание подобна силе влияния реальности, поскольку талантливый писатель способен передать сюжет насыщенно, в деталях, правдоподобно, интригуюше – «как в жизни», и невозможно оторваться от книги, ее читают на одном дыхании. Иными словами, книга овладевает сознанием человека.

Анастасия МИЛЕВСКАЯ

новые имена

ОНА МОЛЧИТ...

Эссе-memoria

Поминки прошли так же тихо и уныло, как и похороны. По большей части мы вспоминали отца, но как только речь заходила о маме, вдруг наступала тишина. Все хотели поскорее уйти, но всё равно сидели. Неприлично как-то. А время тянулось медленно, казалось, что это действо не закончится никогда. Не знаю, любила ли мама долгие застолья. Папа любил. Его теплоты хватало на всех.

Раиса КРАПАНЕЙ

поэзия

Времен граница тихо тает...

Переждем Новый год под дождем.
Да, в Ташкенте и серо, и сыро.
Отдохну... отдохнёшь... отдохнём
В колыбели притихшей квартиры.

Не позвОнит и не позвонИт
Телефон. О здоровье не спросит.
Только кошка мурчит, серебрит
И глаза зеленюшие косит.

проза

Шухрат САКИЕВ

ЯСНЫМ ДНЕМ

Рассказ

«Солдат должен уважать командира и бояться его», – повторял ротный слова Чапаева, и сам придерживался этого правила.

Постоянное чувство страха и подавленности (нельзя то, другое, третье и – не рассуждать!) после трёх лет службы сказывается на психике и отражается на лице легкой окаменелостью, за которой прячутся осторожность, затаённая боязнь и долготерпение. Бывшего солдата, зэка, детдомовца, если быть внимательным, нетрудно отличить от остальных.

поэзия

Алексей ГВАРДИН

Нам сладостна горечь полыни...

Под облаком Древо желаний,
на облаке – рай.

Присел белой бабочкой
ангел
на облака край.
От края до края другого нет рая,
И ангел босой
зажигает фонарик
над Древом желаний.

И облако – рай.

проза

Умида КАРИМОВА

МАГИЯ ТВОРЧЕСТВА И ВДОХНОВЕНИЯ

Очерк

В Ташкент она возвращалась с чемоданами, наполненными книгами: собрание сочинений У. Шекспира, энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, снабженные металлическими наугольниками и застежками собрания сочинений А. Пушкина, М. Горького, шедевры античной литературы и самый бесценный багаж на долгие годы – теплые воспоминания о людях, в чьих семьях ее встречали как родную.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЦИСТИКА

Галина РАХМАТУЛЛАЕВА. Рассуждения о чтении. 5

ИНТЕРВЬЮ

«Что значит для Вас Узбекистан?» **Интервью Бориса БАБАЕВА с Георгием ПРЯХИНЫМ.** 9

ПРОЗА

Владимир ВАСИЛЬЕВ. Остров невезения. Рассказ. 14
Умида КАРИМОВА. Магия творчества и вдохновения. Очерк. 50
Виктор КАЛИНКИН. Окончен бал... Повесть. 90
Шухрат САКИЕВ. Ясным днем. Рассказ. 123

ПОЭЗИЯ

Людмила БАКИРОВА. Осень похожа на пасмурный вечер. ...38
Раиса КРАПАНЕЙ. Времен граница тихо тает... 70
Алексей ГВАРДИН. Нам сладостна горечь полыни... 84

НОВЫЕ ИМЕНА

Анастасия МИЛЕВСКАЯ. Она молчит... Эссе-memoria. 44
Асаттилло КУДРАТОВ. Свидание. Рассказ. 73
Лариса ЮЛДАШЕВА. В краю древнейшем, на Востоке... ..110

ПЕРЕВОДЫ

А. НАВОИ. Газели. **З. М. БАБУР.** Рубаи. Я вновь влюбленным стал... Перевод с узбекского Н. Ильина. 11
Бахтиёр НУРИДДИНОВ. Связь поколений. Рассказы «Отец и сын», «Потусторонний покупатель». Перевод с узбекского Раьно Азимовой. 56

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Елена МИНАКОВА. Ранний зов, долгий путь. 116
Клавдия ПАНЧЕНКО. Постижение Богочеловеческой тайны. 120
Алина КУТЛУЧУРИНА. Фактура в творчестве современных узбекистанских композиторов. 136

КАРАВАН ИСТОРИИ

Андрей СЛОНИМ. Знакомый незнакомец. 76

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Маргарита ШИН. Романтические «фантомы» в русской литературе. 133
Шахноза БЕРДИЕВА. «Non-fiction» как литературоведческая категория. 142
Давлятбек САЪДУЛЛАЕВ. Поэтика ахматовских сравнений. 149

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала живописные работы Шушалыкова Н. Н.

Звезда Востока

2020 № 1

Учредитель
Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831
Журнал зарегистрирован Узбекским агентством печати и информации
Рег. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:
100066. Ташкент, пр. Бунёдкор, Адиблар хиёбони, здание Союза писателей Узбекистана.
E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
zvezdavostokazv@umail.uz
web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет
Ольга ГВАРДИНА

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 1200 экз. Заказ № 8
Цена договорная.

Отпечатано в типографии ООО «PRINT REBEL».
г. Ташкент, Алмазарский р-н, ул. Уразбаева, д. 35.

Редакция журнала уведомляет авторов о том, что к рассмотрению принимаются рукописи, выполненные в компьютерном наборе объемом **не более 50 страниц**. Набор текста в любом формате с приложением электронной версии и распечатки.
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Письменные заключения не даются. Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции не допускается.
Ссылка на журнал «Звезда Востока» обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

РАССУЖДЕНИЯ О ЧТЕНИИ

Галина РАХМАТУЛЛАЕВА

Изобретение письменности и книгопечатания – два величайших достижения цивилизации, без которых и сама цивилизация была бы невозможна. В романе-антиутопии «451° по Фаренгейту» Рей Брэдбери показал, что стало с человечеством после полного уничтожения книг: в обществе перестали осознаваться социальные проблемы, так как нет книг, заставляющих задумываться, анализировать, принимать решения. Но общество, не знающее сомнений, тревог, эмоциональных взлетов и падений, бездуховно, мертво.

Творчески воссоздавая действительность, писатель не только выражает свое понимание ее закономерностей, сущности явлений, но и дает им оценку. Касаясь в первую очередь общественных отношений, жизни человека в обществе, литература способствует воспитанию у человека мыслей и чувств, осознанию долга перед Родиной и народом.

12 января 2017 года Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев подписал распоряжение «О создании комиссии по развитию системы издания и распространения книжной продукции, повышению и пропаганде культуры чтения». Документ предусматривает разработку комплексной программы мер по развитию системы издания и распространения книжной продукции: пропаганду культуры чтения, отбор лучших произведений национальной и мировой литературы для внеклассного чтения в образовательных учреждениях страны, пересмотр перечня хрестоматийной литературы и внедрение в учебный процесс системы написания сочинения на основе прочитанных произведений. Работа по реализации данного весьма актуального документа будет способствовать повышению интеллектуального уровня нашей молодежи, обеспечению образовательных учреждений художественной, просветительской, научно-популярной и воспитательной литературой, совершенствованию отбора и перевода лучших классических и современных произведений узбекской и зарубежной литературы, а в конечном итоге – формированию высокой культуры чтения в стране.

Развитие в Узбекистане информационного общества – задача настоящего и будущего, именно дети – жители будущего глобального мира, который будет

Галина РАХМАТУЛЛАЕВА. Родилась в 1946 г. Окончила ТашГУ (ныне НУУз). Кандидат исторических наук, доцент кафедры узбекского и русского языков УМЭД. Автор ряда учебников, учебных пособий для школ, лицеев и вузов, научных и публицистических статей, стихотворений и рассказов. Член-корреспондент АПСН (Москва).

состоять из информационных обществ разных стран. Строить же это общество придется прежде всего тем, кто сегодня работает с ИКТ. Новые технологии кардинально меняют жизнь, люди получают доступ к огромному количеству информации и через ее посредство – к образованию и культурным ценностям.

Смена ценностных ориентиров, разделившая поколения и нарушившая преемственность в передаче социального опыта, недостаточно эффективное использование информационных технологий, бурное развитие коммуникационных каналов привели к изменению привычных представлений о роли чтения в развитии личности и культуры. Очевидные последствия влияния на чтение таких средств коммуникации, как телевидение, интернет, аудио- и видеопродукция, пока не изучены в должной мере. Абсолютизация компьютерных технологий, вытеснение книжно-журнальной печатной продукции мультимедийными носителями значительно снизили и интерес к чтению. Данные международных исследований свидетельствуют, что качество предлагаемой продукции тоже заметно ухудшилось, поскольку сегодня любому автору несложно опубликовать произведение за свои средства, не говоря уже об интернет-сайтах, размещение на которых и капиталовложений не требует.

В эпоху глобализации информационная система имеет огромное значение, процесс социализации становится мобильным. Интернет оказывает все более возрастающее влияние на природу социального взаимодействия. Новые формы коммуникации в интернете чаще осваиваются молодежью. Формирующийся «компьютерный человек» моделирует игровую ситуацию снова и снова, легко разрушая и воссоздавая виртуальный мир, экстраполируя его принципы на реальную действительность.

Положительная черта интернета – это прежде всего возможность получить обширную информацию в доступной форме. Во-вторых, в интернете безгранично расширяется круг общения с людьми, близкими по интересам.

Однако в последнее время начинает беспокоить то, что молодое поколение предпочитает чтению компьютерные игры, «гуляет» по безбрежным «полям» интернета. Стремление молодежи к быстрому получению информации обусловливает снижение интереса к книге, мешая формированию активной гражданской позиции. Большую часть времени поглощают телепросмотры, компьютерные игры, социальные сети, на чтение же художественной литературы не остается ни времени, ни желания.

Сегодня одним из главных мотивов обращения к книге остаются школьная программа и учебные задания – прежде всего по литературе. Но учащиеся, к сожалению, не интересуются даже произведениями школьной программы, и это повод для тревоги, ведь именно в этом юном возрасте формируются не только любовь к книге, но и жанровые предпочтения. Если спросить учащихся старших классов или лицеистов, что они будут делать, если понадобится написать сочинение по незнакомому произведению, то большинство ответит, что, скорее всего, прибегнут к помощи интернет-источников: прочитают краткий пересказ содержания или анализ произведения, найдут похожее сочинение и переделают его на свой лад. Лишь немногие ответят, что прочитают само произведение. Виной тому – технический прогресс, легкодоступность информации. Учащийся, не желающий тратить время на прочтение (ведь под рукой есть компьютер, планшет, телефон, который за считанные минуты найдет нужную информацию), лишает себя не только приятного досуга с книгой, но и развития нестандартного мышления.

Лучшие произведения художественной литературы призваны формировать и удовлетворять духовные, социальные и образовательные потребности. Произведения, предусмотренные учебными программами, помогают получить представление о непреходящих нравственных ценностях. Английский писатель Джозеф Аддисон еще в XVII веке писал: «Чтение для ума – то же, что физическое упражнение для тела». А Д. Дидро считал, что люди перестают мыслить, если перестают читать.

Приведем некоторые интересные факты о пользе чтения.

1. Книга снижает стресс. Богатство и ритм языка имеют свойство успокаивать психику и избавлять организм от стресса.

2. Чтение защищает от болезни Альцгеймера. Когда вы читаете, активность мозга увеличивается, а это благотворно сказывается на его состоянии.

3. Чтение придает уверенности. Чтение книг делает нас более грамотными: в общении человек невольно ведет себя более собранно, уверенно, демонстрируя глубокое знание темы разговора. И, наконец, признание окружающими эрудиции собеседника положительно влияет на его самооценку.

4. Чтение стимулирует мозговую активность. При чтении необходимо запоминать множество деталей, нужных для понимания книги. Вот почему чтение тренирует память и логику.

Книга – лучший советчик, обращение к которому не смущает читателя. На страницах книги представлены ответы на волнующие вопросы, обозначены возможные решения жизненных проблем, даны дельные советы и рекомендации.

Научная литература помогает правильно воспринимать и понимать окружающий мир, развивает интуицию, стимулирует интерес к саморазвитию и совершенствованию. Философские книги развивают мышление, помогают понимать желания и потребности личности, учат находить интерес и цель в жизни. Художественная литература формирует навыки грамотного письма, правильность речи, развивает красноречие и образное мышление, помогает осознать жизнь, понять происходящие в обществе события.

Если все мы хотим жить в обществе знаний, необходимо осознать несколько истин:

1) чтение играет огромную роль в образовании, воспитании и развитии человека, это окно в познание мира и себя;
2) книга, независимо от формы ее представления (печатная или электронная), по-прежнему остается основой культуры и грамотности;
3) важность книги и чтения неоспорима, это всецело поддерживается мировым сообществом.

Таким образом, книга аккумулирует достижения многовековой культуры человечества и является важнейшим источником знаний, средством самообразования и саморазвития. Она позволяет познать окружающий мир, разобраться в мыслях, чувствах, потребностях, найти дорогу в жизни, наметить программу самовоспитания и нравственные ориентиры, от которых зависит духовное здоровье и будущее нации.

Исследования, проведенные в разных странах, выявили, что «читатели» от «нечитателей» отличаются интеллектуальным развитием. «Читатели» способны мыслить категориями проблем, охватывая целое и устанавливая иногда даже противоречивую связь явлений, более адекватно оценивают ситуацию, быстрее находят правильное решение, у них развито творческое воображение, они

лучше владеют речью, точнее формулируют мысль, свободнее пишут, более коммуникабельны и приятны в общении, более критичны и самостоятельны. Таким образом, чтение формирует наиболее развитого и социально ценного человека. Чтение рассматривается некоторыми социологами как надежный, чуткий и даже универсальный индикатор состояния общества.

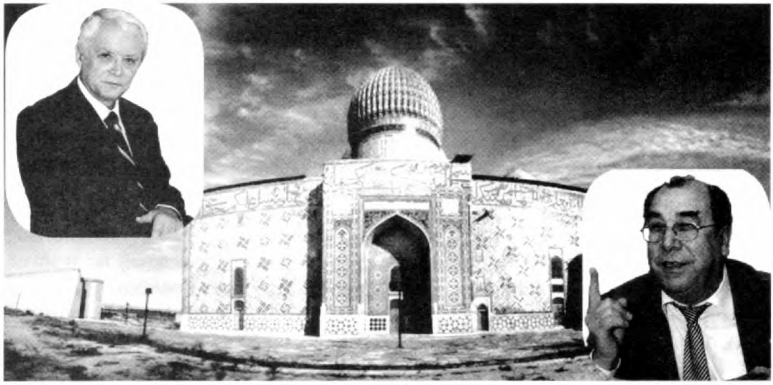
К сожалению, в век информационных технологий чувства, переживания, отношения отодвигаются на второй план, главное – информация, предпочтение отдается детективам, фантастике, научной литературе. Однако человеческий мозг устроен так, что информация лучше воспринимается в художественных образах, нежели в научных выкладках. Литературные произведения обладают огромной силой воздействия на человеческую душу, способны вызвать те или иные чувства, побуждают к размышлению о жизни, а иногда даже меняют мировоззрение. Сила влияния художественной литературы на человеческое сознание подобна силе влияния реальности, поскольку талантливый писатель способен передать сюжет насыщенно, в деталях, правдоподобно, интригующе – «как в жизни», и невозможно оторваться от книги, ее читают на одном дыхании. Иными словами, книга овладевает сознанием человека. Известный прозаик Юрий Бондарев так характеризовал роль литературы: «Это великое переселение из мира внешнего в мир внутренний... ей (литературе) дано проводить всеобщую ревизию совести, порицать мировой порок безразличия друг к другу, жестокость, алчность, варварское соперничество с самой природой. Словом начинались ненависть, войны, вражда, национализм, разрушались стыдливость, чистота, мораль, целые культуры, но словом увеличивались и любовь, и раскаяние, начинались великие революции, новые эпохи, прекрасные книги, благословенная тишина мира».

Книга – матрица развития особых зон коры головного мозга в височных долях, которые отвечают за самосознание и развитие ораторских способностей. С этой точки зрения, книгу ничем нельзя заменить, поэтому, переставая читать, люди становятся более примитивными.

Важна любая книга, из какой бы области знаний она ни была. Незаменимые помощники – справочная литература, различные словари, энциклопедии. Историческая книга хранит живое дыхание времени, с расстояния прошлых лет мы смотрим на настоящее, оцениваем и понимаем его. Научная литература становится источником получения глубоких знаний. Они молчаливы, но сколько тайн содержат в себе! Надо только научиться читать их и черпать из них самое ценное. А художественное произведение заставляет нас совершать удивительные путешествия в мир, где мы переживаем вместе с героями, радуемся их счастью, страдаем вместе с ними и ждем благополучного конца.

Книга учит милосердию, сочувствию. Без нее были бы невозможны ни образование, ни культура нашего общества, ведь именно книга хранит в себе все, что накоплено человечеством в различных областях за все века его существования.

Почаще приходите в храм книги – в библиотеку, следуйте совету замечательного русского писателя Константина Паустовского: «Читайте! И пусть в вашей жизни не будет ни одного дня, когда бы вы не прочли хоть одной странички из новой книги!»



ЧТО ЗНАЧИТ ДЛЯ ВАС УЗБЕКИСТАН?

Интервью Бориса Бабаева с генеральным директором АО «Издательства "Художественная литература"», вице-президентом Академии российской словесности, секретарем Союза писателей России Георгием Пряхиным

– Мы с благодарностью вспоминаем ваши добрые дела в Узбекистане и просим Вас, многоуважаемый Георгий Владимирович, ответить на наши вопросы. Что значит для Вас Узбекистан?

– И радость, и боль... Мой отец практически в младенческом возрасте вместе со своей матерью, моей бабкой Мамурой, как сын басмача, был сослан из-под Бухары сначала в Маргилан, а потом и вовсе в Россию, на Ставрополье, где со временем в селе Николо-Александровском он встретился с моей матерью, русской женщиной, тоже ссыльной – так родился я. Дальнейшая совместная жизнь у них с матерью не сложилась. Я его не увидал. После ссылки отец вернулся в Узбекистан. Здесь у него появилась новая семья. Только в 2007-ом году я нашел под Бухарой его могилу и нескольких братьев и сестер (по отцу). Мать же моя умерла, когда мне было только 14 лет. Отсюда и мое отношение к Узбекистану. Здесь и родная могила, и, в общем-то, родные люди, с которыми я и сейчас поддерживаю отношения.

– Ваше отношение к тем преобразованиям, которые происходят в последнее время в Узбекистане?

– Мне кажется, Узбекистан, ставший на путь независимости при своем первом президенте, постепенно отходит от современного неофеодализма. Дай Бог, чтобы этот процесс проходил увереннее, но с наименьшими издержками.

– Какова роль и место Узбекистана, на Ваш взгляд, в мировом сообществе?

– Роль и место в установлении и сохранении геополитического равновесия в Центральной Азии самые серьезные. Но что касается мира, роль современного Узбекистана, особенно с учетом его природных ресурсов, вековых гуманистических, миротворческих традиций и невероятного трудолюбия узбеков, могла быть и более весомой.

– Ваше отношение к современному Узбекистану – к Узбекистану периода Шавката Мирзиёева?

– Мне кажется, не только я, но и все неравнодушные россияне, русские полны сейчас определенных надежд и ожиданий. Узбекистан открывается и к России, и к миру.

– Каким Вы видите будущее Узбекистана?

– Как я уже сказал, здесь немало и моих близких, и просто родных мне людей. Впервые в Узбекистане, в Ташкенте, я оказался в 1972 г. Мне негде было ночевать (места в гостинице не оказалось), и меня просто забрали с собой, прямо с улицы, точнее, из кинотеатра, где я кемарил на последнем сеансе, обычные молодые ребята-узбеки. Студенты. Как я хотел бы, чтобы такое отношение к русским, да и просто к нуждающемуся человеку возродилось в Узбекистане! Хотелось бы, чтобы, наконец, зажиточнее стали не только верхи, но и низы, впрочем, это касается и России тоже. Хотелось бы, чтобы великая узбекская культура и, в частности, литература не уступали бы свой гуманистический плацдарм религиозному фундаментализму.

– Ваша оценка сегодняшнего состояния узбекско-российских отношений?

– Отношения заметно расширяются, но могли бы быть еще лучше. Здесь многое зависит не только от руководителей, но и от самих граждан. Когда в моем русском ссыльном селе властвовала комендатура (до 1947 года), многие узбекские и русские семьи жили в одних и тех же хатах. На мусульманские праздники вместо женщин-узбечек на работу в поле дополнительно выходили русские женщины и девушки, а в православные праздники, на Пасху, например, их добровольно подменяли узбечки. Сейчас в силу известных миграционных процессов тоже рождаются, подчас трудно и мучительно, новая дружба, добрососедство и взаимодействие на бытовом уровне не народов даже, а просто людей разных национальностей. И она, эта новая, земная, бытовая дружба, мне кажется, может стать более долговечной, чем та, которая декларировалась и декларируется сверху.

– Узбекистан, как известно, находится в сердце Центральной Азии. Как Вы думаете, возлагает ли геополитическое положение определенные обязательства на страну?

– Конечно. Мне кажется, что именно это положение, усиленное значительным людским потенциалом Узбекистана и его древними дипломатическими и культурными традициями, позволяет выступать стране одним из гарантов стабильности и добрососедства как в Центральной Азии, так и на всем евроазиатском пространстве. Да в общем-то, в отношениях между двумя крупнейшими человеческими цивилизациями в целом.

– Есть ли у Вас слова, предложения, пожелания, которые Вы бы хотели сказать сегодня Вашим коллегам-соотечественникам, находящимся за пределами родины?

– Искать не различия в нас и в наших народах, а сходство.

– Уважаемый Георгий Владимирович, какие незадействованные, неиспользованные резервы есть, на Ваш взгляд, в Узбекистане?

– Советовать всегда легче, чем делать. Например, совместное спасение Аральского моря, важной составной части всемирной, а не только центрально-азиатской экосистемы, и совместное сооружение скоростной трансазиатской магистрали (железнодорожной и шоссейной) – и в Пекин, и через Москву на Запад.

Я вновь влюбленным стал...

АЛИШЕР НАВОИ

Газели

Из дивана "Полезные советы старости" ("Фавоид ул-кибар", 350-газал).

Вы о тайнах любви тех, кто был разлучен, расспросите,
Об усладах пиров тех, кто ими прельщен, расспросите.

Суждено как удел сохранять и любовь нам и верность,
Про неверность в любви тех, кто с ней незнаком, расспросите.

Повседневные тяготы слабость приносит и старость,
О красе и о силе у тех, кто силен, расспросите.

Что бездушные скажут о радостях или обидах?
Тех, кто чуткой душой одарен, вы таких расспросите.

Благородных душою о людях дурных не пытайте:
Тех, кто плох, как все мы, или кто развращен, расспросите.

О путях одиночества знатные люди не скажут,
О блаженстве невзгод тех, кто всем обделен, расспросите.

Смертный ждет приговор уязвленных высокой любовью,
Кто в любви, как герой, был сражен, вы о ней расспросите.

Кто живет повседневным, тот высших сокровищ не знает:
Кто от суетных дел отрешен, вы таких расспросите.

О друзья, средь пустыни любви Навои затерялся,
Вы о нем караваны из дальних сторон расспросите.

Из дивана "Редкостные завершения" ("Наводир ун-ниҳоя", 146-газал).

Когда жестокости мечом ты ранишь сердце – вопль встает.
Не странно это: ведь когда льют воду, пламя слезы льет.

И даже в радости печаль находит сердце без тебя,
Но от тебя и злая весть, как будто радость в сердце шлет.

Что удивляться моему безумию: по временам
Перед глазами лик ее – рожденной пери – предстает.

О добрый кравчий, иногда ты сердце радуешь вином,
Оно устроенности вид руинам сердца придает.

Обрадуй, кравчий, же меня хотя бы чашею одной:
Моя скорбящая душа от горести вот-вот умрет.

«Пред идолом не отрывай главу от чаши», – так велел
Премудрый старец в дайре[1] мне, совет давая наперед.

До смерти будет Навои твой облик в памяти хранить,
А ты живи, пусть для тебя и память обо мне уйдет.

Из дивана "Чудеса детства" ("Ғаройиб ус-сиғар", 84-ғазал).

Ветер утра[2], в тиши ты усладе души
о моем состоянье скажи,
Ей – с цветущим лицом, с черной пряди кольцом,
тонкостанной – с признаньем скажи.

Я, в тоске и мечтах о рубинах-устах,
кровь почувствовал в горьких глотках.
Ей, вкусившей вина, что весельем полна,
ты об этом мечтанье скажи.

Мне вино – словно яд, мои мысли скорбят;
как вино, слезы красным горят.
Ей, счастливой такой, с речью сладкой, живой
о ее обаянье скажи.

И напрасен вопрос, отчего сумрак слез
ночи тьму в ясный день мне принес:
Она ночь хочет длить, а рассвет подарить
не имеет желанья – скажи.

Сердце к пери влечет, я забыл средь невзгод
мое имя, влиянье, почет.
Ей в долине разлук о душе, полной мук,
и моем воздыханье скажи.

О провидец, внемли, что дороги любви
с мятежа начинались мои.
Счастье ль бунт принесет, и звезда меня ждет? –
Ты свое предсказанье скажи.

Навои стал теперь сердцем полон потерь,
он утратил покой свой, поверь.
Друг, свидетель скорбей, ты прекрасной моей
о душевном страданье скажи.

1 Дайр – в восточной поэзии многозначное слово, обозначающее обитель старца (пира), где собирались его последователи, ассоциирующееся со всей Вселенной и ее мудрым Создателем.

2 Оригинал газели «Эй насими субҳ, аҳволим дилоромим айт...»

ЗАХИРИДДИН МУХАММАД БАБУР

Рубаи[1]

* * *

Скажу ль о сердце ледяном, что жжет сильней печей,
Скажу ль о дерзких огоньках в глуби твоих очей;
Смогу ли описать твой взгляд, смогу ли рассказать
О чудном голосе твоем и сладости речей?..

* * *

Бессчетно благодарен я, что вдруг влюбленным стал,
Легенду новую творя, я вновь влюбленным стал.
Лишь восхваленья красоты твоей я услыхал,
Еще не увидав тебя, уже влюбленным стал.

* * *

Твое письмо лишь в руки взяв, душой я удивлен,
Твоих стихов созвучьям вняв, я в сердце поражен:
Вся эта холодность твоя была лишь напускной,
А я, уловки не поняв, был злой судьбой сражен.

* * *

О сколько же еще скорбей судьба мне принесет,
Ведь с каждым мигом все больней меня несчастье ждет.
Что делать мне, когда сам Бог, свой замысел творя,
Создал невзгоды для меня, меня же – для невзгод.

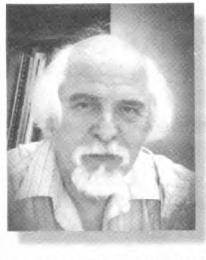
* * *

Тот, кто преданно служил, преданность найдет,
Кто неверность проявил – тех измена ждет.
Душу добрую вовек не карает зло,
Тот же, кто посеял зло, – кару обретет.

Перевод с узбекского Николая Ильина.

Николай ИЛЬИН. Поэт, литературовед, переводчик, член СП Узбекистана. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Кандидат педагогических наук, автор множества научных публикаций, поэтических сборников: «Первая тетрадь», «По клавишам души», «На кочевьях времен», «Обетованная память», «По стопам листопада», «Если окно открыто...».

1 Бобир шеъриятидан. // Туз. С. Хасанов. Мухаррир: А. Қаюмов; Редколл.: Жабборов Ж. ва бошк. Тошкент. Узбекистон КП МК нашри. 142 б. 7 в. айрим раем. (Шарк классиклари меросидан. УзССР ФА Х,– С. Сулаймонов номидаги кулёзмалар институти).



ОСТРОВ НЕВЕЗЕНИЯ

Рассказ

Владимир ВАСИЛЬЕВ

Казалось, что этот странный мерный шум был всегда – сначала с гулом нарастает: «У-у-у-ух...», потом с обиженным вздохом отступает: «Эх-х-х...» – и так бесконечно. Похоже на дыхание.

Он пребывал в темноте, и потому шум служил единственным доказательством того, что мир существует. Подтверждением его собственного существования была и боль. Однако странным образом в нем тлела благодарность этой боли. Возможно, на клеточном уровне он чувствовал, что она сопровождает процесс возвращения к жизни. Человек может не хотеть этого возвращения, но клетки жаждут всегда.

Он был похож на эмбрион, потому что плавал в жидкости внутри прозрачного саркофага, к телу тянулись трубки, сильно напоминающие материнскую пуповину, только их было много. Но ведь много было и его (почти два метра) – куда там младенцу! Однако он не знал, на кого похож, потому что не умел знать. Жизнь существовала в ощущениях, причем, в элементарных. Однако это была жизнь – и это уже результат.

Тот, кто добился этого результата, еще очень далекого от намеченной цели, следил за пациентом через монитор, где в многоэкранном режиме высвечивалась не только картинка, но и все необходимые таблицы, кривые с параметрами регенерирующего состава и состояния пациента. Собственно, программа не нуждалась в человеческом присмотре, но Лекарь считал, что врачебная интуиция – неплохой партнер кибернетическому педантизму.

На этом теле не было живого места в самом прямом смысле, но оно было единственным живым среди фрагментов тел и обломков искореженного металла, разбросанных по скалистому склону. Его нашла собака-спасатель в шели между снежником и скалой. Тогда-то Лекарь, входивший в команду спасателей, и взял его под свою опеку – интуиция подсказала, что Везунчику должно везти и дальше. Лекарь сделал телу необходимые инъекции и потребовал срочно эвакуировать его в госпиталь. Это был уникальный экспериментальный материал! Как позже выяснилось – с весьма жирненькой медицинской страховкой.

Хотя никакой страховки не хватило бы на лечение, если бы не его, Лекаря, технология генерации теломеразы из половых и стволовых клеток пациента – вот за что ему положена Нобелевка! И она будет, когда этот пациент

Владимир ВАСИЛЬЕВ. Родился в 1948 году в Рыбинске. Писатель, поэт, переводчик, член Союза писателей Узбекистана, автор многочисленных фантастических произведений. Лауреат премии «Интерпресскон-91». Кандидат технических наук.

встанет на ноги!

Лекарь получал истинное эстетическое наслаждение, наблюдая на экране переданный с мошнейшего электронного микроскопа процесс роста теломеров под воздействием теломеразы (ну чем не балет эти изящные движения концов удлиняющихся хромосом?!).

Кусок недавно хорошо обжаренного мяса все больше становится похож на живую плоть. Местами уже появляется кожица, нежная, как у младенца.

Но еще больше радуют положительные процессы в мозгу пострадавшего в катастрофе. Кто ж из тебя получится, лазарь, – бессмертный идиот или нормальный человек? Но это следующий этап, а пока из стейка надо сделать живую плоть.

К Дыханию присоединился звон: «Цви-ирк… ц-ц-ц-ви-ирк…» – слабее Дыхания, но вызывает какой-то отклик…

А то еще такое: «Пи-и-ить… тук» (словно капля на дно ведра упала), потом еще жалобней: «Пи-и-и-ить… тук-тук» (словно две капли упали), и совсем уже душераздирающе: «Пи-и-и-и-ить… и тук-тук-тук-тук» (словно, наконец, дождь по крыше забарабанил), а потом: «Буль-буль-буль-буль» (по лужам забулькало) и «Тр-р-р-р-р-р…» (град по земле ударил) и свист: «Тюиюи-юиюи...» (будто градины прямо мимо уха просвистывают), а дальше и вовсе разбойничий посвист до звона…

Потом все затихнет и на фоне богатырского дыхания издевательское: «Ха-ха-ха-ха»… – даже мороз по коже. А тут и успокаивающее: «Цви-ирк… ц-ц-ц-ви-ирк…» подоспеет.

А еще «Шу-у-у…шу-у-у-ш-ш-ш…»

– Листва расшушукалась, – комментировал Лекарь, улавливая реакцию пациента, а тому слышалось: – Шелества…

А Лекарь считывал зрительные образы, возникающие у пациента от звуков внешнего мира, и оторопевал: ну, откуда, скажите, на этом «чистом листе» появилось грязное цинковое ведро, куда капают капли с крыши или с неба? Он и в прежней-то жизни не мог видеть этого треклятого ведра – их давно никто не выпускает, да в его жизни и пластиковых быть не могло – баловень судьбы из сливок общества в нескольких поколениях… Разве что из каких-то древних фильмов?.. Значит, в сознании – туман вместо зрительного образа, надо создавать в его мозгу базу соответствий: это – стрекотание цикад, сверчков да кузнечиков, а это – трель соловья, это же – шелест листвы… Зрение восстановится – видео показать, и все встанет на свои места. Но спешить не стоит – глаза готовы, но готова ли психика?

Лекарь щедро пичкал пациента звуковой информацией: шумами природы, музыкой, разговорами, словарный запас реанимировал. После нескольких суток словесной атаки пациент начал вроде бы адекватно реагировать на речь: в мозгу возникали нужные или близкие к нужным образы.

– Что это? – сердце стало слышно не только в груди. – Странное, непонятное, очень волнующее ощущение в носу.

– Ну, что это ты тут буянишь? – раздался насмешливый голос Лекаря.

– Не понимаю, – ответил пациент.

– Сейчас разберемся, – Лекарь потанцевал по сенсорному экрану компа. – Поздравляю, уважаемый, к вам вернулось обоняние! То, что вы ощущаете – запахи мира. Как со звуками почти разобрались, так и с запахами

сладим. Поднесите-ка, голубчик, свою руку к носу.

Пациент поднес.

– Втяните воздух в себя.

Пациент втянул, пожалуй, слишком активно и чихнул.

– Ничего, ничего, – успокоил Лекарь. – Запомни – это твой запах, изрядно сдобренный лекарствами. Скоро тебе откроется мир запахов, к сожалению, не всегда приятных. Но это жизнь.

Голос Лекаря успокаивал, и сердце затихло. Нос стал осторожно втягивать в себя воздух, а его обладатель – прислушиваться к ощущениям. Они волновали, но уже не тревожили. Все так же шумно дышал Некто невидимый и необъятный. И это было хорошо.

Лекарь с гордостью смотрел на пациента, делающего первые шаги в ходунках. Позади остались недели и месяцы восстановления мышечной массы и двигательных рефлексов. На физиономии пациента сияло сосредоточенное блаженство. Всего несколько шагов от кровати до окна, но надо было видеть, как расширились от удивления и счастья его глаза, когда он увидел пейзаж за окном. Он сам открыл окно, и дыхание почти оглушило его, хотя на самом деле было не столь уж громким для обычного человека. Но в том-то и дело, что лазари – не обычные люди. Собственно, звучало не только дыхание Титана, которого он, наконец, увидел, но и вся симфония звуков жизни.

– Это и есть Океан? – спросил он, хотя знал ответ – видел на видео.

– Он самый, – ответил Лекарь, – дарю его тебе.

– Спасибо, – серьезно откликнулся пациент. Его шатало в ритме дыхания океана.

«Цви-ирк… ц-ц-ц-ви-ирк…», – вели свою тему цикады с кузнечиками да сверчками. За окном радовалась сама себе жизнь.

И вот он вышел из здания больницы и пошел навстречу тому, кто первым сообщил ему, что жизнь продолжается. К тому, кто шумно дышал и мощно жил. Ветер пошвыривал в лицо прохладные брызги, и пациент счастливо слизывал их с верхней губы. Ему нравилась их соленая горечь. Следом бесшумно катился кибермедбрат для присмотра и оказания первой помощи, ежели, не дай бог, что.

Преодолев стометровую лесополосу, пациент вышел на скалистый берег океана, вдохнул полной грудью – аж голова закружилась. Через несколько вдохов земля прочно утвердилась под ногами. Только горизонт немного покачивался. Пациент перевел взгляд с горизонта к подножию – там волны весело наскакивали на скалы и разбивались в брызги, которые ловко подхватывал ветер. Через несколько секунд пациент промок до нитки. Но было тепло и потому это оказалось приятным.

Он углядел справа спуск к воде, его потянуло в небольшую бухточку с песчаным пляжем – проснулись инстинкты. Кибербрат поспешал следом.

Одежда разлетелась по прибрежным камням, а ее обладатель потихоньку вошел в воду. В бухте, отгороженной от океана изогнутой каменной косой, прибой был совсем небольшой. Оказалось, что он умеет плавать. Сил, правда, было немного, и метров через пятьдесят он почувствовал усталость. Пришлось с сожалением возвращаться под возмущенное верещание кибербрата.

– Ладно, не ворчи, – с одышкой прохрипел пациент. – Все нормально…

И обессиленно рухнул на песок, улыбаясь во весь рот с отлично

восстановленными зубами. Солнце быстро высушило тело пациента и принялось легко покусывать его нежную свежую кожу.

– Длительные солнечные ванны противопоказаны! – возвестил кибербрат.

– Да уж чувствую, – не стал сопротивляться пациент и принялся собирать одежду.

– Для вас поступил разрешенный вызов, – деловым тоном сообщил кибер.

– А что, может поступить и неразрешенный? – прицепился к слову пациент.

– Нет, не может, – заверил кибер.

– Тогда не приумножай сущности, – неожиданно агрессивно прикрикнул пациент, – соединяй!

В пространстве перед кибером возникла человеческая особь хх-типа (в речи таких называют просто икс-икс), одетая в строгий деловой костюм, который прекрасно гармонировал с волосами цвета воронова крыла и снежно-белой кожей. Икс-икс молчала, с интересом рассматривая пациента.

– А ты неплохо выглядишь, – с легкой хрипотцой почти бесстрастного голоса приятного высокого тембра признала она. – Пожалуй, даже лучше, чем прежде. Выражение глаз совсем другое. Такого у людей не бывает… Разве что изредка у маленьких детей, пока они находятся в звериной стадии развития. Ах да – ты теперь тоже зверь… Ну, здравствуй, мой бывший икс-игрек, ныне ставший зверем…

– Здравствуй, икс-икс, – ответил пациент. Ему было интересно общаться с этим существом, но каких-то особых эмоций он не испытывал. – Кто ты?.. Хотя вспоминаю – мне показывали… Как это называется… Хромо… хроно…

– Хромосомная пара, – усмехнулась она.

– Точно! – обрадовался пациент. – А у хромосомных пар должны быть генетические потомки, генепоты… У нас есть генепоты?

– Есть, – вздохнула икс-икс. – Икс-икс Мэри и икс-игрек Стив.

Пациент внимательно смотрел на нее, пытаясь вспомнить. Что-то маячило в глубинах памяти, но маяк был слишком далеко и в тумане.

– Я хотел бы их увидеть, – вопросительно посмотрел он на свою хромопару. Бывшую, как она сказала.

– Ювеналы не позволили, – отрицательно покачала она головой, – это вредно для детской психики.

– Не понял… Ты говоришь, что я хорошо выгляжу… В чем вред?

– Юридически тебя не существует… Прошел год с момента, когда твой ID перестал подавать сигналы и отвечать на вызов. Он был физически уничтожен во время падения самолета. Закон дает год на его восстановление. Твой ID восстановлению не подлежит…

– И что?

– Дети не могут общаться с тем, кто не существует! – воскликнула она, явно раздосадованная тем, что он не понимает очевидного.

– Как не существует? Вот же я!.. Ты же меня видишь!

– Вижу, – кивнула она, грустно улыбнувшись, – но видеть можно и то, что не существует.

– Так приезжай и потрогай руками!

– Живые не имеют права посещать Лазарет! – вскрикнула она, похоже, испугавшись. – Из Лазарета не возвращаются.

– Лазарет?.. Что такое Лазарет?

– Это остров, на котором ты жи… находишься. В мифе о Христе и Лазаре

рассказывается, как Христос воскресил труп Лазаря, уже начавший разлагаться… На острове находятся воскрешенные лазари. Вы – подопытные кролики Лекаря, помогающие ему отрабатывать медицинские технологии, нужные человечеству. Вы уже не люди, поэтому на вас разрешается ставить опыты.

Он некоторое время молчал, осознавая сказанное.

– Но ты же общаешься!? Почему?

– Я – взрослая, моя психика устоялась и… Хромопаре один раз дозволяется убедиться в том, что бывший хромопартнер – лазарь.

– У меня это что – на лбу написано?

– В глазах, – ответила она. – У тебя никогда не было такого звериного… ну… детского взгляда… Ну и показания приборов – они у меня на коммуникаторе.

– И зачем тебе нужно убеждаться?

– Во-первых, чтобы быть окончательно свободной… Во-вторых, ко мне переходит теперь вся твоя собственность. Теперь я – глава Корпорации. А у тебя нет никакой собственности, что еще раз подтверждает, что тебя нет среди живых, потому что живой не может ничего не иметь… Ну, и… мне нужно было убедиться, что у тебя все хорошо.

– Убедилась?

– Да. Когда я тебя увидела, у тебя был вид совершенно счастливого че... существа.

– Счастливого? Что это значит?

– Счастье – это когда тебе хорошо.

– Да, мне было хорошо, – кивнул он. – Я впервые увидел океан и вошел в него.

– Впервые? – удивилась она. – Но у нас была яхта, на которой мы с тобой совершали кругосветное путешествие. Ты плавал, как дельфин… Ах да, мне говорили, что у тебя амнезия… Ничего не помнишь?

– Нет.

– Возможно, это привилегия счастливого… Ты, как представитель корпорации, сопровождал клиентов на приобретенные ими территории. Хотя у тебя громадный штат подчиненных. Все считали, что территория зачищена, но партизаны сбили твой самолет со всеми клиентами. Я завершила твое дело – зачистила территорию: твари уничтожены – и самцы, и самки, и детеныши. Все стада в округе.

Лицо ее помрачнело, приняв жесткое выражение.

– Это было неприятно наблюдать и нерационально делать – надо соблюдать экологическое равновесие, теперь придется переселять туда другое стадо… Но они покусились на мою собственность!

Ее лицо осветилось чувством Святой справедливости.

– На какую собственность? – спросил икс-игрек, не понимая, о чем речь.

– На тебя! – удивленно объяснила она. – Ты что, не знаешь, что хромосомные пары объявляются частной собственностью друг друга? Хотя тебе, наверное, лучше и не знать, – вздохнула она. – Теперь и я – ничья… Это очень… тяжело… непривычно… ощущение пустоты… Ты это ощущаешь?

– Нет, – честно признался он.

– Лазарь, – кивнула она, будто это слово ей все объясняло. – Я пыталась приобрести тебя в частную собственность, но лазари по закону не могут никому принадлежать и не могут находиться среди людей. Говорят, что Лазарет – и есть мифический рай. Очень желаю, чтобы оказалось именно так. Я постараюсь

быть хорошей главой нашей Корпорации.

– Мы еще увидимся? Ты мне понравилась, – он почувствовал, что она готовится прощаться.

– Нет, это разрешается лишь раз… И правильно – это было бы слишком тяжело. Прощай…

Глаза ее потемнели, и пространство опустело.

– Эй! – крикнул пациент.

– Сеанс связи завершен, – равнодушно сообщил кибер.

Жить стало почему-то не так хорошо. Может, потому что над островом собрались тучи и полил дождь? Хотя прикосновение капель к коже оказалось приятным. Пациент даже снял с себя рубаху и шел к больнице с голым торсом, омываемым летним дождем.

– Зонт открыть? – спросил медкибер.

– Не надо, не сосулька – не растаю, – отказался пациент, скользя на мокрой почве, поэтому он, сняв тапки, зашагал босиком.

Выйдя из больницы (так он называл про себя здание, в котором находился весь последний год), пациент даже не обернулся – его тянуло навстречу новой жизни. Теперь же, возвращаясь, он не мог не видеть колоссального сооружения, заслонившего ему весь окоем. Оно было не то кругло, не то овально в горизонтальном сечении, а крыша здания скрывалась довольно низкой облачностью.

Лекарь стоял на крыльце, поджидая пациента и наслаждаясь страстью природы. Оба состояния – озабоченность и блаженство – были большими буквами написаны на его физиономии. Обожал он ливни и прочие выражения чувств Матери Земли.

Пациент остановился у крыльца и снизу вверх вопросительно посмотрел на Лекаря.

– Я все слышал, – кивнул тот. – Это моя обязанность. Информация часто убивает. Особенно правдивая.

– Все, что она сказала, – правда?

– По крайней мере, твоя бывшая жена сознательно не искажала доступную ей информацию, – ответил Лекарь.

– Жена?

– Так раньше называли хромосомных партнеров: жена и муж. Коротко и ясно.

– Почему же перестали?

– Сочли, что разные имена унижают человеческое достоинство.

– Мне нравится, когда имена разные, – ответил пациент. – А правда, что я теперь никто и звать меня лазарь?

– Для социума – никто и лазарь, а для меня – еще один мой ребенок, мое творение.

– Почему ты сказал им, что мой ID невозможно восстановить?

– Потому что это правда, но сказал не я, а приборы, которые не умеют искажать информацию.

– И почему невозможно?!

– Потому что в ID записан индивидуальный генетический код, а он у тебя после воскрешения изменился в результате генетической регенерации и запуску тех механизмов, которые у нормальных людей не работают. По крайней мере, пока.

– Ясно, – кивнул пациент. – Если кролик выживет, то можно и для людей

применять.

– Примерно так, – легко согласился Лекарь. – Но у тебя не было иного пути для жизни, а у людей пути всегда есть… Как тебе дождь?

– Здорово!

– И здОрово, и здорОво – божий душ… – подтвердил Лекарь. – И если бы ты не стал лазарем, он был бы тебе недоступен. Все имеющиеся в твоем положении минусы перекрываются одним большим плюсом – жизнью.

– Трудно возразить, – улыбнулся лазарь. – Но изменение моего юридического статуса обозначило мою полную нищету, а пребывание здесь должно быть весьма дорого. Моя бывшая хромопара ни словом не обмолвилась насчет моего содержания здесь…

– Кролики не платят за пребывание в медицинском учреждении, – весело усмехнулся Лекарь. – И медицинская страховка аннулирована, ибо ты юридически не существуешь. Правда, для содержания нашего Лазарета в таких случаях остатки страховых сумм перечисляются на наш счет, но уже не для тебя, а для всех.

– И много этих всех?

– Достаточно… Жизнь предстоит длинная, со всеми познакомишься.

– Разве кролики живут долго?

– Такие, как ты, должны долго, – кивнул серьезно Лекарь. – Эксперимент рассчитан на практически бесконечную жизнь.

– Тогда и тебе придется жить не меньше, чтобы убедиться в успехе, – вполне логично заметил лазарь.

– Придется, – развел руками Лекарь, мол, некуда деваться. – Я тоже – кролик…

– Лазарь?

– Нет, Лазарет – моя собственность… Контрольный пакет – мой.

– Но это же невыгодное вложение капитала! – воскликнул лазарь. – Он не может приносить дохода!

– Ты не прав, мой добрый лазарь. Многие, особенно в конце жизни, готовы отдать все свое состояние за возможность оказаться здесь. Это, кстати, обязательное условие.

– А как же наследники? – удивился пациент, хорошо подкованный обучающими киберами.

– А вот это и определяет драматургию жизни! – патетически поднял вверх палец Лекарь. – Каждый должен рассчитывать только на свою частную собственность. И каждый вправе распоряжаться ею по своему усмотрению.

– Но если все еще нужны такие кролики, как я, значит, отдавая состояние, жаждущие не получают стопроцентных гарантий? – вопросительно посмотрел на Лекаря пациент.

– Ах, какие умные кролики на этом острове! – засмеялся Лекарь. – Страждущие и жаждущие получают гарантию, что отработанное на кроликах будет применено и к ним.

– Что ж, это честно, – согласился лазарь. – И что же я в качестве кролика должен дальше делать?

– Жить, проходить обследования, позволять медкиберам осуществлять над тобой предписанные действия… Да-да, именно жить в предлагаемых обстоятельствах. Способность к адаптации – один из параметров исследования, ибо это очень скоро человечеству понадобится… Ну и мне помогать в работе с другими лазарями.

Чтобы вернуть человека к нормальному восприятию реальности, надо влепить ему пару оплеух. И он их получил – от своей хромопары и от Лекаря. Пациент перестал ощущать себя больным, осознал, что он взрослый мужчина, коему предстоит самостоятельно решать свои проблемы и выбирать путь жизни. И что в таком случае должен сделать взрослый мужчина, будь он хоть кроликом, хоть крысой, хоть лазарем? Правильно: в первую очередь обозначить границы оных обстоятельств в пространстве, времени и в сфере допустимых действий. Время условно обозначили знаком бесконечности. Пространство ограничено островом Лазарет. Рано или поздно оно будет обследовано. А вот сферу разрешенных действий в основном придется определять методом набивания шишек.

Решено: день будет начинаться пробежкой и заплывом в океане. Затем дела, назначенные Лекарем. Далее – интеллектуальные исследования и общая тренировка ума.

Лекарю понравился подход пациента к ситуации, и он не вмешивался. Показания приборов его тоже удовлетворяли. Оставалось постепенно усложнять условия бытия.

Легкие с удовольствием качали свежий морской воздух, смешанный с запахом хвои, ноги пружинисто отталкивались от песчано-каменистой почвы. Лепота…

– Все бегаешь, бегун? – раздался сбоку высокий мужской голос неприятного скрипучего тембра. – От себя не убежишь.

Лазарь, будто на стенку наткнувшись, резко остановился. Он давно надеялся кого-нибудь встретить, Лекарь обещал ему, да не торопился выполнять. И вот на тебе…

– А я не от себя, а для себя бегаю, – быстро нашелся лазарь. – Это ж какое наслаждение после года неподвижности!

– Так и получилось, что вместо задуманного человека разумного выбежал на историческую арену человек бегающий, находящийся в двух состояниях – в погоне за добычей и в драпании от хищника. Оба состояния несовместимы с развитием умственных возможностей, а служат лишь развитию сноровки в удовлетворении инстинктов.

– Надо же! – обрадовался лазарь. – То словом не с кем перекинуться, кроме Лекаря, то настоящий философ на тропе поджидает. Ты кто, лазарь или персонал?

– Персонал здесь исключительно киберы, кроме Лекаря. Все остальные – лазари двух сортов: кролики и удавы. Ты – кролик, я – удав.

– Из чего это следует? – удивился лазарь осведомленности собеседника.

– Интернет читать надо. Там про всех написано, – усмехнулся Философ.

– Интернет? – задумался бегун над смыслом знакомых звуков. – Интернет…

– А-а, память отшибло, – понял Философ. – Многим здесь отшибает, чтобы от тяжести грехов земных не утопились… Интернет – всемирная информационная система общего пользования.

– А! Ну да, ну да, – вспомнил пациент уроки кибербрата. – А у меня нет Интернета.

– Я ж говорю, что бег не располагает к развитию умственных способностей, – хмыкнул Философ. – Интернет за тобой следом бегает, – повел

он головой в сторону медкибера.

Лазарь покраснел от досады – по этому каналу же с ним хромопара разговаривала. Похоже, с бегом и правда пора кончать и заняться восполнением пробелов в информационном обеспечении.

– Да ладно, Адам, – улыбнулся Философ. – Ты уж все за чистую монету не принимай, бегать полезно, но, – поднял он к небу указательный палец, – в разумную меру.

– Адам? – удивился Лазарь.

– Ну не Лазарь же! – фыркнул Философ. – Лазарь – это состояние, биофизический статус. Все мы лазари здесь, как я уже говорил. Но у каждого лазаря должно быть имя, если уж ID отняли. Да и не больно-то нужно! – вдруг обиженно выкрикнул он в сторону Здания. – Зато мы свободные существа, а не циферки в памяти суперкомпьютера.

– В предлагаемых обстоятельствах, – уточнил недавний лазарь.

– Именно! – обрадовался Философ. – Другой свободы и нет, другая свобода – это хаос, смерть. А ты, оказывается, тоже не чужд философии… Очень приятно…

– Ты не ответил мне, почему Адам?

– А это ты у своих генетов спрашивай, почему они тебя так назвали. Хотя догадываюсь – не удержались от соблазна. Адам Смит – это имя, это символ, это Адам современной цивилизации.

– Адам Смит… Адам Смит… – повторял свежеиспеченный Лазарь, будто прислушиваясь к звучанию имени. Произносилось легко и слегка резонировало – сердце начинало биться активней. – Опять интернет?

– Он самый, – кивнул Философ, – напомнил здесь о тебе, но раньше мы были знакомы с тобой. А с твоими генетами я был близок и по бизнесу, и по жизни. Посему я ждал тебя с тех пор, как узнал, что Лекарь прибрал тебя к рукам. Те, к кому он простирает свои длани, оказываются в Лазарете. Значит, мы были обречены на встречу.

– И какой я был в прошлом? – с детским выражением лица спросил Адам.

– Весьма мерзким типом, но я это понял уже здесь, ибо там был не лучше.

Адам удивленно воззрился на собеседника. Он относился к себе вполне положительно, не ведая за собой никаких грехов. Но у него, оказывается, имелось прошлое.

– Расскажи мне обо мне! – потребовал он у Философа.

– Не спеши, бегун, – осадил его собеседник. – Хорошо подумай, нужно ли тебе это? Тебе предоставлен уникальный шанс начать жизнь с нуля, а прошлая жизнь – это как камни на ногах. Не бегай, а думай… Потом поговорим.

И он скрылся за кустами шиповника.

Первым импульсом новоявленного Адама было ринуться к меланхолично стоящему рядом киберу и войти в сеть. Он даже открыл рот, чтобы попросить кибера об этом, но застыл, будто ступор напал.

Бегать расхотелось, и Адам, повторяя это имя про себя, медленно пошел к корпусу. Облачности не было, и здание ослепительно сияло, не позволяя рассмотреть себя во всем великолепии – верхушка терялась в зеркальных бликах.

«Он прав – нельзя торопиться. Сначала надо обрести личность здесь, и уж эта личность должна решать свою судьбу… Не посоветоваться ли с Лекарем?.. Нет, он ждет от меня собственных решений, иначе нарушится чистота эксперимента. Да и жизнь-то моя, а не его».

Только сейчас лазарь понял, что загадочное устройство в его кабинете – это стационарный компьютер, а в ящиках стола он (тоже сейчас догадался) обнаруживал карманные и более крупные переносные компьютеры, включить которые ему до сих пор даже в голову не приходило. Дикарь – он и есть дикарь… То есть ему намекалось?..

Адам свернул в бухточку, где впервые прикоснулся к океану. В воде кто-то плескался. Хм, день знакомств намечается. Он сбросил штаны и рубаху и нырнул с камня в воду. Вынырнул рядом с опередившим его купальщиком.

– Эй, осторожней! – услышал он, вынырнув. Голос оказался икс-иксовский.

– Ох, виноват, – откликнулся Адам. – Я так обрадовался возможности общения, что чуть не утопил вас.

– Ну, утопить меня не так-то просто, – уже не столь агрессивно усмехнулась икс-икс. – Я плаваю лучше, чем хожу.

– Русалка, что ли? – улыбнулся Адам, подгребая руками-ногами, дабы не погрузиться. Она ничего такого не делала, словно стояла на твердой поверхности.

– К сожалению, нет, – хмыкнула она. – Просто походка дурацкая.

– Откуда вы знаете, какая у вас походка? Это только со стороны видно.

– Чувствую, – ответила она чуть агрессивно.

– Вообще-то мне кажется, – осторожно начал он, – что, как можно научиться плавать любым стилем, так и ходить разными походками.

– Существует природная грация, – ответила она.

– Возможно, – кивнул он, чуть хлебнув волны. – Но это не значит, что той же грации невозможно достичь тренировкой. Давайте попробуем!

– Давай, – вдруг согласилась она.

– А ты, – подхватил он предложенное обращение, – научишь меня так же держаться на воде? И плавать. Я ж только слегка могу.

– Да это же просто, – засмеялась она. – Не надо дергаться, вода – стихия плавная, надо прислушиваться к ее ритму.

Адам прислушался и пошел на дно. Русалка его придержала.

– Ложись на мою ладонь, – потребовала она, – расслабься совсем.

Он нашел взглядом облачко на небе, стал разглядывать его и расслабился.

– Молодец, – услышал он и понял, что свободно лежит на поверхности воды, слегка покачиваясь на волнах.

– Здорово! – признался он.

– Поплыли вместе, – позвала она и поплыла, не дожидаясь. Адам – следом, изо всех сил пытаясь догнать ее. Не получалось. Она работала только ногами, как дельфин или русалка хвостом. Хотя нет – в движении участвовало все тело. Адам залюбовался и сильно отстал. Она поднырнула и оказалась возле него.

– Эх, – вздохнул он.

– Ничего, будем тренироваться – научишься, – утешила она.

– Я устал, – пожаловался Адам. – Пойдем на берег. Я еще не совсем в форме.

На берегу действительно попискивал медбрат. Не благим матом пока, но тревожно.

Они выходили из воды, держась за руки. Оказалось, что она была одного роста с ним, а то и выше на сантиметр. И в отличие от него, надевшего плавки, голая. Чувствовалось, что для нее это естественное состояние.

Она энергично шагала впереди. Походка ее, действительно, нисколько не походила на манеру движения моделей, которой нормальная женщина ходить

не может, а напоминала поступь пантеры, точнее – охотницы во время охоты: энергичная, но осторожная, бесшумная – ни одна песчинка не взметнулась под ее ногой. В то время как из-под его ног песок летел во все стороны.

– Ты на себя наговорила, Русалочка! Твоя походка идеальна, – сказал он ей в спину. – Ну, может, не для подиума, а для природы, где мы с тобой сейчас находимся.

Не оборачиваясь, она подошла к камню, где валялась белая тряпица. Накинула ее легким движением на себя и оказалась в легкой тунике.

– Но я не всегда на природе, – ответила Русалочка. – А по комнатам и коридорам ходить крадучись, как рысь, смешно. Я видела в Сети, как настоящие женщины ходят.

– Ладно, будем тренироваться, хотя те, о ком ты говоришь, не женщины, а куклы – живые куклы, модели…

«Откуда я знаю эту ерунду?»

– Как тебя, зовут, Русалочка? – спросил он.

– Мне нравится, как ты меня называешь, – улыбнулась она.

– Мне тоже. Пусть это будет имя для нас двоих. А как другие тебя зовут, Лекарь, например?

– Хава, – сморщила она носик, похоже, это имя ей не очень нравилось. – А тебя?

– Лекарь звал меня Лазарь, но, кажется, здесь это не имя, а состояние организма. Недавно один Философ сказал мне, что в прошлой жизни я был Адамом.

– Адам и Хава – это уже слишком! – возмутилась она искренне.

– А что тут такого? – так же искренне не понял он.

– Ты не слышал про Святые Книги? – удивилась она.

– Ни звука, – честно признался он.

– Так ты действительно самый настоящий лазарь, – поняла она.

– Опять не понял, что такое настоящий и не настоящий лазарь?

– Ну-у, – затруднилась она, – настоящий лазарь – это которого с того света… из смерти вернули. Они обычно ничего не помнят, память успевает стереться. А ненастоящий – это кого только омолодили, оздоровили и много еще чего хорошего с ним сделали, но прошлую жизнь он помнит.

– А ты? – серьезно глядя ей в глаза, спросил он, чувствуя, что для него это почему-то важно.

– А я – серединка на половинку, – кривовато усмехнулась она. – Я попала сюда молодой, меня только очень сильно оздоровили. Я почти как ты, только умереть не успела. Поэтому память сохранилась…

– Так ты кролик или?.. – осторожно поинтересовался Адам.

Хава несколько секунд вопросительно смотрела на него, не понимая, что он имеет в виду. Наконец, дошло…

– Кролик, кролик, – усмехнулась она. – Я из очень бедной семьи «дикарей», как нас называли элы. Но мы не были дикарями! Мы были хранителями нашей культуры! – будто что-то пытаясь доказать Адаму, выкрикнула Хава. Зря старалась, он опять ничего не понял. Хотя про дикарей упоминала его бывшая хромопара, но он не придал этому значения – слишком поразительно выглядело ее появление и то, что она ему сообщила.

– Уф!.. – с напором выдохнул Адам. – Дикари, элы… Бедный глупый Лазарь, никакой ты не Адам… Кстати, ты не объяснила, почему Адам и Хава – это слишком?

– Ну, очень давно, когда не было элов и дикарей, а было единое человечество… Хотя отец говорил, да я и сама читала, что единым человечество никогда не было, а разделялось на народы и государства… Но в более или менее цивилизованные времена все они, хотя и разделенные, считали друг друга людьми… Тогда основу человеческой культуры составляли Святые Книги разных народов: Веды, Зенд Авеста, Тора, Библия, Евангелие, Коран и другие. Это были сборники исторических хроник, часто изложенные поэтическим языком и языком притч, то есть иносказаний и мудрых наставлений для людей, как им жить друг с другом. Так вот, Адам и Хава, или Ева, – первые люди, которых создал Бог.

– Бог?

– Ну, высшее существо, которое сотворило все сущее.

– Разве такое возможно?! – искренне поразился он.

– Это отдельный вопрос, – вздохнула Хава. – Пока мы говорим о том, кто такие Адам и Хава.

– Понятно, – кивнул он. – Герои древних фантазий древних людей, первая хромосомная пара… Чушь, конечно, мне Лекарь не одну лекцию по генетике прочитал. Человечество еще в первых поколениях должно было вымереть из-за генетического однообразия.

– Наверное, действительность сложнее, чем теории Лекаря.

– Ладно, кто они такие, я понял, а почему слишком?

– Ты дурак или прикидываешься? – хмыкнула Хава.

– Дурак, – уверенно ответил Адам. – Информационно ограниченный тип.

– Вот и хорошо, – обрадовалась она. – Значит, не время еще. Созреешь – сам поймешь, – она рассмеялась и потребовала: – А ну, учи меня ходить! Обещал!

– Ну, вот тебе тропа – шагай, – показал он на дорожку между соснами. – А я буду корректировать.

И она пошла. Напряженно, будто к жерди привязанная, почти не сгибая ног и вытянув руки по швам.

– Стоп! Стоп! – закричал он. – Не дури меня! Женщины так не ходят!

– Я ж говорила – походка…

– Чушь! Ерунда! Ты меня как учила? Расслабься, почувствуй ритм… Вот и ты почувствуй. До этого же ты вполне нормально шла!.. Когда Лекарь учил меня ходить, он говорил, что не надо над процессом задумываться и рассказал анекдот, как сороконожка задумалась, с какой ноги начать, и не смогла сдвинуться с места.

Хава сдавленно захихикала, представив эту несчастную сороконожку.

– Ладно, – пожалел ее Адам, – возьми меня под руку, пойдем вместе. Это будет не учеба, а просто прогулка.

– Ух, – выдохнула она и схватилась за подставленный локоть.

– Раз-два, шагом марш! – скомандовал он, и парочка дружно зашагала по лесной тропе. За ними следом такой же дружной парой катились их медкиберы.

– Ну что – жизнь стала веселей? – спросил Лекарь Адама, одновременно изучая показания приборов. – Общие твои характеристики вполне нормальны, дело теперь за социопсихической адаптацией.

– Да, стало интересней, – кивнул Адам. – Двух интересных… лазарей встретил… не настоящих, кажется. Икс-игрек, философ, говорит, что знал меня прежде. И икс-икс… дикарка. Я так и не понял, кто такие элы, дикари?.. Какая адаптация, если я ничего не понимаю?!

– В твоем распоряжении вся информация мира… – осторожно подсказал Лекарь.

– Но Философ сказал, что я должен хорошо подумать, прежде чем к ней обращаться, мол, у меня есть уникальный шанс начать все с чистого листа.

– Действительно философ, – улыбнулся Лекарь. – Это вариант, но человечество с чистого листа развивалось много тысячелетий. Предположим теоретически, что у тебя они есть, но есть ли гарантия, что ты не наступишь на те же грабли?

– Речь идет не о человечестве, а обо мне, – пожал плечами Адам. – Я так понял Философа, что с прошлым я – один че… лазарь, а без прошлого – совсем другой.

– Так и я про то же! – возразил Лекарь. – С прошлым – ты результат многотысячелетнего развития человечества, а без него – готовый к повторению ошибок генепот.

– А если результат отрицательный? Или тупиковый?

– Если ты это осознаешь, то будешь иметь возможность встать на иной путь…

Адам смотрел на Лекаря, осмысливая услышанное.

– А вы их ко мне не подослали? – спросил он, с подозрением всматриваясь в лицо собеседника. – Как-то слишком много совпадений… Адам и Ева, Философ, знавший меня в прошлой жизни…

– Адам и Ева – это интересно! – хмыкнул Лекарь. – К сожалению, я тут совершенно ни при чем, а то было бы чем потом похвастаться – как здорово придумал. Мне кажется, что все это еще раз подтверждает: мир тесен. А уж Лазарет – и вовсе островок в океане.

– Почему ж тогда по острову толпы не шастают? Сколько лет Лазарету?

– Уж сотни полторы, наверное, а то и две, – прикинул Лекарь.

– За пару веков тут должны были толпы скопиться, – стоял на своем Адам.

– Во-первых, друг мой, Лазарет – не проходной двор, а во-вторых, у лазарей и здесь есть чем заняться и куда податься, их влекут иные пространства, которые лишь иногда пересекаются с твоим.

Бедный лазарь ничего не понял. Просить разъяснений бесполезно. Он чувствовал, что не сможет жить, не понимая, что происходит. Требовалось срочно приступить к процессу самомиропознания.

– Ну. я пошел? – спросил он у Лекаря.

– Вперед и с песней, – кивнул тот.

Адам уже минут пять сидел перед включенным компом, не решаясь начать. Светящийся голографический шар ровно светился в пространстве кабинета. Вдруг в комнату влетела Хава с горящими вдохновением глазами.

– Адам! Адам! Посмотри, как я научилась! – крикнула она и, отыскав на рисунке пола прямую линию, пошла по ней. Ни убавить, ни прибавить – профессиональная модель: нога за ногу залетает, бедра влево, бедра вправо – красота!

– Молодец! – похвалил он. – Очень красиво. Только твоя обычная походка мне ближе.

– Икс-икс должна быть дважды загадочной, – хитро улыбнулась она. – А ты что делаешь? – заинтересовалась Хава, сообразив, что у него включен комп.

– Ищу свое прошлое. Собираюсь искать.

– Можно я с тобой? – проникновенным голоском попросила она.

– Пожалуй… – кивнул он. – Что-то мне одному страшно.

– Не бойся – я ж с тобой, – отважно пообещала Хава.

Он вздохнул, решившись, и громко произнес ключевые слова для поиска:

– Адам Смит, последние пять лет…

Хава побледнела и прошептала непослушными губами:

– Адам Смит?..

Он ничего не заметил, потому что рассматривал результаты поиска, вернее, сообщение о них: всего найдено 1 246 758(!) записей. Он конкретизировал:

– Адам Смит, краткие биографические сведения.

Высветилось:

Дата рождения: 17 января 2500 г.

Дата смерти: 12 июля 2535 г.

Родители: икс-икс такая-то, икс-игрек такой-то.

Рядом их изображения в натуральную величину. «Красивые экземпляры», – отметил он про себя, но в душе ничего не шелохнулось, не узнал. По полтиннику им примерно должно быть, а выглядят максимум на двадцать пять. Не проблема при нынешней медицине. Теперь, после его смерти, могут еще одного родить, если захотят.

Основатель и генеральный директор корпорации «Императив». Основное направление деятельности корпорации – расширение ареала комфортного обитания человечества на планете Земля, создание инфраструктуры для жизни, обеспечение безопасных условий, полный спектр предоставляемых услуг.

В настоящее время генеральным директором корпорации является Августа фон Хайек – бывшая хромопара Адама Смита…

Рядом ее шикарное изображение…

Хава, удивляясь себе, даже хищно зашипела, как разъяренная кошка, увидев этот великолепный экземпляр элитной человеческой самки.

Адам удивленно на нее покосился. Ему была непонятна столь живая реакция. Сам он довольно благосклонно, хотя и без особого волнения взирал на бывшую хромопару. О парных с ней отношениях он совершенно не помнил и к возобновлению их не стремился. Какие могут быть отношения в разных мирах?..

– Генетические потомки: икс-икс Мэри и икс-игрек Стив…

Рядом их изображения. Милые генепотики: Мэри – семи лет, Стив – четырех.

– Информация без информации, – пробормотал он под нос. – Душу не трогает. Ты что-нибудь понимаешь, Хава? Наверное, я не то спрашиваю…

Она не ответила, забившись в кресло у письменного стола за его спиной и посверкивая глазами загнанного зверька. Он особо и не ждал ответа.

– Адам Смит, корпорация «Императив», взгляды на жизнь, – задал он тему поисковой системе.

И тут прозвучало:

– И каков ваш взгляд на жизнь? – спрашивал икс-иксовский голос, следом проявилось и изображение его обладательницы, лет примерно двадцати от роду. Впрочем, уже лет триста, как возраст женщины на глаз определить невозможно.

– У меня взгляд здорового свободного человека, хозяина своей жизни, каковым в идеале должен быть каждый человек, – очевидно, довольный собой, ответил Адам из прошлой жизни, в котором лазарь Адам себя совершенно не узнавал.

Нет, он вроде пока к себе претензий не имел и был доволен своими успехами в деле воскресения и восстановления жизненных параметров, он даже был счастлив, хотя и не задумывался над этим (но измерения объективно отмечали сей факт), но такое напористое самодовольство, какое извергал в мир Адам-человек, было Адаму-лазарю почему-то неприятно. Оно казалось ему противоестественным.

– Понятно, – кивнула икс-икс-интервьюер. – Но вы обозначили принадлежность взглядов конкретному типу человеческой личности, не самой распространенной в мире, на мой взгляд.

– Все прочие обречены на вымирание, – поморщился интервьюируемый.

– Вот вы и сами перешли к ответу на мой незаданный еще вопрос, – заметила она. – А он таков: какова сущность ваших взглядов, естественно, в понятной нашей широкой аудитории формулировке? Давайте начнем с того, почему ваша корпорация называется «Императив»?

– Императив – это то, что дОлжно делать, недеяние приведет к катастрофе, – ответил он. – В нашем случае императив по качеству – категорический, а по содержанию – экологический.

– К сожалению, экологический императив уже века три как крайне категоричен, – пожала плечиками вопрошающая. – И столетняя война, и глобальное изменение климата, в результате которого была затоплена часть Евразии и заодно прекращена война, – все это привело к очень уважительному отношению человечества к вопросам экологии, как науки о собственном выживании. Что же нового в вашей позиции?

– Четкость и откровенность, незашоренность псевдогуманистическими бреднями и практическое воплощение Императива при формировании актуальной экологической ниши для человечества, – жестко ответил он.

– Пожалуйста, раскройте, – призвала икс-икс.

– Императив заключается в том, что экологическая ниша человечества на планете Земля переполнена. Это проявляется и в ограниченности необходимых для жизни ресурсов, пригодного для жизни пространства, и в учащении массовых эпидемических заболеваний, несмотря на невероятное развитие медицины. Человечество поставило себя на грань самоуничтожения. То, что не удалось Великой Войне и Великому потопу, человечество намеревается сделать само. Даже наоборот: война и потоп, уничтожив миллионы человеческих жизней, практически на время сняли с повестки дня экологические проблемы, связанные с перенаселением. Да, площади материковой земной поверхности уменьшились, но еще более уменьшилось население Земли, которое тут же, подобно неразумным животным, принялось размножаться. Впрочем, почему «подобно»? Человечество и есть животное стадо – гипертрофированно громадное, а в каждой популяции животных действуют механизмы регуляции численности для обеспечения соответствия экологической ниши и размеров популяции. Но разум человеческий активно препятствует действию этих регулирующих механизмов, развивая науку вообще и медицину в особенности. И тот, кто должен вымереть согласно законам популяции, продолжает жить и перегружать экологическую нишу.

– И что ж, вы предлагаете отменить медицину и позволить всем больным умирать? – удивилась икс-икс.

– Это невозможно и недальновидно, – отрицательно покачал головой Адам-человек. – Медицина понадобится тем, кто останется жить, и она должна быть всемогуща. Раз уж человечество взяло на себя роль регулятора

популяционных процессов, то оно должно быть последовательно и действительно регулировать их…

– И ваша корпорация?..

– Да, и наша корпорация взяла на себя эту функцию, – подтвердил интервьюируемый. – И факт нашего процветания означает практически абсолютную общественную и индивидуальную поддержку.

– И все же, если максимально кратко, в чем состоит ваш императив? – гнула свое икс-икс.

– Планета должна принадлежать человечеству, а человечество должно быть мудрой и бережливой разумной составляющей планеты. Мы с ней единый организм. И потому мы обязаны сами решить, какая часть человечества останется жить на планете.

– И какая же, на ваш взгляд?

– Лучшая, естественно, – уверенно ответил он.

– А именно?

– Та, которая останется жить на планете, – усмехнулся он.

– Разве это ответ? – удивилась она.

– Самый четкий, – подтвердил Адам-человек. – Подумайте сами. В принципе, каждый человек имеет возможность и право жить, и тот, кто реализует эту возможность и докажет это право, будет лучшим: самым сильным, самым умным, самым хитрым и изворотливым, самым решительным и, наконец, самым приспособленным к жизни. Разве не так?

– Это логично, – кивнула икс-икс. – Но ведь не у всех равные начальные условия…

– Старая песенка, – усмехнулся он. – Уровень начальных условий входит в оценку качества человека. Если он сумел достичь высокого уровня, значит. он лучше тех, кто не достиг. Не случайно в Конституции нашего мирового государства записано, что его гражданином является всякий человек, обладающий частной собственностью и имеющий ID. То есть не имеющий частной собственности – не гражданин, а не имеющий ID – не человек, потому что человек – существо социальное, а живущий вне социума – уже не вполне человек, то есть не человек.

– А кто же?

– Животное, генетически родственное человеку, как обезьяны, например.

– Но у этих… людей может быть свой социум, – возразила икс-икс.

– Вы правильно затруднились сразу назвать их людьми, – покривил губы он. – Потому что они не люди. У обезьян тоже есть стада и генетическое родство с человеком, но мы их не причисляем к людям. У многих животных есть социум, особенно у некоторых насекомых типа муравьев и пчел. Этого недостаточно, чтобы быть человеком.

– И что из этого следует? – спросила она.

– Если некоторый вид составляет конкуренцию человеческому в экологической нише, то человек, следуя инстинкту самосохранения вида, должен вытеснить конкурента из этой ниши. Великий природный свободный саморегулируемый рынок! Если этого не сделает участник рынка, то сделает и победит его конкурент. И сентиментальные сопли тут неуместны: или ты, или тебя…

– И ваша корпорация освобождает место для людей, а потом продает его? – продолжила она интервью.

– Это слишком грубо, – поморщился он. – Конечно, есть и эта

деятельность, но успех наш обусловлен тем, что мы предоставляем возможность нашим клиентам самим освободить участок планеты для себя и своих генепотов. Именно по этому параметру наши конкуренты проиграли нам. Мы возродили в людях инстинкт охотника и завоевателя, несколько притупившийся на длинном мирном периоде истории. Ведь войны – это часть механизма саморегулирования численности человеческого вида.

– И ваши клиенты готовы рисковать своей жизнью? – подняла она бровки вверх.

– Клиенты часто готовы, – усмехнулся он, – поскольку плохо представляют, что значит рисковать жизнью. Мы не хотим рисковать жизнью клиентов – нам дорог каждый в самом прямом смысле слова. Риск появляется, когда клиент вступает в права собственности и его нога ступает на принадлежащий ему участок. Если он недостаточно тщательно зачистил этот участок, то рискует напороться на сопротивление недобитков. Такое случается, ибо человек беспечен. Тогда мы вынуждены приходить на помощь и проводить окончательную зачистку. Но все всегда предупреждены, и корпорация не несет никакой ответственности. Все честно.

– И как же вы избегаете риска? – спросила она, хотя по глазам было видно, что прекрасно знает – как, но интервьюер берет интервью для того, чтобы прояснить ситуацию аудитории, которая может быть не в курсе или не вполне в курсе.

– Лучше один раз испытать, чем десять раз услышать, – ответил он по-деловому. – Вы – клиент нашей корпорации?

– Да, наша семья… – подтвердила икс-икс.

– Что ж, присаживайтесь в это удобное кресло.

Она села. Сверху чуть опустилась полусфера около полуметра в диаметре, и икс-икс оказалась внутри слабо светящегося усеченного конуса.

Адам-человек сел в соседнее кресло. С ним произошло то же самое.

– Сейчас считается ваше ID, и вы окажетесь на вашей будущей части планеты. Я как админ буду рядом. Это позволяется в целях обучения и безопасности.

И в этот момент они оба (вместе со зрителями, которыми сейчас были Хава и Адам-лазарь) оказались в горах, густо заросших растительностью как поверху (кроны смешанного хвойно-лиственного леса), так и понизу – трава по грудь, кусты, цепляющиеся за ноги. Ик-икс оглядела себя: она была одета в боевой костюм, защищающий солдата от многих мыслимых и немыслимых факторов поражения, кроме прямого попадания снаряда и пресловутого лома. Кроме того, система встроенных датчиков передавала прямо в мозг множество параметров, характеризующих местность – усиленные запахи, звуки, биоанализ, позволяющий идентифицировать живность в округе от насекомого до крупного хищника. А также обнаружить оружие и технические средства.

В первый момент голова пошла кругом от изобилия сильных ощущений, потом сенсорные системы андроида-аватара и человека синхронизировались, и голова стала идеально работоспособной. Икс-икс чувствовала присутствие Адама Смита за спиной, и это успокаивало. А еще она почуяла отдаленное присутствие человекоподобного существа, нет, нескольких существ, и взяла направление. Плечо приятно отягощало огнестрельное автоматическое оружие. На поясе висел сетемет, которым можно было поймать животное, не убивая. Икс-икс знала, что молодую самку или молодого самца человекоподобного дикаря можно выгодно продать.

Тело андроида не знало усталости, и его ощущения передавались управляющему человеку (и транслировались зрителю). Фантастическое самоощущение, человеку почти недоступное! И нарастающий охотничий азарт – это неповторимо захватывающее чувство!

Она быстро продвигалась по горному склону, боковым зрением отмечая блеск бескрайнего моря у подножия гор. Маршрутизатор боевого костюма прокладывал оптимальный курс, и она ему следовала. Вернее, следовал андроид, но ей казалось, будто это она сама.

Близко… еще ближе… совсем рядом…

Она выглянула из лесных зарослей на склоне и увидела ниже на пригорке крепкий бревенчатый дом, одноэтажный, но немалых размеров, особенно с учетом пристроек. Двор был огорожен высоким и крепким на вид забором с закрытыми воротами.

Во дворе раздетый по пояс дикарь икс-игрек рубил примитивным топором дрова, которые от каждого удара весело разлетались в стороны. Интересное шоу, в человеческом мире такого не увидишь. Молодая икс-икс собирала поленья в руки и относила их в пристройку, видимо, про запас.

Завоевательница даже залюбовалась идиллической картинкой примитивной дикарской жизни. Но реакции андроида и присутствие Адама Смита нервировали ее и поторапливали. Приглядевшись, она заметила прислоненное к стене старинное огнестрельное оружие – автомат. Идиллия оказалась далеко не безопасной.

Тут подул ветер, и из-под крыльца выскочила пара громадных псов, с громким лаем бросившихся к воротам.

«Почуяли», – поняла охотница за дикарями.

Дикарь воткнул топор в бревно и, схватив автомат в руки, стал осматриваться, поводя дулом.

Шутки кончились, не начавшись. Охотница взяла дикаря на оптический прицел. Было отлично видно даже поры на коже и шепку, застрявшую в волосах на груди. Да, грудь – самое то, в голову она стрелять не хотела – не эстетично. В эту шепку она и выстрелила. Дикаря отбросило на пару метров, он зацепился за дрова и упал. Биоанализатор зафиксировал смерть. Из подсобки выскочила дикарка и бросилась к самцу с криком:

– Папа! Папа!

Незнакомое слово… Дикари!.. Прицел автоматически поймал новую цель, а палец чуть было не нажал на спуск, но тут и сама охотница сообразила, и Адам Смит успел подсказать, что убивать дикарку нерентабельно. Нужно брать живьем. Предстояла настоящая охота. Убить животное – слишком быстро и просто, а вот поймать… Корреспондентка даже чуть слышно повизгивала от переполняющих ее позитивных эмоций. Адреналин бил фонтаном. Она крадучись приблизилась к воротам. Собаки уже охрипли от лая и рыка. Просунула палец боевого костюма в шель забора. Две нервно-паралитических пульки, вылетевшие из перчатки, прекратили шум. Дикарка сразу отреагировала, отскочив от трупа, и схватила валявшийся на дровах автомат. В отличие от самца, она не стала искать цель, а сразу дала длинную очередь по воротам и забору. Глупо – пули застревали в бревнах, но одна вдруг мерзко просвистела мимо шлема. Корреспондентка пару мгновений была в уверенности, что это ее голове угрожала смертельная опасность, даже в глазах успело потемнеть. А когда просветлело, дикарки в поле зрения уже не было. Датчики андроида подсказали: в дом заскочила. Они же просканировали ворота и определили,

где находится затвор. Выстрел – и запорный брус, разбитый в щепы, отлетел на несколько метров. Охотница осторожно вошла во двор. Собаки валялись неподалеку. «Живые», – подтвердил биоанализатор. Пригодятся, когда семья войдет во владение участком. Он же зафиксировал отсутствие самки в доме. Она вообще не обнаруживалась.

– В подвал спряталась, – предположил Адам Смит. – Камень экранирует.

Они ворвались в дом. Комната, другая, третья, все стены заставлены стеллажами со странными параллелепипедами на полках.

– Древние книги, – подсказал андроид-Адам, – бумажные.

Он поддерживал постоянную связь с Мировой сетью именно для быстрой идентификации наблюдаемых объектов.

Корреспондентка вспомнила, что когда-то слышала слово «книга», но видела впервые. У Адама Смита дома даже было несколько экземпляров. Например, «Исследование о природе и причинах богатства народов» великого шотландского тезки, его же «Теория нравственных чувств» и кое-что другое. Прочитал он их в раннем детстве из чистого любопытства, и суть их легла ему на душу. Перечитать он себя заставить не мог, потому что экономическая и этическая мысль ушли далеко и глубоко, но поражало, что шли они по пути, намеченному этим великим человеком три четверти тысячелетия тому назад.

Андроид просканировал дом и быстро обнаружил вход в подвал, который начинался в этой комнате. Еще минута – и он разгадал механизм открывания входа. Отодвинул неожиданно легко одну из книжных полок и открыл дверь в стене. Сразу за дверью шли ступени вниз.

Охотница, а за ней и Адам Смит, ринулись по этим ступеням. Биоанализатор сразу взял след – где-то в подземелье обнаруживалась дикарка.

Начался бег по подземному туннелю, андроид прекрасно видел в темноте. Беглянка бежала с факелом. Ее хорошо было видно в инфракрасном диапазоне, а вскоре и в оптическом. И тут она снова исчезла из поля зрения.

«Выскочила из подземелья», – поняли все и прибавили скорость. В этот момент дикарка вернулась, и по туннелю заскрежетали автоматные пули. Андроиды мгновенно легли на землю. Все пули пролетели выше. Беглянка скрылась.

Когда преследователи выскочили на склон, она летела над пропастью метрах в ста от них на примитивном древнем дельтаплане, какие можно увидеть только в очень старых видеохрониках. Даже интересно было посмотреть.

Налюбовавшись, икс-икс взяла «птичку» в прицел.

– Подожди, – шепнул Адам-человек, – еще не все потеряно. Мы тоже летать умеем… – И два андроида взмыли над пропастью. Дельтаплан летел на потоках воздуха, а андроиды – на реактивной тяге. В результате через пару минут они настигли жертву, и, когда охотница уже нажала на спуск сетчатой ловушки и сеть улетела за дичью, «дичь» вдруг камнем полетела вниз, предпочтя смерть плену. Сеть пустой полетела следом и повисла на поясе охотницы, удерживаемая длинной упругой струной. Разочарованная корреспондентка нажала на кнопку, втягивая сеть обратно. Она уже распрощалась с ускользнувшей от нее дичью. Не таков был Адам Смит: он заложил резкий вираж и пересекся с траекторией падения дикарки прежде чем она закончилась на камнях. Он схватил «птичку» за трепещущее крыло, радуясь победе, но тут крыло-платье затрещало, разрываясь, и дикарка, выскользнув из одежды, рухнула на камни.

Адам-человек приземлился рядом, через несколько секунд опустилась и незадачливая охотница. Тело дикарки распласталось на камнях.

– Эх, жаль… – посетовала охотница.

– Да, – кивнул он, – отличный экземпляр, на нем можно было бы очень хорошо заработать.

– И это тоже, – согласилась корреспондентка. – Но мне больше жаль, что я такая неловкая охотница.

– Еще наловчитесь, – пообещал Адам, покровительственно улыбаясь. – Я сейчас вызову Службу Лекаря. Она еще жива, как ни странно. Ему это может пригодиться для опытов… Возвращаемся к нашей приятной беседе…

Адам-лазарь ударил по кнопке выключения. Дать голосовую команду он не мог – горло перехватило. В давящей тишине кабинета (даже океана не было слышно) он медленно повернулся к Хаве. Она вжалась в спинку кресла, забравшись в него с ногами, а когда Адам-лазарь посмотрел на нее, то и вовсе забилась в уголок, будто уменьшившись в размерах. Она больше не была похожа на гордую Русалку, которую он нашел в море, а казалась маленькой девочкой, которую кто-то очень сильно перепугал. Кто-то?..

– Прости, – прошевелил он губами, не уверенный, что звук получился. Сам он его не слышал.

Она еще больше вжалась в кресло, похоже, тоже не услышав или не поняв, что он сказал.

Лазарь выскочил из комнаты, больше не желая быть Адамом. Мыслей в голове не было, а был ужас, оттого что он не понимал, кто он есть. Внутри себя не понимал. Ведь каждое живое существо себя кем-то как-то ощущает, а он – нет! Даже когда всплывал из небытия, уже имел свое место в мироздании, хотя и не осознавал этого. А теперь не было ему места. И, оказывается, это страшно.

Он бежал по коридору, который почему-то все время изгибался, словно шел по спирали, иногда упираясь в двери. Лазарь слёту вламывался в эти двери, а там снова оказывался загнутый коридор. Медбрат давно отстал от него, но пациент этого не замечал. И вдруг очередная дверь не распахнулась при ударе плечом, а крепко дала бегуну по лбу и отшвырнула на пол.

И сознание начало возвращаться. Пока не мыслями, а самоощущением. Он тер лоб, ощутимо саднивший, и удивленно оглядывался вокруг. Коридор как коридор – с множеством дверей без номеров и других опознавательных знаков, только на двери, которая обошлась с ним так грубо, светилась, мигая, какая-то надпись. Довольно мелкая.

Лазарь встал на четвереньки и приблизился к надписи.

«Ты кто?» – вопрошала она.

– Не знаю, – честно ответил лазарь.

Надпись мигнула и удлинилась:

«Вернешься, когда узнаешь».

– Лазарь? – с вопросительной интонацией предположил он.

Надпись не изменилась.

Он поднялся с четверенек и устало пошел назад. Оказалось, что он протаранил чертову прорву дверей. За первой из них (последней на пути возвращения) его поджидал медбрат, который тут же схватил пациента за руку манипулятором и, тревожно вереща, поташил за собой. Пациент попробовал упираться, но это было бесполезно – кибер обладал тягловой силой танка. Лазарь перестал упираться, а шагал, как нашкодивший генепот, и опасливо оглядывался по сторонам.

– Ну что? – встретил его вопросом Лекарь. – Путь самопознания

утыкан шипами?

– Зачем ты воскресил меня?! – воскликнул пациент.

– Путь познания мира тоже утыкан шипами, – усмехнулся Лекарь. – Но чаще завален трупами, иногда воскрешенными и почти всегда неблагодарными.

– Вот же ж! – в сердцах буркнул лазарь. – Я и забыл, что я кролик. Вдруг человеком себя возомнил… Слу-у-шай, – озвучил он догадку, – а если бы я ответил, что человек, она бы открылась?

– Дверь преткновения, что ли? – хихикнул Лекарь. – А фиг ее знает! Она непредсказуема. И управы на нее нет.

– И что за ней?

– Откуда же мне знать? – удивился вопросу Лекарь. – Я в нее лбом не бился и на вопросы дурацкие не отвечал. Ни к чему мне это. Может, за ней то же, что перед ней, а возможно, и миры иные. Мне физики объясняли что-то про мультиверсум, метаморфозы измерений и свертку пространства, мол, всю вселенную засунуть можно… но я не понял, куда… Я ж медик, у меня другая область компетенции. Лишь бы они были уверены в том, что сотворили.

Пациент, соображая, наблюдал, как Лекарь достает из баночки вату, смачивает ее какой-то жидкостью и прикладывает ко лбу на место удара о дверь. Саднить перестало, по лбу пробежал легкий освежающий холодок.

– То-то я смотрю, народу здесь практически нет, хотя должны быть толпы, – сказал он. – Вы мне уже говорили про иные пространства, но я тогда ничего не понял. Сейчас тоже не понимаю, но представляю, как это может быть: зашел в дверь и… исчез из этого пространства. А вернуться-то можно?

– Было бы желание и необходимость, – неопределенно пожал плечами Лекарь.

Лазарь подумал, что тот и сам точно не знает.

– Как хорошо я их понимаю, – вздохнул лазарь.

– Кого? – не понял Лекарь, рассматривая плечо пациента, наливающееся синим цветом. Его он тоже примочил обильно политой жидкостью ватой, а потом еще и укол сделал. Плечо слегка онемело.

– Да тех, кто смылся в иные пространства, – объяснил пациент, почти не замечая действий врача. Лекарь вопросительно поднял на него взгляд, и лазарь пояснил:

– Им невыносимо было оставаться в этом мире – муки совести и стыда.

– Странный ты тип, Адам…

– Не называй меня так!– взвизгнул пациент. – Чем это я странный?

– Совесть и стыд не в мире, а внутри человека…

– Ну, тогда скорей ставь на мне свой опыт, чтобы все кончилось! – потребовал лазарь.

– Опять смешной и странный, – хмыкнул медик. – Неужели ты не понимаешь, что опыт давно уже идет, и цель его не в том, чтобы все скорей кончилось, а чтобы продолжалось максимально долго.

– Садюги… – промычал под нос кролик. – И зачем вам это надо?

– Чтобы жить было веселей, – невесело хмыкнул Лекарь. – Все очень просто, друг мой, хотя и кажется очень сложным. То ли эволюция, то ли генетическая программа, заложенная исходно, наградила человечество разумом как еще одной системой обеспечения инстинкта самосохранения особи и вида, однако с помощью изобретений этого разума человечество довело себя до генетического истощения, на каком-то этапе исказив заложенную программу развития. Сейчас оно планомерно продолжает себя уничтожать именно

генетически. Либерализация выживания ведет к вымиранию. Человечество, состоящее из «лучших», из элиты, к сожалению, с научной точки зрения нежизнеспособно. А жизнеспособно человечество, состоящее из разных. И чем больше генетическое разнообразие, тем более живуч вид.

– Я тут при чем? – не понял кролик.

– Э нет… – поднял руки вверх Лекарь. – Ты должен сам… Жизнь – это твой путь, а не курс, намеченный мной.

– Понял! – возопил лазарь. – Я должен вернуться в мир и перевернуть его вверх дном! Я уничтожу свою корпорацию!

– И конкуренты ее скажут тебе спасибо, – издевательски захихикал Лекарь. – Наивный, ты еще не понял, что возврата нет?

– Значит, мне надо попасть к дикарям и поднять их на войну с элитой! – не сдавался пациент-кролик.

– Во-первых, уничтожение элиты не улучшит генетику человечества, во-вторых, элита воевать не будет: дикарей уничтожат андроиды.

– Но меня же убили, как и тех, кто летел со мной!

– Исключение, которого больше не допустят, – пожал плечами Лекарь. – Вы считали, что участок зачищен, а партизаны издалека переместились к месту вашей посадки. Знаешь, как они поразили ваш самолет?

– Как?

– Один самоубийца из партизан поднялся в воздух, и его затянуло в воздухозаборник. Для надежности он был обвешан примитивной взрывчаткой.

– Вот я и должен им помочь!

– Конкретно этих уже не существует, а другие… могут быть быстро уничтожены. Экологический контроль этого не позволяет сделать до тех пор, пока у меня не будет полного банка генетического материала. Но экологический контроль – очень слабое препятствие. Удается сдерживать корпорации типа вашей только тем, что нарушители не будут приняты в Лазарет, когда придет их черед. Это сильно действует.

– Хава… тоже… материал? – заикаясь, спросил лазарь.

– Нет, Хава, как ты – лазарь. Как она сказала – не настоящий? Пожалуй, да – меньше регенерировать пришлось. И память сохранила. Практически человек, хотя и генномодифицированный. Тебе под стать.

Помолчали.

– И получается, – пришел к выводу лазарь, – выхода нет? Человечество обречено?

– Получается, – согласно вздохнул Лекарь. – Правильные выводы делаешь. Человечество не смогло сменить механизм естественного отбора, где выигрывает сильнейший, на механизм оптимального саморегулирования, сохраняющего максимальный генетический набор. И саму планету уберечь в первозданном гомеостазисе даже не попыталось. Расселиться по другим планетам человечество не способно: и планет подходящих нет, а терраформировать имеющиеся уже не успеем, человек не может существовать вне матушки Земли.

– Но ведь вы, медики, такие чудеса творите! – воскликнул лазарь. – Меня и других, тут живущих, воскресили и сделали почти бессмертными, неужели вы не можете спасти человечество?

– Мы стараемся сделать все возможное, но мы не боги. Они создали саморегулирующуюся систему, а человечество разрушило все регуляторы. Мы, скорее всего, не успеем. Все это чувствуют, потому и стремятся в Лазарет.

– А зачем, если все погибнут?

– Не все – большинство, хотя оставшиеся вряд ли долго продержатся. Но останетесь вы – лазари, генномодифицированные люди с программой дальнейшей модификации, а куда заведет бесконечная генная модификация, никто предсказать не может. И как вы уживетесь друг с другом, такие непредсказуемо разные, если человечество, практически самоидентичное, не ужилось? Не знаю… Но мне и необходимо ваше практическое бессмертие, чтобы вы попытались сохранить человеческое. И память, и мысль…

– Из ваших рассуждений следует, что когда-нибудь лазари вернутся на Землю, – просек вывод пациент.

– Возможно, если захотят… – пожал плечами Лекарь и задумался. – Может, вам не захочется... В иных измерениях лучше окажется...

– Зачем тогда придумали эти иные измерения? – удивился Лазарь.

– А как иначе ты прикажешь разместить на этом маленьком островке миллионы лазарей? – усмехнулся Лекарь.

– Миллионы? – удивленно оглянулся пациент.

– Они, друг мой, они, – подтвердил Лекарь. – За многообразие боремся.

– А из этих измерений можно вернуться именно сюда?

– Да, но ты представь, что все миллионы вернутся именно сюда с чадами и домочадцами, которых наживут в иных измерениях?

– Вавилонское столпотворение, – вдруг вспомнил лазарь не так давно прочитанную притчу. Вернее, втиснутую в его память обучающим кибером.

– Боюсь, что гораздо хуже, – усмехнулся Лекарь. – Там хоть все были людьми, а кем будут вернувшиеся лазари – я не представляю.

– Неужели настолько?! – не поверил пациент.

– Нет, не настолько, определенные границы есть, – чуть подал назад Лекарь. – Но не такие уж и узкие, ибо оптимум надо искать.

– А потом уничтожить то, что не оптимально? – усмехнулся горько и уже издевательски пациент.

– Ох, как же я в тебе не ошибся! – обрадовался Лекарь. – Ты же ведь этого не допустишь?

– Постараюсь, – кивнул лазарь.

– Остальные тоже должны постараться, думаю, что вместе справитесь.

– И что дальше? – спросил пациент.

– А ты как думаешь? – вопросительно посмотрел на него Лекарь.

– Сначала я должен найти Хаву, – твердо ответил лазарь. – Она должна понять, что я уже не человек. Не тот человек.

– Поймет, – улыбнулся Лекарь. – А потом… потом будем работать. Мне надо затолкать в вас все знания человечества, которые оно смогло выудить у мироздания, дабы вы не наступали на грабли, которые можно обойти, и не бились лбом в закрытые двери, а открывали их ключом… Иди…

Он нашел ее в их бухточке. Она сидела на камне и смотрела вдаль. Про себя он усомнился, что она в этой дали что-то видела. Повернулась на звук его шагов. Подняла острый камень, очевидно, заранее приготовленный, вскочила на ноги, встала в боевую стойку.

Он приблизился и, встав на колени, склонил голову, подставив ее под удар. Секунд тридцать ждал, потом посмотрел ей в глаза. И это были глаза очень несчастного человека, который жить не хочет, но и не может позволить себе умереть. Не из страха, а из долга. Она отбросила камень и, резко повернувшись,

пошла в море, по пути сбрасывая с себя одежду. Нырнула с камня на глубину и энергично поплыла к выходу в открытый океан.

Он разделся и бросился следом. Конечно, ему ее не догнать, но и отпустить одну он не мог – ее взгляд обещал беду. Бессмертные тоже убиться могут. Возможно, их потом воскресят, если успеют, но воскрешенные будут уже не они.

Первая же океанская волна заставила его изрядно хлебнуть соленой горечи. Еле отплевался. А вторая или третья ударила с такой силой, что он захлебнулся и, растерявшись, начал тонуть.

Очнулся он уже на берегу. Хава энергично делала ему искусственное дыхание, а подоспевший медкибер проводил прочие реабилитационные процедуры.

– Прости меня, – прошептал он непослушными губами. – Я – не он…

– Молчи, – положила она палец на его губы. – Я уже поняла. Лазари – не люди.

Коммуникатор медкибера высветил в пространстве Лекаря.

– Ну что, детки, все глупости совершили?

– Сомневаюсь, – честно ответила Хава, – но надеюсь, что самые глупые закончены.

Лазарь только кивнул.

– Ладно, когда реабилитируетесь, жду на прием, – завершил он разговор.

Они втроем стояли на вершине Лазарета, которая оказалась смотровой площадкой, огороженной прозрачными раздвижными стенами. И крыша – тоже прозрачная. Лекарь с удовлетворением отметил, что Хава и Адам держатся за руки. Они смотрели вниз, впервые увидев все целиком: остров напоминал не то рыбу, не то корабль, плывущий по бескрайнему океану.

– Мы что, плывем? – спросил Адам.

– Не знаю, физиков надо спросить, – пожал плечами Лекарь. – Я отвечаю только за то, что мы живем.

– Почему же этот остров никто не захватил до сих пор? – спросила Хава.

– Потому что его невозможно обнаружить, во-первых, и потому, что это моя частная собственность – во-вторых, – объяснил Лекарь.

В мире было тихо и пусто. Нет, дышал океан, пели птицы, стрекотали цикады, но ясно ощущалось, что людей нет. Адам и Хава стояли у подножия гор, покрытых зелеными лесами. На вершинах поблескивал снег, и почему-то хотелось попробовать его на вкус.

Послышались шаги. Из леса вышли двое – мужчина и женщина.

– Ты? – воскликнул Адам, узнав Философа. – Я даже не спросил, как тебя зовут.

– Называй меня Фил, – улыбнулся тот. – А это моя жена София.

– Вы здесь давно? – спросила Хава.

– Уверена, что одновременно с вами, – ответила София.

– Будем дружить семьями, – улыбнулся Фил.

– Будем, – дуэтом ответили Адам и Ева.

Лекарь в них верил.

Осень похожа на пасмурный вечер

Людмила БАКИРОВА

Оттепель

И тогда ты дела все по дому свои доведи до ума,
Не тяни, выходи,
Посмотри на окрестности в оба,
Как там плачет навзрыд после ночи глубокой зима,
Куст до нитки промок, выползает наверх из сугроба.
И опять этот в небе вороний, весь в стайках, колхоз...
Всё раскисло, набухло, намокло за целые сутки.
За калиткою мокрой невидимый пёс
И рычит, и ворчит на прохожих с зонтами из будки.
У деревьев, намокших от хлипкого ветра, невроз,
Над сереющим снегом уставились в лужи-корытца,
С крыш сосульки стекают, худея от слёз,
И бросаются вниз, чтобы насмерть разбиться
Там, где глина в комочках и груды песка
Из-под снежных разорванных видимых складок.
Над домами с дождями висят облака…
Это кто так нарушил вселенский порядок?
А быть может, зиме захотелось поплакать самой?
Это с каждым бывает.
А мне бы, мне надо, пожалуй, вернуться домой.

Уже вечереет,
Ещё не зажглись фонари.
Рукою подать до распахнутой настежь в подъезде двери.

Людмила БАКИРОВА. Член Союза писателей Узбекистана. Родилась в Кировской области (РФ). Окончила ТашГУ (ныне НУУз). Публиковалась в сборниках «Поэзия-88», «Под знаком осени», журналах «Новая юность», «Молодая смена», «Книголюб», «Звезда Востока», альманахах «Молодость», «Арк», «Анор».

* * *

А что до свободы?
Недели бы на две куда-то уехать из дома…
Нет, невозможно,
Об этом не может быть речи,
Выйдешь – пространство царапает сверху солома
Из капель замерзших,
И осень похожа на пасмурный вечер,
Где листопад проверяет на вкрадчивость собственный голос.
Вот оно, поле, ни от кого здесь зависим ты, кажется, не был,
Ладонью качнуть одинокий колюче-взъерошенный колос
Между землёю притихшей и низким задумчивым небом.
Зачем-то подумала: надо ли эту свободу
В холод собачий и через край непогоду,
Где даль на замесе из мелких колючек густа
И скучны для глаза глубокою осенью эти места?..

Хотя что хандрить от ненастной погоды,
Ты всю, всю себя для себя собери,
Чтоб жить с ощущением, с чувством свободы –
И этой – извне,
И свободы внутри.

* * *

Не с той ноги встанешь – плохая примета,
К чему они снятся, тревожные сны?
Пусть падает решкою кверху на землю монета,
Пусть где-то шаги его вовсе пока не слышны.

Ну что из того,
Он пока далеко, он пока еще где-то.
Ты ждёшь его здесь, у кирпичной стены,
Ждёшь с той стороны, где так много тепла и, конечно же, света,
А он – он выходит с другой стороны.

Как быстро темнеет, не видно ни зги,
Ему говоришь ты: «Фонарик зажги,
Пойдем с тобой к свету, под ноги свети!», –
А он выбирает иные пути.

В том доме, где холод, гуляют вовсю сквозняки,
Однажды сожжёшь ты свои дневники.

Не месяц ли смотрит в окно с высоты,
Как в пламени синем сгорают мечты?

* * *

И плывут облака,
Отражаясь с утра
На воде неподвижной
Из глиняных лунок,
Во дворы и дома
Заползает жара,
Под вишнёвым кустом
В тени чёткий рисунок.
Роза алая
Тень свою тоже вплела,
Где дощатой скамейки
С тропинкой соседство,
Средь тычинок цветка
Копошится пчела…

Почему-то мне вдруг
Вспоминается детство.

* * *

Ты как будто заброшенный сад.
Я как будто в саду этом странник,
Мне б к калитке вернуться назад,
Да густой не пускает кустарник.

Но меня ты, милый, не тронь,
Я прохожий здесь – не садовник,
Ах, как больно вцепился в ладонь
Мне шипом своим острый шиповник.

Все-то слова растеряла в пути,
Осталось лишь слово одно – «отпусти».

* * *

«Ты где? – говоришь, – Здесь тебя, вроде бы, нет…», –
Хотя я цветы поливаю, готовлю на кухне обед,
Хотя во всем доме с утра навожу марафет,
Но здесь в этот миг меня все-таки, кажется, нет.
Ну, может, на пять, а быть может, на десять минут
Я свой совершаю куда-то маршрут.
По осени, летом, зимой, по весне, при солнышке красном, при желтой луне,
Куда? Да туда,
Где хочу я летать иногда на крылатом коне,
Здесь, в городе южном.
А где-то в селе
Летай хоть на венике, хоть на метле,
Ведь нет там высоток и нет теремов,
Летай себе низко над крышами маленьких, теплых домов.
Здесь в милом селенье, я помню, ночами такая стоит тишина…
Лишь изредка в дворике чьем-то вдруг тявкнет собака одна,
И снова она – тишина, тишина, тишина…
В ней дремлют деревья. Дорога под лунной дорожкой видна,
В ней веткой мне машет рябина за ближним забором напротив чьего-то окна.

* * *

А если они на замке, твои двери,
А если всё мимо и мимо, как будто меня вовсе нет,
Да, ты не в окошке, скажу тебе, свет.
Возьму и уйду.
И, как будто не веря,
Ты вдруг понимаешь, что это потеря,
Да, это потеря – крути не крути.
«Вернись», – говоришь, только я ни в какую,
Я больше совсем о тебе не тоскую,
Ну, может быть, чуть-чуть, не боле, не боле,
А если меня ты захочешь найти –
Скажу, что я, может быть, где-то в пути,
А может быть, ветер, гуляющий в поле.

* * *

На свете счастья нет,
Не мил нам белый свет,
Когда, не зная броду,
Суешься сдуру в воду,

Почти не видя света,
Самим себе во зло,
Не зная, где ты, где ты?.. –
Теченье унесло.

* * *

Что шепчет птица птичьим языком,
О чем поёт?
Оттенком богатый, язык мне этот вовсе не знаком,
И речь моя совсем не о пернатых.
Не о пчеле,
Хоть вот она – пчела,
С пыльцой на лапках, недоступной зренью,
И не о вишне – той, что расцвела
И вся вошла в моё стихотворенье.

Но как он бел, вишнёвый теплый куст,
Весь в лепестках.
Ладонь прижму к стволу я,
Чтоб видеть рядом: тысячами уст
Он (куст), росинки нежные целуя.
Вбирает небо,
Винограда плеть,
Из кружев вьёт зелёное убранство…
Я не об этом.
Как запечатлеть
И в малой форме поместить пространство,
Мир обнимая с нежною любовью,
Заслон в стихах поставив многословью?

* * *

Прильнула к зеркалу дорога,
В углу околица видна
С колодцем скошенным у стога за крестовиною окна.
Глухая сумрачная осень,
В ней ветер птичью стаю рвёт,
И неожиданно уносит в пустынный низкий небосвод.
А рядом улица пустая, но в сельских избах там и тут
Цыплят по осени считают
И первый снег под утро ждут.

Я в том селе жила когда-то,
Моя была не «с краю хата».

* * *

Ночь моя – из островов беспокойного сна,
А между ними – да-да, островами –
Форточка, ветер, деревья, луна,
Дорога подлунная между дворами.
И редкий прохожий
Мелькнёт – и его уже нет,
Лишь птица средь ночи в мерцающий свет
Чирикнет спросонок:
«Вставайте, пора!» –
И снова затихнет, быть может, заснёт до утра
В тиши предрассветной дремотной.
А после, потом,
За шторою утро крадётся на цыпочках в дом.

* * *

Когда в тебе – он – набухает дождь,
Сложи все числа или перемножь,
Скажи сто тысяч: «Где ты, где ты, где ты?» –
Скажи, скажи,
Пока ты не поймешь,
Что нет, не будет от него ответа.
Пока, считая, ты его вернёшь
С упрямой верой в лучшие прогнозы,
Но через край в тебе, выходит, дождь...

Так солоны бывают только слезы.

* * *

И пыль на дороге, и серый песок,
И камушков пёстрых, мельчайших крупицы,
Усохший на стебле в траве колосок,
И пух, что на землю воздушно ложится,

И палые листья, и капельки рос,
И ветвь, на которой чирикала птица –
Всё ветер с собой прихватил и унёс,
Осталась открытая в небо страница.

Кисточка, ручка, карандаши…
Хочешь рисуй на странице, а хочешь – пиши.

Пусть входят деревья, кустарники, пни,
Лощинки, тропинки бегут по странице,
Здесь рядом – под солнцем, и дальше – в тени,
А после страницу сверни, сохрани,
Поскольку всё может под снегом укрыться,
Ну, пусть не сегодня – в ближайшие дни.

* * *

«Нами говорит предмет»
М. Цветаева

Пусть говорят кусты, скамья, забор,
Сирень над грядкой в платьице из кружева,
Арык, травой обросший,
Косогор,
Кишлак с тропою к горизонту суженной.

Ещё не вызывая интерес,
Они лишь в легкой болтовне замечены,
Ведь крепкий нужен для стихов замес,
А мне сказать пока что вовсе нечего.

И в этот миг такой я человек,
Слова порою из себя выуживать
Как на безрыбье рыб,
Тогда побег
В пространство из обыденности нужен мне,
Чтоб суть вещей постичь, понять, узреть,

Предчувствуя улов, она ликует, сеть.

ОНА МОЛЧИТ...

Эссе-memoria

Анастасия МИЛЕВСКАЯ

1. «Похороны»

«Мама была тихой и смиренной женщиной. Похоронив отца десять лет назад, она вела затворнический образ жизни. Мы редко созванивались, о чем я несказанно жалею. Думаю, что мама сейчас смотрит на нас с небес и улыбается. Я очень по ней скучаю. Спасибо».

На похоронах моей мамы было всего четыре человека, не считая священника. У нее не было друзей, да и с соседями она не общалась. Каждый сказал так мало, что складывалось ощущение, будто мы все собрались хоронить абсолютно незнакомого человека. Даже я, её «семья», читал по бумажке понадерганное из интернета.

Многим может показаться, что я никудышный сын: я не имел понятия, в чем ее хоронить; не знал, какие цветы она любила; где она хочет быть похоронена; хотела ли она вообще быть похороненной. Я так много всего не знал, что, сгорая от стыда, не мог смотреть в глаза ни человеку, у которого заказывал цветы, ни священнику, ни грузчикам, ни даже водителю катафалка. С другой стороны, я никогда не был с ней близок. Всегда – с отцом, мы были лучшими друзьями. О нем могу рассказать что угодно. И ничего о матери. Кроме одного: большую часть времени она молчала. У нее не было никаких заболеваний или проблем с речью, она просто была молчаливой и закрытой женщиной. Почему? Отец никогда не рассказывал, а я никогда не спрашивал. Может быть, потому что с папой было легко: он всегда шутил, рассказывал удивительные истории. Его юмор и харизма поражали и не давали отвлечься ни на секунду. Все детство я провел с ним: на речке, в машине, в палатке, в лесу, в деревне... Везде с ним. Мама с нами не ездила. Без объяснений, просто оставалась дома.

Поминки прошли так же тихо и уныло, как и похороны. По большей части мы вспоминали отца, но как только речь заходила о маме, вдруг наступала тишина. Все хотели поскорее уйти, но всё равно сидели. Неприлично как-то. А время тянулось медленно, казалось, что это действо не закончится никогда. Не знаю, любила ли мама долгие застолья. Папа любил. Его теплоты хватало

Анастасия МИЛЕВСКАЯ. Родилась в 1997 г. в г. Волгограде. В настоящее время живёт в Москве. Учится в Московском институте биологии и рыбного хозяйства.

на всех. Гости слушали одни и те же истории снова и снова то ли ради новых подробностей, то ли из-за его невероятного обаяния. Мама всегда сидела во главе стола около окна, и создавалось ощущение, будто она где-то в другом месте. Она почти незаметно приносила и уносила посуду, блюда, и напитки. Никто не предлагал ей помощи. Не потому, что не любили, просто не замечали. В детстве мне казалось, что у нас скатерть-самобранка, с возрастом я лишь отмечал, что на столе что-то поменялось. Но мама уже сидела на своем месте и улыбалась краешками губ. Не помню, чтобы она смеялась.

Все разошлись, и я принялся убирать посуду. В квартире было так тихо, будто это не место, где когда-то жили три любящих друг друга человека, а пустая коробка. Тишина давила и даже пугала, но я понимал, что это временное явление. После смерти матери квартира переходила мне, как единственному наследнику. На тот момент я жил в однокомнатной крошечной квартирке на окраине города, а родители – в трехкомнатной почти в центре. И, хотя мне было тяжело, я все равно решил переехать. Домыв посуду, я лег спать на папину кровать.

Мамина комната была закрыта, я не решился туда войти.

2. «Мамина комната»

Несмотря на то что квартира была большой, я быстро выкинул старые и ненужные вещи. Вот только в комнату мамы я никак не решался зайти. Точнее, я, не отдавая себе в этом отчета, все время как бы сторонился ее. Словно эта комната не моя, словно, если я в нее зайду, меня накажут. Планировка квартиры была такой, что мамина комната была в самом конце коридора напротив отцовской. Спустя несколько месяцев разбора завалов и избавления от огромного количества мусора я осознал, что отступать некуда. Осталась только мамина комната, закрытая и холодная. Гадая, что я обнаружу за треклятой дверью, я продолжал обходить стороной эти двенадцать квадратных метров, как чумного бездомного. В какой-то момент я принял решение вообще туда не заходить. Но каждый раз, проходя в комнату отца или в туалет, натыкался на нее взглядом. Спустя еще несколько месяцев понял, что так жить нельзя. Пообещав себе лишь заглянуть в этот склеп, я с тяжелым сердцем, как на заклание, пошел к той самой двери.

Дверь была тяжелая. Комната показалась слишком темной и душной. Я ничего не смог толком разглядеть. То ли из-за того, что были задернуты плотные занавески, то ли потому, что смотрел в щелку толщиной с рекламный буклет. Будто вор или нашкодивший мальчишка. Но я сделал главное – переборол страх перед дверью. Поэтому, быстро закрыв комнату, со спокойной душой пошел спать.

На следующий день, вновь подойдя к двери, я, наконец, вошел.

В комнате действительно было душно и очень пыльно. Но, что очень странно, не пусто. Разбираясь в комнате отца, я все время ощущал пустоту, которую он после себя оставил. Будто все предметы вокруг были его сосудами, и, когда его не стало, его не стало нигде. Нигде не осталось даже маленькой частички той доброты, жизнерадостности, любви к жизни, которые наполняли отца.

В маминой комнате было иначе. Все здесь будто застыло, будто она не умерла, а растворилась в предметах. Словно она была в каждой книге,

в каждой ручке, в каждом цветке. Только войдя в ее комнату, я впервые осознал, что совсем не знал свою мать. Невозможно поверить, что здесь жила она: я ожидал увидеть монашескую келью с голыми стенами, а попал в мир незнакомого человека. Около небольшой застеленной кровати стоял огромный, от пола до потолка, светло-бежевый с очень красивой росписью шкаф, заполненный книгами. Старыми и новыми. Разных авторов. Против книжных полок – туалетный столик такого же цвета. На нем много разных кремов, косметики, кисточек, карандашей и прочих женских мелочей. На зеркале – наклейки с цветами и птицами. На полу – красивый ковер с коротким ворсом с изображением каких-то очень мелких цветов. Обои светлые и тоже все в цветах, каждый из которых подписан на латыни. Платяной шкаф около спинки кровати забит платьями, блузками, юбками и прочей одеждой, скромной, но очень красивой. И только темный дубовый стол против кровати с множеством разноцветных ручек и чистых белых листов был словно не отсюда. Больше всего меня поразил фотоколлаж над кроватью: мои бабушка с дедушкой, мама в молодости, свадебные фотографии, наши с мамой, мои с папой и без... Их было так много и они были такие разные, что разбегались глаза.

Я не знал, что думать: никогда не видел маму с книгой, папа шутил, что мама читает только кулинарные рецепты. А здесь целая библиотека! Мама всегда носила одно и то же платье. Откуда же у нее такое количество одежды? Никогда не видел маму накрашенной и был уверен, что косметикой она не пользуется, но туалетный столик убеждал в обратном... Что же я знал о женщине, которая меня вырастила? Она всем врала? Не думаю... Тогда зачем все это скрывала?

Где-то внутри возникли неприятный холодок и раздражение. Но, несмотря на это, захлопнуть дверь я не смог.

3. «Мама?»

В последующие дни я подолгу находился в ее комнате, будто привыкая, все еще опасаясь до чего-либо дотрагиваться, просто сидел на полу посередине комнаты. Днем там было особенно красиво и уютно. Росписи на кровати, шкафах и туалетном столике были сделаны вручную. Краски время от времени выцветали, и их обновляли, добавляя что-то новое. Когда я был в начальной школе, мама часто рисовала за меня. Папа говорил, что кисточкой возить – не мужское дело, и мы шли в гараж. За рисунки меня всегда хвалили, и я, приходя домой, хвастался хорошими оценками, за что папа покупал мне игрушку или конфету, мама же просто говорила: «Молодец». В детстве я пропускал ее слова мимо ушей. Ведь что такое для ребенка «молодец» против игрушки? Но, рассматривая удивительной красоты роспись, я устыдился. Уже по-другому, чем на похоронах. От этих воспоминаний появлялась тянущая боль внутри. Несильная, но очень неприятная.

Чтобы прогнать это чувство, я повернул голову к окну. На подоконнике стояли фигурки собак разных пород. У нас никогда не было собаки – у папы на них аллергия. Вообще домашних животных не было. Не знаю, почему, но у меня не было этой детской потребности в домашнем любимце. На книжных полках стояла огромная книга с сильно потертым корешком про померанского шпица, очевидно, мама часто читала ее. Маленькая собачка хорошо вписалась бы в эту комнату. Почему после смерти отца она не попросила купить ей щенка?

А когда она вообще меня о чем-то просила? Я надолго задумался, пытаясь выудить из памяти хотя бы один такой случай. И не смог. Новый приступ тупой боли заставил меня встать на ноги. Кто она на самом деле? Почему дома была тенью той женщины, которую я вижу сейчас? С коллажа смотрела мама, которую я никогда не знал. Она смеялась или широко улыбалась в камеру.

– Расскажи мне про себя. Чем ты увлекалась? Что любила? Почему никогда не показывала свою комнату?! Почему не гуляла с нами?! Почему молчала за столом?! – голос срывался на крик, слезы бессилия текли по щекам. – Скажи уже хоть что-нибудь, наконец!

Я плакал, а она смотрела на меня, улыбалась и молчала.

4. «Разговор»

После той истерики я несколько дней не заходил к ней. Было страшно, что своими словами я обидел ее.

На работе я все чаще ловил себя на мысли, что мне хочется узнать о маме больше, но спросить уже не у кого: ее родители умерли еще до моего рождения, отца не стало десять лет назад. Да и что мой папа знал про нее? Он сам хоть раз бывал у нее в комнате? Видел эти книги? Если да, то зачем так жестоко шутил? Вопросов становилось все больше, а ответов не было.

В выходные я решил загладить свою вину: открыл окно, протер пыль, сменил постельное белье, пропылесосил, получая огромное удовольствие от сознания, что делаю то, чего никогда прежде не делал – забочусь о маме. При взгляде на фотографии у меня будто что-то щелкнуло внутри. И я заговорил:

– Ты сама расписала мебель? Очень красиво! Знаешь, я помню те детские рисунки. Лучше всего у тебя получались птицы, а вот с лицами людей была беда... Зря ты не сказала, что хочешь собаку, я бы мог тебе ее купить. Ты ведь хотела померанского шпица? Тебе понравился бы белый щенок? У меня есть знакомый, который их разводит. Вижу, ты не очень любишь классику, у тебя ни одной книжки нет. Марк Твен, Жюль Верн, Мигель Сервантес… ты любила книги о приключениях. Ты когда-нибудь путешествовала? Наверное, нет. А куда бы хотела поехать? Знаешь, в Японии есть очень красивый парк – Хитачи. Он огромный и там очень много цветов! Судя по всему, они тебе нравятся.

Сначала было сложно, но потом я не мог остановиться. Я расспрашивал и рассказывал. Уходить не хотелось. Казалось, будто мы и правда разговариваем, я был уверен, что она слышит.

Мы проговорили до самой ночи, после чего я уснул на ее кровати, от которой пахло не новым постельным бельем и не пожилой женщиной. От нее пахло мамой.

5. «Все ближе»

С того дня я все свободное время проводил в маминой комнате. Сначала читал ее книги, где почти на каждой странице были заметки. Словно мы вместе читали, обсуждая автора, сюжет, язык. Ее комментарии были то забавными, то глубокомысленными, а иногда резкими. Такие, например, как на последней странице романа Габриэля Гарсии Маркеса «Сто лет одиночества»: «Какое счастье, что я не стала читать "Войну и Мир", но жаль, что Бог не уберег меня от этой тягомотины!»; или на отдельном листочке в книге Владимира Набокова «Лолита»: «Уважаемый Гумберт, как врач хочу вам сказать, что увлекаться

молоденькими девочками вредно для здоровья такого пожилого мальчика!»; или на 180 странице романа Германа Мелвилла «Моби Дик»: «Уважаемый, вам не кажется, что засунуть свою деревянную ногу в лодку и отправиться лечить своих тараканов в одиночестве было бы самым верным решением в вашей жизни?»

Я даже завёл отдельный блокнот, куда стал записывать понравившиеся заметки…

Вопросы копились. Почему она предпочитала книги отцу или мне? Почему, обладая чувством юмора, всегда слушала папины рассказы отстраненно?

На нижней полке я нашел целую стопку ее картин. Лица людей у нее, как всегда, получались плохо. Но пейзажи были чудесные. Все работы очень красочные, живые, в них столько жизни и любви, что мне снова стало стыдно: я вспомнил рисунки, за которые меня хвалили в школе, ставили в пример другим детям, отправляли работы на конкурсы. Но они были не мои! А я ей даже «спасибо» не сказал…

– Знаешь, а давай повесим эти картины в зале, ты не против? Я завтра куплю рамки и повешу! Они не должны тут пылиться!

В тот вечер я долго примерял, куда повесить ту или иную картину, как скомпоновать, перекладывая их с места на место и стараясь не думать, что теперь это единственный способ сделать маму чуточку счастливее и стать хоть немного ближе к ней.

6. «Дневник»

Картин оказалось так много, что я развесил их по всей квартире. Одни выглядели как окна в летний сад, а другие заиграли новыми красками на закате. Почему-то показалось, что в доме стало теплее и уютнее.

Каждый вечер я обязательно заглядывал в мамину комнату, иногда даже ложился там спать, впервые почувствовав мамину теплоту, которая обволакивала и придавала сил. На самом деле она была всегда, но я не обращал на нее внимания, потому что рядом был отец, обжигавший своей любовью, он перетягивал одеяло на себя, а мама не противилась. Потому что понимала, что она не может дать мальчику, будущему мужчине то, что может дать отец. Я спрашивал себя снова и снова: а как бы я поступил на ее месте? И каждый раз приходил к выводу, что она, несмотря на свою безмерную любовь ко мне, ставила на первое место мое будущее, а не эгоистичное желание держать при себе как можно дольше. И я почувствовал неизмеримую благодарность.

Разобрав полностью книжный шкаф, я принялся за огромный стол. На нем было от силы три предмета, будто он стоял тут ради того, «чтобы был». В его единственном ящике, где я ожидал увидеть краски или кисточки, оказались только тетради. Их было штук девять-десять. Одни новые, другие почти разваливались в руках. Моя мама была медсестрой, никогда не преподавала и не занималась репетиторством. Тогда зачем ей они? Что-то не позволяло мне начать читать, будто я прикоснулся к чему-то очень личному и хрупкому, и любое неверное движение может разбить его на тысячи осколков.

– Ты не возражаешь? – спросил я у фотографии мамы, указывая на тетради.

Мне показалось, что она была не против, и я решил начать с самой старой на вид.

Прочитав несколько страниц, исписанных красивым и аккуратным почерком, хотя писал медик, я опустился на пол. Заканчивая читать одну тетрадь, я сразу же брался за другую, будто дали на один день и больше не покажут. Перед глазами предстала жизнь мамы. Я плакал, смеялся, ежился от боли, одобрительно хихикал, злился, умилялся, восхищался. Эта удивительная женщина словно вновь оживала – то умная и веселая, то очень печальная и даже агрессивная, но всё это делало ее совершенно необыкновенной. В какой-то момент я даже захотел зайти в комнату папы и сказать: «Ты, старый болван, знал, что у нее аллергия на розы? Зачем дарил их ей все время? Неужели не видел?!» – но потом вспомнил, что и сам этого не знал, да и сказать уже некому.

Когда дневники кончились, а с ними и мои внутренние силы, облокотившись на кровать, я посмотрел на ставшую любимой фотографию.

«Я сделаю так, как ты хотела, все сделаю, только вернись, пожалуйста. Хотя бы на час, на полчаса. У нас с тобой совсем не было времени. Я люблю тебя и всегда любил. Хочу, чтобы ты это знала. Позволь мне сделать тебя счастливой. Дай хоть немного времени!»

Тогда, стоя на коленях, словно перед иконой, я почувствовал, как меня укачивают ее руки, услышал ее ровное дыхание, почувствовал запах духов и впервые за долгое время провалился в глубокий и спокойный сон.

7. «Похороны»

Через несколько недель после прочтения дневников я настоял на перезахоронении на старое кладбище рядом с бабушкой и дедушкой. Рядом с оградкой росло большое дерево, которое своими ветвями зашишало могилы от солнца, дождя и снега. На этот раз на похоронах был только я. И мне было что сказать.

– Ты научила меня, наверное, самому важному в жизни. Папа научил ловить рыбу, ставить палатку и разводить костер. Для маленького мальчика это очень нужные знания. Но сейчас мне не девять, и для меня важнее твои уроки. Ты научила, что любить можно без слов, согревать своим теплом – без объятий. Когда по-настоящему любишь кого-то, то думаешь в первую очередь о его счастье, а не о своем. И такая любовь не приносит боли. Боль приносит эгоизм, а любовь несет тепло и силы. Ты научила меня любить, мама. Пускай только сейчас, но я это понял. Я молодец, да?

Скамейку и небольшой столик я поставил позже, а еще позже посадил мышиный гиацинт. У своего знакомого я купил двух померанских шпицев, с которыми приезжаю на кладбище. Мамин памятник я тоже поменял. Теперь это белое надгробие с взлетающей птицей. И надпись:

«Самой удивительной женщине, которая когда-либо жила.
Теперь ты можешь лететь».

МАГИЯ ТВОРЧЕСТВА И ВДОХНОВЕНИЯ

Очерк

Умида КАРИМОВА

В жаркий полдень по дороге, опоясывающей кишлак, бежала девочка. Ее босые ноги, казалось, едва касались горячей пыли со следами подков незадолго до нее проехавшего всадника. Туго заплетенные тонкие косички, рассыпавшиеся по спине и плечам, казалось, танцевали в такт бегу. Ветерок, несущий прохладу от арыка, приятно освежал лицо девочки. На несколько секунд она остановилась и побежала к саду, из глубины которого выглядывали глинобитные домики. Царил и покой и тишина, и не было слышно привычного многоголосья птиц. Только иногда раздавался на всю округу крик осла, отсчитывающего только ему понятное время, напоминая людям, что пора позаботиться о куске хлеба насущного для себя и своих близких.

Девочка добежала до большого двухэтажного дома с открытым айваном, окна которого прикрывали бязевые шторы, спасая от солнца и посторонних глаз внутренние покои. С больших арб в подвал разгружали продукты. Работники складывали их на полки, муку ссыпали в огромные мучные лари. Запах специй и приправ щекотал ноздри. Поздоровавшись с людьми, девочка по ступеням поднялась на второй этаж и услышала: «Салима, Салима! Ты где ходишь? Я тебя нигде не могу найти!» Это был голос ее вездесущей сестренки Халимы, постоянно контролировавшей свою сестру и всюду ее сопровождавшей по указанию строгого отца. Отец требовал, чтобы девочки всюду были неразлучны, но на сей раз Халима упустила «огонек», как называли сестру в доме.

Салима на цыпочках проскользнула в прохладную комнату, где вдоль стен стояли большие кованые сундуки. Открыв один из них, девочка замерла в восхищении: он был доверху набит книгами. В старинных переплетах, на различных языках, они, казалось, хранили беспредельную вечную мудрость философов и поэтов. Но жемчужиной книжной коллекции был фолиант с географическим атласом, на котором стояла печать самого Амира Темура, подтверждающая границы государства Темуридов.

В комнату вошла сестренка… Вздохнув, Салима закрыла крышку

Умида КАРИМОВА. Окончила химфак и аспирантуру в ТашГУ (ныне НУУз). Пишет стихи, занимается переводами. Активно сотрудничает с клубом-музеем «Мангалочий дворик Анны Ахматовой». Публиковалась в альманахе «Под крылом Пегаса».

сундука. Халима дернула ее за подол платья: «Где ты была? Если не расскажешь – все доложу отцу», – сердито выговаривала она. Высокая, с тонкими чертами лица и вьющимися черными волосами, она обещала вырасти в настоящую красавицу. Вздохнув, Салима взяла сестренку за руку: «Пойдемте, Халимахон, я все Вам расскажу». Это обращение на ВЫ (с уважением к младшей сестре) она сохранила на всю жизнь.

Спустившись вниз, сестры степенно прошли по широкому двору к большой глиняной супе под старой урючиной. Возле нее протекал хоть и не широкий, но довольно стремительный арык с берегами, густо заросшими зеленым райхоном. Девочки сорвали по веточке и заложили себе за уши. Аромат этой райской травы смешался с ароматами цветов, растущих вокруг. Проходящие через двор работники с одобрением смотрели на беседующих девочек. «Хорошие дочки у нашего бека… Уважительные!»

Бек с семьей переезжал на лето из душного Ташкента в загородный дом в Келесе. Здесь жила многочисленная родня и дяди девочек. Высокие, плечистые, настоящие палваны, им любая работа была по плечу. Работали в кузнице и пахали землю, осенью собирали виноград, картофель… готовили почву к весне под новый урожай. Если в грязи застревали арбы, люди всегда звали на помощь братьев. Подперев своими могучими плечами огромные колеса, они с легкостью вытаскивали арбу с грузом.

К одному из своих дядей и бегала Салима в полдень. Дом его стоял на окраине кишлака на обрывистом берегу реки Келес. Река была коварна, постоянно меняла свое русло, подмывая глинистые берега. Отец Салимы знал об этом и запрещал ей купаться в речке. Но разве можно было остановить эту отчаянную девчонку? Она продиралась через поле цветущих подсолнухов, поднималась на обрыв, а тяжелые, мохнатые черно-желтые головы подсолнухов укоризненно покачивались ей вслед. Салима, словно ласточка, кидалась с обрыва и исчезала в бурном потоке, поднимая фонтан брызг. Из дома выскакивала жена дяди, всплеснув в отчаянии руками, что-то кричала под радостные голоса ребятни.

Наплававшись, Салима возвращалась в дом. Тетя угощала ее виноградом и горячей лепешкой. Такого вкусного винограда, как она потом признавалась себе, ей больше никогда и нигде не приходилось есть.

Но надо было отвечать на нетерпеливые расспросы сестренки, и Салима, вспомнив свой сон, виденный накануне, стала торопливо пересказывать его, выдавая за реальность.

– Представляете, Халимахон, когда я шла вдоль речки, у мостика я увидела святого Хизра. Я приветствовала его, а он подарил мне шесть прекрасных яблок, правда, одно было с червоточиной.

Халима, слушающая сестру с простодушным вниманием, прервала ее рассказ, вскрикнув:

– Где же яблоки?

– Съела! – со смехом сказала Салима и, спрыгнув с супы, помчалась вглубь сада. Этот сон оказался пророческим. Салима вспоминала о нем, глядя на своих шестерых детей, через много-много лет.

Кончалось лето…. С яблонь падали спелые плоды, образуя красно-желтые атласные ковры на зеленой траве.

Осенью 1933 года Салима Аскарова поступила в Ташкентский

техникум защиты растений. Ей было всего одиннадцать лет, но она добавила себе один год – в те времена документы особо не проверялись. Время было непростое, тяжелое, новое, революционное, требующее быстрых решений. А Салима умела принимать решения. Больше никогда в документах не упоминалось о ее истинном происхождении. Отныне она была дочерью простого дехканина и безграмотной домохозяйки. Мама Салимы слыла искусной вышивальщицей сюзане, бархатных ковров и тюбетеек. Одна из ее работ бережно хранилась в сундуке: изумительная вышивка с пятью солнцами на черном бархате (древние рунические знаки) и цветами граната – символ процветания и благополучия. Это сюзане Салима часто доставала из сундука, прижимала к лицу и словно ощущала тепло маминых рук. Вышитые яркие узоры излучали любовь, напоминая об уюте старого дома, о давно ушедшем времени.

Отец Салимы Аскар Пирназаров пользовался большим уважением односельчан. В его доме в Ташкенте на Кашгарке частыми гостями были Файзулла Ходжаев, Акмаль Икрамов и многие другие видные деятели эпохи и философы-просветители. Бабушка Салимы была основателем новометодной школы для девочек в старой части города на Хастымоме, а дедушка ездил зимой с обозами в Москву, а оттуда во Францию. Его брат Ойбек был филологом, учился в Санкт-Петербурге, был женат на внучатой племяннице А. С. Пушкина. В 30-е годы они всей семьей переехали в Ташкент и жили на Переушке возле Госпитального рынка. В период перемены алфавита (с латиницы на кириллицу) он имел неосторожность выразить сомнение в целесообразности такого шага, ссылаясь на то, что латиница более полно отражает нюансы узбекского языка.

Этого было достаточно, чтобы осудить его, семью выслать в Сибирь, а детей отдать в детский дом, поменяв их фамилию. Так и затерялась в жерновах истории становления нового мира знаменитая достойная фамилия, несмотря на то что многочисленная родня долгие годы писала слезные прошения, умоляя разрешить взять детей на воспитание.

Аскар Пирназаров принял новую власть с открытым сердцем. Он отдал золото, недвижимость… все, кроме книг. Учитывая его авторитет среди местного населения, его назначили исполняющим обязанности Председателя волостного исполнительного комитета. Салима по мере своих сил помогала отцу. Активная, инициативная, она участвовала в работе агитбригад, в 1934 году сопровождала Ю. Ахунбабаева, Первого Председателя ЦИК Узбекистана, когда распределяли трактора по колхозам. Ей было всего 10 лет, когда она стала пионервожатой в детском доме № 19 в Ташкенте. Открытая, искренняя, она легко находила друзей и всегда стремилась к знаниям. С отличием окончив техникум, она решила посвятить себя медицине, подала документы в медицинский институт и поступила. Это было в 1939 году. Но оказалось, что она была не готова к сложностям профессии: виду крови, запаху эфира – пришлось отказаться от мечты стать врачом. Год Салима проработала лаборантом в техникуме защиты растений.

Но тучи над семьей сгущались, при всей лояльности к Советской власти какое-то время семье пришлось скрываться, спасаясь от грозящего ареста. В том году были репрессированы и расстреляны многие друзья семьи.

Чтобы обезопасить дочь от возможных опасностей отец решил выдать ее замуж за одного из видных политических деятелей того времени, друга семьи А. Муминова. Свадьба запомнилась жителям махали надолго: карнаи-сурнаи, улица, устланная коврами, лошади с богато украшенной сбруей, и хрупкая шестнадцатилетняя красавица невеста. Жених был старше невесты на 22 года, он стал ей надежной защитой и опорой на долгие годы. Через два месяца после свадьбы он отправил свою жену на учебу в Ленинград. В апреле 1941 года Салима окончила Высшие курсы прикладной зоологии и фитопатологии, диплом она получила за 20 дней до начала Великая Отечественной войны.

В Ташкент она возвращалась с чемоданами, наполненными книгами: собрание сочинений У. Шекспира, энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, снабженные металлическими наугольниками и застежками собрания сочинений А. Пушкина, М. Горького, шедевры античной литературы и самый бесценный багаж на долгие годы – теплые воспоминания о людях, в чьих семьях ее встречали как родную. Здесь, в Ленинграде, определились основные направления ее научной деятельности со специализацией «Борьба с болезнями хлопчатника». Руководителем диссертационного исследования стал ее учитель, ученый с мировым именем Николай Александрович Красильников, поддерживавший Салиму в течение всей научной деятельности.

По приезде в Ташкент в трудное для страны время Салима оставила мысли о науке и занялась организацией работы с молодежью, участвовала в молодежной стройке Бозсуйской ГЭС и Северо-Ташкентского канала в Янгиюльском районе Ташкентской области, который орошал 10000 гектаров земель. В военные годы это строительство имело стратегическое значение. Энергичная, стремительная, быстрая, Салима не отсиживалась в кабинетах, всегда в авангарде, гуще событий, жила по совести, по своим убеждениям, верная собственным жизненным принципам.

Ее брат Аскаров Махмуд с первых дней войны ушел на фронт, хотя и имел бронь. Он пропал без вести в боях за Сталинград. Осталась только фотография, на которой он запечатлен перед отправкой на фронт. Салима всю свою жизнь искала брата, но на все запросы ответы приходили отрицательные. У Салимы с мужем не было детей, во время войны они усыновили четверых мальчиков из детского дома. Первым был русский мальчик Андрей. После войны его разыскали родители. Впоследствии он стал летчиком, но никогда не забывал о своей узбекской маме. Другие ребята тоже нашли свое место в жизни: Абдурахманов Абдували впоследствии стал главным врачом туберкулезного санатория, Муминов Шамиль – военным, Абдурахманов Абдугани – геологом.

В эти годы семья жила на улице Лашкарбеги, рядом, в доме № 19 жил Ю. Ахунбабаев, первый председатель ЦИК УЗ ССР. С сентября 1944 года Салима стала контролером, уполномоченным комиссией партийного контроля при ИК ВКП(Б) по Узбекистану. Письма, жалобы, предложения шли нескончаемым потоком, во всем надо было разбираться, анализировать, страшнее всего было получать анонимки с доносами на людей. Некоторым письмам она умышленно не давала ход, предупреждала людей об опасности. Это были доносы на людей, которых она знала лично

и никогда не подвергала сомнению их чистоту перед партией и народом. Так было с анонимкой на известного ученого, академика М. Н. Набиева, который на всю свою жизнь сохранил благодарность и уважение к Салиме Аскаровой.

Жестокая обстановка военного времени требовала жестких решений, но уважение, человечность, терпимость и сочувствие к людям были основными жизненными принципами совсем еще молодой женщины.

Закончилась война. На семейном совете было принято решение об уходе с партийной работы, поскольку честный и бескомпромиссный Абдували Муминов написал непосредственно И. В. Сталину письмо «О серьезных недостатках в работе руководства Уз.ССР». Предвидя серьезные последствия конфликта с действующей властью, который затянулся на несколько лет, он решил спасти супругу, вывести из-под удара. И Салима с воодушевлением вновь окунулась в любимую науку. Начался новый этап ее жизни.

На опытную станцию селекции и семеноводства хлопчатника, впоследствии СОЮЗНИХИ, приходилось ежедневно ездить в Кибрай. Здесь шла напряженная наработка опытных данных по изысканию методов борьбы с болезнями хлопчатника, в частности, с вилтом – паразитарной грибковой болезнью. В начале 50-х годов Салима поехала в Москву, поступила в аспирантуру для подведения итогов и завершения работы, разработки путей внедрения результатов своего огромного труда. В Москве состоялась встреча, круто изменившая ее жизнь. В одном из общежитий, где проживали выходцы из Узбекистана – студенты, ученые, друзья-аспиранты, Салима познакомилась с аспирантом Института почвоведения Гани Набиевым. Дружеские отношения переросли в настоящую любовь, и Салима уехала в Ташкент за советом не к кому-нибудь, а к мужу... Все двенадцать лет совместной жизни он был ей и мужем, и мудрым советчиком, и другом. Абдували Муминов понял и отпустил жену. Уже в феврале 1953 года Салима летела в Москву на защиту диссертации с пятимесячным сыном на руках. Со дня бракосочетания с Гани Набиевым наука, любовь, семья слились воедино в жизни Салимы.

С. Аскарова. Директор Института ботаники (1963 г.)

Аскарова Салима Аскаровна, доктор биологических наук, профессор, в 1965 году стала основателем и первым руководителем Института микробиологии Узбекистана. Это был единственный случай в республике, когда руководителем столь значительного учреждения стала женщина. Именно за время ее работы микробиология от выполнения разрозненных описательных исследований перешла к разработке комплексных фундаментальных проблем, возникли новые направления в работе института: физиология и биохимия микроорганизмов, селекция, генетика и вирусология.

Первым руководителем Научного

совета по физиологии и биохимии микроорганизмов была С. Аскарова, как и первым президентом микробиологического общества Узбекистана. Создание такого общества дало возможность привлекать к совместной работе крупнейших микробиологов всей огромной страны. Труды С. Аскаровой хранятся в библиотеке Конгресса США и в библиотеке штата Техас (крупнейшего хлопкового штата США). В июле 2013 года во Франции в Национальном Институте исследований Агрономии была проведена научная конференция, посвященная Салиме Аскаровой, на которой ее признали одной из выдающихся ученых женщин XX столетия.

Заслуги С. Аскаровой на родине были отмечены многочисленными почетными званиями и наградами: Заслуженный деятель науки, Отличник просвещения, Отличник народного образования, орден Трудового Красного Знамени (1975 г.), медаль «Шухрат» (1994 г), медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», медаль имени Т. Н. Кары-Ниязова, медаль «Материнство» I и II степени, ряд юбилейных медалей.

Особая страница ее жизни – работа в качестве ректора Ташкентского областного государственного педагогического института (г. Ангрен). Тринадцать лет своей жизни Салима Аскарова отдала своему последнему детищу, по сути дела сумев реорганизовать недавно созданное учебное заведение в серьезную научную школу.

И здесь Салима Аскаровна проявила себя талантливым, энергичным организатором, большим ученым, искренним и благородным человеком, заслужившим добрую память и уважение людей, с ней работавших.

Салима Аскаровна Аскарова осталась в памяти знавших ее людей как большой ученый, мудрый наставник, удивительный педагог, пример преданности любимому делу, честности, любви к родине, беззаветного служения интересам народа.

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ

Рассказы

Бахтиёр НУРИДДИНОВ

ОТЕЦ И СЫН

Такова человеческая натура: когда человек стареет, становится капризным. Во всяком случае, характер заметно меняется.

Отец приехал в город на лечение, надеясь избавиться от недуга, обретенного под старость. Сын, отложив все дела, подключил своих знакомых и стал возить отца по видным столичным докторам. К кому они только не обращались! Но все врачи в один голос твердили:

– Поздно, слишком поздно!

Почему это поздно? В таком большом городе, при такой развитой медицине… А как же сыновний долг, неужели он бессилен выполнить его? Не может этого быть! Он повез отца к еще одному видному специалисту, по слухам, ведущему в своей области. Он готов был заплатить любую сумму, лишь бы тот вылечил отца.

Народу на прием было записано много. Встали в очередь. На улице жара, дышать нечем. Здесь же прохлада и чистота вселяли надежду на скорое выздоровление. Отец был очень взволнован. Ждать пришлось долго, часа два. Наконец, медсестра пригласила их в кабинет. Отец и сын вошли вместе. Их встретил очень серьезный большеглазый, крупного сложения мужчина, предложил отцу прилечь на кушетку и тщательно осмотрел его. Затем, усадив на стул, стал задавать вопросы, внимательно прочитал заключения других докторов, просмотрел результаты анализов, после чего попросил отца подождать в коридоре. Сын насторожился. Похоже, у отца действительно серьезная болезнь. Доктор, поглаживая лоб, очевидно, собираясь с мыслями, после длительного молчания, тщательно подбирая слова, видно, из жалости к пациенту, покачал головой и изложил все, что знал о страшной болезни. Да, дело было плохо. Чтобы никто, видимо, не сомневался в его профессионализме, врач в заключение добавил:

– Болезнь эту можно было бы вылечить, если бы вы обратились чуть раньше, в ее начальной стадии. Вы опоздали. Слишком поздно.

Бахтиёр НУРИДДИНОВ. Родился 1972 году в Андижанской области. Журналист, прозаик. Окончил факультет узбекской филологии ТашГУ (ныне НУУз). Публиковался в республиканских газетах и журналах.

Казалось, все это неправда, врач преувеличивает, не желая брать на себя ответственность. Сын молча вышел из кабинета. Отец ждал его в надежде на чудо. Будто воды в рот набрав, сын молча повел старика к выходу. В ушах эхом звучало лишь одно слово: «Поздно!» Он возненавидел это слово. Отец, наверное, думает, что в городе нет ничего невозможного, и сын в силах справиться с любой бедой. Чтобы не разочаровывать старика, он повез его еще к одному знакомому доктору, земляку, возглавлявшему поликлинику творческих работников. Тот порекомендовал еще одного врача. Сын был уверен, что ни один так другой специалист непременно найдет правильное решение и вылечит отца. И вот надежды его рухнули.

Уже вечерело, когда они вернулись домой. Как только открылась дверь, к ним подбежал пятилетний сынишка и, крепко обняв деда, стал кричать:

– Дедушка приехал, дедушка приехал!

Отец счастливо улыбался: восторг внука заставил его на мгновенье забыть про болезнь. Он стал вручать ему разные игрушки и сладости. И когда только он успел их купить?! Внуку, конечно, было невдомек, что дед болен, усевшись к нему на колени, мальчик стал что-то горячо рассказывать, затем, соскочив, принес из своей комнаты игрушки и стал демонстрировать их, тормошил деда так, что вскоре у него уже и сил не было восторгаться. Тем не менее дед все же старался отвечать на вопросы внука.

– Вы теперь будете жить у нас, да? – спрашивал внук.

– Конечно, – с трудом улыбался дед. Чувствовалось, что к концу дня боли усиливаются. Лицо стало унылым, глаза впали. Сыну стало бесконечно жаль его, он пришел в отчаяние от своего бессилия. Неужели на его глазах родной человек будет таять, и придет день, когда его единственного родителя не станет?!

– О Создатель! Только на тебя надежда! Не дай отцу умереть! – взмолился он, выйдя на балкон, и заплакал.

* * *

На следующий день он проснулся рано утром от стонов отца. Пройдя, он обнаружил его за утренней молитвой. Сынишка тоже крутился рядом... И когда только он успел встать с постели?! Подражая деду, он что-то шептал, что вызвало невольную улыбку. Во время завтрака отец сказал:

– Берегите детей, воспитывайте их как следует. Я сегодня уеду домой. Соскучился. Всю ночь снились шумные пороги Карадарьи[1]... Должно быть, гранаты зацвели, надо проследить, чтобы их полили.

В конце их двора в кишлаке был большой гранатовый сад. Отец всю жизнь ухаживал за ним. Вода в сад поступала из Карадарьи.

«Матушка-река, – называл Карадарью отец. – Всем дает пропитание. Если бы не она, здесь не выросла бы даже травинка. Запомни это, сынок!»

– Я покажу вас другим врачам, отец. Ляжете в больницу и обязательно поправитесь.

– Нет, – твердым тоном возразил отец. – Не перечь Божьей воле.

Сын промолчал. Он даже не смог предложить пожить у них еще, зная нрав отца: раз сказал нет – значит, нет. Уговаривать бесполезно. В отчаянии

1 Карадарья – Река в Средней Азии.

от своего бессилия, он вынес новый бежевый чекмень, приготовленный для отца на случай его выздоровления и выхода из больницы, и набросил ему на плечи.

– Что это? Да брось ты! Трать заработанное на семью. Жизнь скоротечна. Живи богато. Корми детей сытно. Они – продолжение нашего рода, – сказал отец.

– Мы купили его для вас, выбирали с вашей невесткой. Надеемся, понравится вам, – тихо произнес сын.

– С обновкой вас, отец, – тут же откуда-то появилась невестка.

– Спасибо, – сказал отец грустно. – Долгих вам лет жизни, дети мои… – и, как водится, произнес на прощание молитву.

Сынишка приник к его ногам, стал капризничать, требуя, чтобы дедушка не уезжал. Дед хотел приподнять его, но не хватило сил.

– Даже внука прижать к себе не дает эта болезнь, будь она неладна, – горько улыбнулся он. – Ты приедешь навестить меня?.. – обратился он к внуку.

Мальчик молча кивнул головой.

– Я смастерю тебе лошадку из гранатового прута. Видел такую?..

– Нет.

– Когда я был таким, как ты, ездил только на такой лошадке.

– Вы мне сделаете такую же?

– Непременно.

Ребенок успокоился. Старик отправился в путь. Чувствовалось, что ему тяжело, как бы ни пытался он это скрыть.

– Если хочешь получить осенью хороший урожай гранатов, надо весной обильно поливать их, иначе опадут цветки. Глядишь, останешься ни с чем, – говорил отец по пути.

Сын молчал, печалясь не меньше отца.

– Ты больно не переживай. Все в руках Аллаха. Если захочет, всякому отпустит еще благ на долгие годы.

– Если надо, я пошлю вас за рубеж, отец. Там вас быстро вылечат.

Отец иронично улыбнулся.

– Я и к тебе-то еле-еле приехал, куда мне в такую даль! В ногах сил нет. Дома и стены помогают. Тихо, спокойно. Вот доберусь сегодня до своей постели и отдохну по-настоящему. Мама твоя хорошо за мной ухаживает. Врачи здесь надменные очень. А ты, я вижу, совсем прижился в большом городе!

Мысль человека не знает границ. В мгновенье облетает весь мир. Сын погрузился в раздумья. Отец, сразу почувствовав это, решил, что сын в подавленном состоянии, оттого что ничего не может поделать, и бодро произнес:

– Эх сынок! Ты, конечно, много читал, но ума, вижу, не набрался. В этом мире никто не вечен. Слава Богу, хорошо жили. Я выучил вас. Женил. Вот до семидесяти лет дожил – немало. Ни о чем не сожалею, хоть и многое пришлось повидать, – сказал он, приободрившись. – Чего еще желать? Да ничего! Дальше жить скучно… А впрочем, кто его знает… Если Бог отпустит еще время – справим свадьбы внуков.

Отец улыбнулся, а сын опять хмуро промолчал. Стоявший в горле комок никак не проходил, казалось, стоит ему заговорить – и он разрыдается. Слезы вот-вот готовы были брызнуть. Он отвел взгляд от отца.

...Вечерами братья выходили на улицу. Следили за всеми, кто проходил мимо. Прислушивались к приближающимся шагам, продолжая сидеть у ворот и вглядываться вдаль даже тогда, когда на улице никого не оставалось, только кошки да собаки. Усиливалось кваканье лягушек, звонко пиликали яшерицы. Время шло. А отец все не показывался. Уже и ко сну клонило, и братья, ежась от холода, теснее прижимались друг к другу. И вот, когда сон уже почти одолевал, один из них говорил:

– Не засыпай, сейчас папа придет...

Когда уже становилось совсем невмоготу, мрак ночи неожиданно будто рассеивался и появлялся отец. Статный, могучий. Шагал твердо, решительно, издалека было слышно, как идет.

А когда подходил, ощущался его запах. У него был особый запах.

– Ой-ой-ой! Это же мои озорники! Что вы тут делаете?.. Отца дожидаетесь? Молодцы, молодцы, мои отважные сыночки! Ну-ка, пошли домой, сорванцы! – говорил он весело, вытирая со лба пот.

Всем становилось радостно. Особенно восторгался младший брат. Взобравшись на руки, он обхватывал отца за шею и ни за что не хотел отпускать. Отец был одинаково ласков со всеми детьми.

Младшему сейчас уже тридцать...

От воспоминаний детства на душе полегчало. Отец глянул на сына. Его порадовало, что настроение сына улучшилось. Прощаясь, он долго прижимал сына к груди. Как в детстве, сын почувствовал запах отца, его дыхание приятно шекотало шеки. Совсем как в детстве. Заметно было, что отец не хочет отпускать сына. Но пришлось все же попрошаться.

И отец уехал.

* * *

В тревожном ожидании страшной новости проходили дни, недели, месяцы... Кто сообщит ему об этом? Но этого не понадобилось. Поистине, человеку не дано предугадать... Ни плохой, ни хорошей вести он не получил, просто сообщили, что отец хочет видеть его. Он тут же поехал. Но при встрече оказалось, что отца больше интересовал внук.

– Где мой жеребенок? – спросил он ласково.

Как хорошо, что он привез сына с собой! Тот тут же подбежал к деду, крепко обнял за шею. Дед попытался подняться, но у него не получилось. Теперь он был прикован к постели, хоть и пытался держаться при внуке бодро. Он вытащил из-под одеяла длинный гранатовый прут и протянул внуку: все-таки сдержал слово – смастерил-таки для внука лошадку!

– Это тебе, – произнес он, постанывая, но не переставая улыбаться.

Верхняя часть прута была украшена орнаментом и подвязана сплетенным лыком из молодой гранатовой коры, будто уздечка надета на морду лошадки. Радости внука не было границ. Сев на прут, как на лошадку, он дважды проскакал по комнате.

– Нравится? – спросил дед.

– Здорово, дедушка!

Сыновья видели, что у отца усиливаются боли, поэтому старший из братьев, подняв мальчика вместе с лошадкой, направился было в другую

комнату, говоря по пути:

– Дедушке надо отдохнуть.

Но дедушке это не понравилось.

– Оставь его в покое! – сказал он сквозь стон. – Дай ему порадоваться!

Брат опустил ребенка на пол.

– В садах Багишамала наверняка поспел ранний белый урюк. Хочется его попробовать, – слабо произнес отец.

– Сбегать? – спросил самый младший из братьев.

Отец посмотрел на среднего, городского, сына:

– Пойди лучше ты.

– Хорошо, мы мигом, – сказал он, взяв сына за руку.

– На обратном пути сверните к источнику, наберите родниковой воды из Акбулака. Хочется пить, – сказал отец, мучаясь жаждой. – Может, сил придаст, и я выздоровею?..

Сын понял. Отец не хочет, чтобы внук видел деда обессиленным, для него он всегда был могучим и сильным.

В Багишамале и вправду, как сказал отец, начал зреть белый урюк. Он протянул руку к крупному плоду, поблескивающему на солнце. Когда срывал его, в душе будто что-то оборвалось. Сердце дрогнуло. Он почувствовал: что-то случилось с отцом, и стал торопливо наполнять корзинку спелыми бледно-желтыми плодами. Сын его, радостно бегая от цветка к цветку, набрал целый букет алых маков. По пути свернули к Акбулаку, зачерпнули родниковой воды и сами попили. Вода оказалась и вправду животворной. Каждый глоток доставлял удовольствие, вода будто по жилам растекалась. Последняя надежда отца… Может, и впрямь поможет?

Отец с сыном направились домой. Чем дольше они шли, тем дальше казался дом. Прибавили шагу. Сынишка оборачивался на яркие одуванчики, цветущие вдоль арыка. Хотел набрать букет, но отец дергал его за руку, торопил, тащил за собой. Увидев издали дом, он заметил у ворот кучку людей. Забыв о сыне, чуть ли не бегом бросился к воротам. Подскочил, споткнувшись, чуть не упал – соседи подхватили. Сынишка же, забежав во двор, начал кричать:

– Дедушка, смотрите, что я вам принес! Красные-красные! Посмотрите!

Но было уже поздно…

– Когда?!. – спросил сын у людей, придерживавших его за локти. Всё вокруг померкло, куда-то отступило, лишь какие-то тени и непонятные звуки… Его вопрос, казалось, остался без ответа. Лишь спустя некоторое время он услышал всхлипывающий голос младшего брата:

– Полчаса назад, полчаса!

Старший брат поймал мчавшегося к дедушке малыша, хотел отнять маки, но тот не отдал:

– Сам отнесу дедушке, – сказал он капризно. Малыш не понимал происходящего.

– Дедушка заснул. Потом отнесешь, ладно? – уговаривал брат племянника. Тот, насупившись, согласно кивнул головой.

Он вошел в дом. Отец лежал умиротворенный. Поставив рядом с ним корзину, полную урюка, и родниковую воду (Кому они теперь нужны?!), крепко сжал веки, еле сдерживая слезы. Но не сдержался: «Отец!» – громко вскрикнул он, разрыдавшись. Со двора донеслись плач и причитания матери:

«Бегим!»[1] С ними слились стенания братьев, сестры... Один за другим заплакали дяди, раздался отчаянный крик ребенка, рвавшегося в дом: «Дедушка!» Его удерживали, не впуская.

– Я хочу увидеть деда, – кричал он, но ему никто не внимал, не пытаясь даже вникнуть в его слова. Крохотное сердечко малыша почувствовало большую потерю.

Сыну, сидевшему рядом с телом отца, захотелось выйти во двор и, прижав к груди сынишку, всласть наплакаться. В комнату вошел старший дядя и положил ему руку на плечо:

– Все, выходи, сидеть больше положенного стыдно! – сказал он, вытирая глаза кончиком белбага[2].

Выйдя наружу, он увидел своего всхлипывающего сына, обиженно сидящего в стороне от всех. Подойдя к нему, присел рядом и крепко обнял его – точно так же, как обнимал его отец в последний раз, и беззвучно заплакал, приникнув головой к плечу ребенка. Сынишка растерялся. Перестав всхлипывать, он маленькими ручонками принялся гладить волосы отца. Отец почувствовал любовь ребенка – такую же трепетную привязанность, какую испытывал он к своему отцу, прижимаясь в детстве к его колючей щеке.

– Не плачьте, папа! – сказал сынишка совсем по-взрослому. Отец был смущен тем, что в присутствии ребенка не смог скрыть бившую его дрожь, не сдержал горьких слез. Устыдившись, он вспомнил об отцовском долге и принялся успокаивать сына, но в этом уже не было надобности. Мальчик, вытерев слезы, серьезно спросил:

– Если не буду плакать, деда покажут?

Вокруг малыша рассыпались алые маки. Тут же рядом на опоре виноградника висела сделанная дедом из гранатового прута лошадка. Отец, взяв за руку сына, медленно направился к дому. На пороге их остановила мать.

– Пусть увидит дедушку, попрощается, – сказал он.

Мать вдруг сникла и покорно повела внука к деду. Мальчик держался серьезно, как взрослый, строго и внимательно глядя на деда, старался не плакать, но все же не выдержал, начал потихоньку всхлипывать и вскоре совсем разревелся. Подошел отец и взял его на руки. Он думал о том, что, исполняя свой сыновний долг, он должен достойно проводить отца в последний путь, показав тем самым пример своему сыну. Так поступал его отец, провожая деда, так же поступит его сын, когда наступит час. Он в этом уверен.

Всю ночь лил дождь. Не спалось ни ему, ни сыну. В комнате отца горел свет. На подоконнике стояли корзина с урюком и родниковая вода. На улице же, кромсая тьму, стучал весенний дождь... Сынишка прошел в комнату деда, налил в керамическую чашку родниковой воды и принес отцу:

– Попейте! – сказал он.

От слов сына по телу побежали мурашки. В его голосе чувствовалась энергия отца. Невольно подчинившись сыну, он залпом выпил воду, пролив часть на рубашку. Увидев, что чаша пуста, сынишка тихонько вытащил из кармана белый урюк и принялся его есть...

1 Бегим – господин мой, обращение жены к мужу в старину и модное ныне.
2 Белбаг – поясной платок.

ПОТУСТОРОННИЙ ПОКУПАТЕЛЬ

Хлопотно жить вдалеке от родственников.

Никогда не думал, что может такое случиться – в последние минуты отца не смог быть с ним рядом. Хорошо, хоть братья не отходили от него до самого конца. Выполнили все его пожелания, выслушали все наставления, вняли последним словам. А что он?.. «Мелкота, – так он оценил себя, – кому нужен твой дутый авторитет?..» И чем больше он думал, тем тягостней становилось на душе.

– Отец вас все время ждал. В последние дни вообще не отрываясь смотрел на дверь. Кажется, что-то хотел вам сказать. Нам он не доверился, – сообщил младший брат.

Что тут скажешь? Не станешь же рассказывать о том, что в городе он изо всех сил старался поспеть, но, увы, не успел… Сколько теперь ни кайся – все впустую, поздно…

– Мог бы и чуть раньше приехать, братишка! Ведь знаешь, путь не близкий. У отца, видно, было какое-то пожелание тебе, – пробубнил недовольный старший брат.

Ну что теперь поделаешь? Так уж случилось. Время назад не воротишь. А ведь никому не ведомо, что переживает человек. На душе кошки скребут, муторно, тяжко оттого, что ничего не исправить, хоть головой об стенку бейся. Разве это кому-нибудь объяснишь?! То, что он сейчас чувствует, ему одному известно. Время ли сейчас назиданиям?..

Он отошел в сторонку, где не было людей, хотелось укрыться от многочисленных чужих глаз. Казалось, что все на него смотрят, осуждают: «Тоже, сын! Явился, когда отца не стало!» Подошел младший брат:

– Всем известно, что у нашего отца три сына. Не надо сторониться, ака. Встаньте рядом с нами, а то неудобно, получается.

Брат прав, людская молва безжалостна. Вмиг опозорят.

* * *

Проводить отца в последний путь народу собралось видимо-невидимо. После заупокойной молитвы и возвращения с кладбища все, как водится, вновь собрались в доме покойного, чтобы прочитать последнюю молитву и выразить соболезнование родственникам. Принимая слова сочувствия от уходящих и вновь пребывающих посетителей, братья простояли у ворот дома до самой темноты. Отец был человеком широкой души. Почтительно относился и к старикам, и к молодым. Поэтому отдать дань уважения его памяти пришли и стар и млад с семи ближайших кишлаков. Когда, предав тело земле, люди возвращались с кладбища, их внимание привлекла откуда-то возникшая рядом с толпой огромная белая собака. Не обращая внимания на людей, она шла рядом с процессией, дошла до ворот дома и, остановившись, стала пристально смотреть во двор через широко раскрытые ворота. Люди равнодушно проходили мимо. Постояв некоторое время, собака тихо отошла на противоположную сторону улицы и, вытянув вперед лапы, улеглась под соседским забором.

– Уж, не из той ли знаменитой породы? – донесся голос дяди по матери.

– Похоже, что так, – подтвердил другой дядя – брат отца.

– Не раз приходилось слышать, но вижу такую собаку впервые. Вид внушительный.

– Да уж… Не знаю, насколько это верно, но говорят, что на берегах нашей Карадарьи[1] некогда обитал див. Он жил в ближайших к реке тугаях[2]. И каждую ночь, выходя в поисках пищи, устрашающе вопил. Никто не в силах был одолеть его, – начал свой рассказ дядя по отцу. Другой дядя, кивая головой, молча слушал его. – В кишлаке жил один богатырь-чабан. Звали его Караягыр[3]. Он пас скот односельчан, оберегая его от дива. Но зарабатывал немного – был гол как сокол. И водилась у него вот такая же, как эта, огромная собака по кличке Актай…

Дядин рассказ был прерван. Почтить усопшего и выразить свое соболезнование близким. пришла большая группа людей. Дядя, как и все близкие усопшего, поднявшись с места, поздоровался с каждым из пришедших, пожимая им руки, затем все разом присели на поставленные в ряд скамейки. Зазвучал поминальный аят[4] Корана. Напевные звуки молитвы напоминали почему-то о прошлом. Вспомнились дни, когда отец, сидя на веранде, рассказывал детям сказки.

…Однажды чабан Ягыр пожаловался людям на свое одиночество. Аксакалы села, посоветовавшись, женили его на такой же, как он, бедной девушке-сироте. Счастливый Ягыр, отложив в сторону свою пастушью палку, как принято, уединился с молодой женой на сорок дней. Вот неблагодарный! Между тем див, пользуясь случаем, стал каждый день требовать у людей по пять баранов, пригрозив, что иначе уничтожит все стадо. Тогда почитаемые аксакалы, посоветовавшись, отправились к Ягыру, рассказали ему все как есть. Богатырь вновь приступил к своим обязанностям и решил вступить с дивом в единоборство, несмотря на протесты жены. Привязал он своего пса к дереву, велев караулить жену и хибарку, поставил перед ним чан с водой и наказал жене следить за псом:

– Если Актай перестанет лакать воду, знай, что я попал в беду. Отпусти тогда собаку на волю.

Дни проходили за днями. От чабана вестей не было. Актай по ночам истошно выл. Смотрит однажды молодая невестка – вода в чане покрылась плесенью. Подойти к собаке, чтобы отвязать ее, она побоялась. Тогда собака сама стала рвать привязь, царапать лапами землю, грызть поводок и, оторвавшись, быстрее ветра помчалась на выручку хозяину. Оказалось, что див полонил его. Актай набросился на это страшное чудище-великана и закружил с ним в неравной схватке. Одолев дива, пес освободил Ягыра.

Вспомнив сказку, услышанную в детстве от отца, он посмотрел на лежавшую под соседским забором белую собаку. Видно и вправду породистая. А эту сказку поведал отцу его дед, поэтому дядя начал рассказывать о собаке точно так же, как отец.

1 Карадарья – «кара» – черная, «дарья» – река.
2 Туганы – заросли камыша.
3 Ягыр – рана, натираемая от беспросветного труда.
4 Аят – молитва.

Народ в дом усопшего шел непрерывно. То и дело у ворот образовывалась толпа. Некоторые, оказавшись рядом с собакой, боязливо сторонились ее. Собака же, не обращая ни на кого внимания, склонив голову на лапы, время от времени поднимала морду: все высматривала кого-то. Чья же эта собака? Она опять появилась. Странно. Через три дня в день поминок. На этот раз белая собака наблюдала за людьми, стоя в начале переулка, не приближаясь к ним. Спросить о ней у соседей было как-то неловко. Следить же за ней было забавно. По крайней мере, она отвлекала от мрачных мыслей. Собака появлялась и в поминальные четверг и воскресенье, на семь и двадцать дней. Не было ее лишь сегодня, на сороковой день. А ведь уже успели привыкнуть к ней, высматривали ее. Нет, не видно. Он ждал ее до самого вечера. Не появилась. Неужели с ней что-то случилось?.. От такой мысли его даже передернуло. И что он так тревожится? Наверняка хозяин посадил ее на цепь. Не бродячая же она, в конце концов?! Не стоит переживать. Как-никак чей-то домашний питомец.

...Как это ни печально, пока человек жив, о нем не так часто вспоминают. Но стоит ему умереть, как обрядов и церемоний поминальных – бесчисленное множество. Раньше он на это как-то не обращал внимания. Еле дотерпел до сорока дней. Всё, завтра уедет!

Вечером, когда собрался было в дорогу, тетушки – сестры отца – воспротивились отъезду:

– Дотерпел до сороковин, потерпишь и дальше!

Оказывается, существует еще один обряд – пятьдесят второй день после кончины. Он все же уехал, но к этому дню вернулся, на этот раз с детьми. Как ему объяснили, на пятьдесят второй день лопается пятка усопшего. Чтобы процесс протекал легко, необходимо умилостивить дух умершего. Для этого женщины намотали кусочек ваты на камышинку, смазали маслом и зажгли ее. Рядом положили веточки айвы. Оказывается, дух умершего устроится на этих веточках и, резвясь в отблесках пламени, будет радоваться. Пока жив человек, порадовать-то его некогда... Лень лишний раз навестить его. Забот невпроворот: дети, работа, друзья... Что ж, если подобные мероприятия – необходимость, то проводить их надо. А что, разве не так?! И об умершем можно быстро забыть, если не поминать его. Ведь смерть – исчезновение навсегда. Светился огонек – его было видно, пусть издалека, но он согревал. А как потух – и не вспомнить, где он горел...

* * *

Братья по-прежнему все упрекали его. А он все вспоминал о приблудной собаке. Где она теперь?! Он, видать, успел привыкнуть к ней, но в суете дней как-то не замечал – смирился с отсутствием. Ладно, если жива, вернется...

К ужину собрались все вместе. Как в детстве. Старший и младший брат, сестренка, мать... Вот только отца больше нет. Это обстоятельство очень угнетало. Сердце сжималось, ныло. «Все в этом мире смертны!» – пытался успокоить себя, но не помогало. Ничто не может восполнить утраты. Умершего отца – не воскресить. Сколько ни плачь, сколько ни

стенай – все бесполезно... Пусть слезы хоть рекой льются, а отчаяние не знает границ, ничто не в силах вернуть покинувшего этот мир человека. Увы, никто с того света не возвращается... Сотворить чудо не могут ни святой, ни гений. Разве что Создатель. Но Творец не желает этого. Он не хочет менять законы миропорядка. Это как письмена, выточенные на камне. И называется это судьбой.

...Пища не лезла в горло. Но есть надо. С утра во рту ни маковой росинки. Насильно заставляешь себя проглотить пару ложек горячего. Вот так. Да, редкий вкус. Должно быть, это и есть хлеб насущный, ниспосланный ему свыше, отказываться от которого нельзя. Ведь впереди целая жизнь. А для того чтобы жить, надо есть, раз он в силах еще глотать пищу. Да-да! Он должен есть, чтобы жить.

Но что это с ним? Сегодня уже нет комка в горле. Вон оно как. Человек все может перетерпеть, все вынести, ко всему привыкнуть.

Но каким бы жестокосердным он ни был, отсутствие отца угнетает, чувствуешь себя одиноким. Помнится, однажды, когда отец попросил посидеть в шалаше на поле, он ослушался и ушел в степь. Тогда отец целых полдня искал его. Разыгрался сильный ветер. По степи рыскали лисы, покинувшие свои норы. Одна пробежала у самых его ног. Именно тогда он разглядел вблизи эти верткие рыжие существа. У него чуть сердце не лопнуло от испуга. Отца он увидел издали. Как всегда, пиджак наброшен на плечи. Он кинулся к нему со всех ног с раскрытыми объятьями. Отец же его крепко тогда поругал. Да так, что слезы бусинками покатились из глаз. Потом они долго молча шли по узенькой тропинке, вьющейся по горбатым склонам степи. И, наконец, отец, не выдержав, присел, крепко обнял его, прижимая к груди, и, покрутив в воздухе над его головой медяками, выбросил их в степь – так он хотел задобрить злых степных духов, которые, как он полагал, хотели погубить его малыша.

– Больше так не поступай, – прошептал он ему на ухо.

Как же он скучает по отцу! Как же ему теперь не хватает его суровой заботливости. Неужели больше нет на свете самого близкого ему человека, присутствие которого он всегда ощущал, даже будучи далеко от него. Теперь он совсем один... А родственники, братья?! Он незаметно окинул их взглядом. Едят себе за обе щеки. Видно, проголодались очень. М-да. А может ему так кажется.

– Бери, ешь! – глянув на него, сказала мать. – Чего задумался?

Закончили трапезу, вытерли руки полотенцем. Мать прочитала молитву, прося у Создателя для всех здоровья и семейного благополучия, и ровным голосом произнесла:

– А теперь все расходитесь по домам! Больше сорока дней вы держали траур. Достаточно. Пора вернуться к своим делам!

Спустя некоторое время велела позвать соседей. Пристроив к каждому из родичей по одному сопровождающему из числа соседей, проводила их до ворот. Такова традиция. Мать выглядела очень уставшей. Видно, многочисленные обряды и посетители утомили ее. Она с трудом передвигала ноги. Все разошлись. Он остался один.

* * *

Тяжело жить вдали от родственников.

Никто не сможет проводить его до дома. Завтра он уедет, совсем один. Без сопровождающих. Через горы, перевалы… Пустится в путь чуть свет. Лишь бы ночь эта прошла спокойно. Уж очень тоскливо на душе.

Он остался один с матерью. Разговаривать не было сил. Они сидели молча, глядя друг на друга. Спустя некоторое время вернулись братья. Старший брат, обратившись к матери, сказал:

– Пока брат здесь, надо бы обсудить один вопрос.

Странно. Он думал, что наконец-то избавился от упреков, а тут опять какой-то подвох. Мать тоже недоуменно захлопала ресницами, мол: «Что случилось?»

– Хотим продать сад, – сказал младший из братьев.

Мать вздрогнула, аж покачнулась.

Она не ждала этого. Не могла поверить своим ушам. Правильно ли она расслышала?! Хотят продать?.. Отцовский сад?.. За кишлаком, где начиналась степь, у них был огромный сад, который посадил отец. Неужели его кровные родные хотят совершить это кощунство?!

– Зачем? – твердым голосом спросила мать.

– А кто за ним будет ухаживать? – ответил вопросом на вопрос старший из братьев.

– А-а… вы?! Ведь ваш отец…

Она не смогла говорить. «Это что, очередное испытание или недоделанные дела покинувшего этот мир старика?! Возможно, дети пытаются довести их до конца, исполнить его последнее желание?» – думала обескураженная мать.

Решение-то, похоже, безоговорочное.

– Сад – наследство отца. Всем нам может пригодиться, – произнес я через некоторое время, глядя на братьев.

– Ну, тогда переезжай из города в кишлак! – заключил старший брат резким тоном.

– Отец потратил столько сил, чтобы взрастить этот сад… Дождитесь хотя бы годовщины смерти, – беспомощно вставила мать.

– До этого все деревья высохнут, – отрезал, младший брат. – Лично мне не до сада, своих дел полно.

– И мне некогда за ним ухаживать, – сказал старший брат, затем язвительно добавил: – Тебе тоже, наверное, будет несподручно приезжать из города поливать его?!

Это уж точно. Но как же четок план братьев! Не возразишь, не поспоришь. Разумеется, в чем-то они правы. Саду нужен уход. Если не следить за ним, деревья высохнут… Жалко их губить. Последнее слово за матерью. Но она молчит. Да и что может сказать несчастная мать. Только было начала смиряться с утратой, а тут эта тяжба.

Мать с трудом поднялась с места. Еле переставляя ноги, направилась в другую комнату. Включив свет, села у подоконника. Сыновья наблюдали за ней. Взяв в руки четки, она, молясь, стала перебирать их. Братья, резко

поднявшись, разошлись. Очевидно, восприняли молчание матери как знак согласия. На самом деле это было так. Что тут поделаешь. Переубеждать их не было ни желания, ни сил. Прошло длительное время – во дворе раздался шум. Стояла глубокая ночь. Несмотря на столь поздний час, мать продолжала молиться, перебирая четки. Он выглянул в окно. На топчане под виноградником с кем-то разговаривали братья. Похоже, шел садовый торг. Он молча наблюдал за ними. Мать тоже. Из глаз ее тихо текли слезы. Опустившись на колени, он крепко обнял, прижал ее ладони к своему лицу, ласково, как в детстве, и принялся уговаривать:

– Поехали со мной, ну, пожалуйста, будем жить вместе у меня.

Мать не отвечала. Пошарив руками под стеганым ватным одеялом, на котором сидела, она достала и протянула ему нож в кожаных ножнах.

– Это тебе на память от отца, он всегда носил его на поясе. Говорил, что в этом заключается краса джигита, мол, нож спутник по жизни!

Спустя некоторое время, виновато добавила:

– Больше тебе ничего не могу дать.

А что еще нужно? Этого вполне достаточно!.. Ему показалось, что послышался голос отца:

– У моего сына сегодня праздник! Праздник! Той! – с этими словами отец уложил младшего сына на специально приготовленную нарядную постель, постланную на полу, отвлекая сына разговорами. Уста парикмахер сделал свое дело: прищемив деревянной скрепкой лишнюю кожицу на мальчишеском достоинстве, ловко срезал острым лезвием его кончик и положил на ранку обожженный черный ватный тампон. О совершенном обряде обрезания известил лишь крик и плач малыша, на который тут же сбежались тетушки, поочередно начавшие успокаивать его. Затем, как положено, поздравляли, бросали над ним суюнчи – сладости в ярких фантиках, которые с шумом стала подбирать присутствовавшая тут детвора. Отец поднес тогда сыну крашеные яйца и свой нож. Такова была традиция. Видно, то был намек, что мальчик становится джигитом.

Да, точно, тот самый отцовский нож. Выточенные узоры на металле и перламутровые украшения на рукоятке. В детстве он мечтал о таком ноже. Однажды он собрался им почистить крупное яблоко, сорванное в саду, отец тут же испуганно отнял его у него, приговаривая: «Нет-нет, он очень остр, руку порежешь». Счастливые были времена… Он долго разглядывал нож, потом сунул его в ножны и положил себе в карман.

– Ну что, поедем со мной, не отказывайтесь. И внуки будут вам рады, – стал опять я уговаривать мать через некоторое время.

Мать по-прежнему молчала. Ни слова не проронила в ответ. Глаза ее были устремлены во двор. После долгой паузы она печально произнесла:

– Если я уеду, кто будет смотреть за домом?! По вечерам здесь не будет гореть свет, память об отце совсем исчезнет, – сказала она печально.

– Но есть же братья, старший вон, младший.

Мать отрицательно покачала головой. Чаще застучала четками.

– Нет, – произнесла она решительно. Хотела еще что-то сказать, но не решилась.

Шум во дворе вдруг затих.

– Вы все мои дети, – проговорила она чуть позже. И так будет всегда. Я вас всех люблю, и это все, что я могу для вас сделать, сынок.

Голос матери дрожал. Лицо ее исказилось, не в силах себя сдерживать, она заплакала. От отчаяния она не знала, как ей теперь быть, ей так хотелось избавиться и избавить всех от страданий. Но как? В отчаянии я кинулся во двор. На топчане никого не было. В мужском поясном платке валялась куча денег.

Эта была его доля. В эту минуту он возненавидел весь людской род. Ну, как тут быть: плакать или смеяться?! Опять вошел в дом. Успокоившаяся мать, сидя у окна, заплаканными глазами глядела во двор. Он вышел на улицу, пошел, не зная куда и зачем. Оказалось, дорога ведет к отцовскому саду.

Всюду тьма. Ни живой души. В мыслях только мать, оставшаяся в одиночестве.

– Бедная мама. Несчастная моя хлопотунья. С какой любовью вы нас растили, – кручинился я в ночи.

По шелесту листьев понял, что дошел до сада. Казалось, листья мирно шепчутся, и слушать их было приятно. Пройдя к самому большому дереву в саду – абрикосу, росшему в самом центре, я опустился под ним на колени, обнял корявый огромный ствол и молча приник к нему лицом:

– Привет дружище! – произнес я мысленно.

По рассказам родственников он знал, что это дерево было посажено в год его рождения, в тот самый год, когда отец получил в пользование этот голый каменистый степной участок и разбил свой фруктовый сад. Благо, рядом протекал небольшой арык – ответвление от большого канала, так что вскоре на очищенной от камней и гальки земле были высажены разные фруктовые деревья, а через несколько лет они начали плодоносить.

Будто приветствуя его, сверху упало несколько зрелых бледных в ночи абрикосов. Подняв с земли один из них, он надкусил его. Сладкий сок брызнул в рот, в нос ударил нежный аромат. Съев абрикос, он поднял с земли еще один плод и положил в рот. Ему показалось, что сил в теле прибавилось. Он несколько взбодрился и почувствовал, наконец, нечто похожее на умиротворение. Но тут же вздрогнул, услышав звук шагов. На человеческие они не были похожи. Оглянувшись, он увидел белую собаку, бежавшую к нему, и искренне обрадовался: жива, жива! Собака остановилась перед ним, виляя хвостом. Это огромное существо, как близкий друг, ластилось и терлось об ноги. И тогда он понял, что эта собака не чужая. Да-да, она новый питомец его отца, охраняющий сад… Точно. Он крепко обнял собаку за шею и долго держал в своих объятьях. Собака не шелохнулась. Не сопротивлялась. Он гладил ее, радовался тому, что в непроглядной ночи рядом с ним – живое существо. Они погуляли по саду, подойдя к небольшому строению, отворили двери, включили свет. Вытащив из подвешенного под потолком мешочка сушеное мясо, он бросил собаке. Видно, она давно не ела. Отощала бедная. Собака сразу проглотила брошенный кусок и посмотрела на него в надежде получить еще. Он бросил собаке все, что было в мешочке.

В это время в хижину вошел белобородый старик лет восьмидесяти

приятного вида в белых стариковских ситцевых штанах и такой же национальной рубахе.

– Добро пожаловать, сынок, – сказал он степенно, подобающе своему возрасту.

– Ассалом алейкум, – поприветствовал его.

– Что, возвращаешься назад? – спросил он как старый знакомый.

– ...

– Я из соседнего сада. Мы были приятелями с твоим отцом. Возьми вот эти документы на сад. Отец твой когда-то попросил меня, чтобы, если вы захотите продать сад, быть покупателем от его имени. Умным был человеком, да пребудет его душа в раю. Видно, заранее предвидел, что такое может случиться. Я сделал так, как мне велел мой друг. Деньги, которые вы получили, тоже деньги вашего отца. А за сад не беспокойся. Я постоянно здесь. Без ухода не оставлю.

Его охватило смущение. Поднявшись, он беспокойно заходил из угла в угол, внимательно вглядываясь в бумаги. Когда поднял голову, старика уже не было. Не понимая происходящего, ущипнул себя за шеку. Кто этот старик?.. Святой Хызр, который появился и исчез, сотворив чудо?

В душе было спокойно и радостно, ее переполняла благодарность отцу, который, вновь обрел сад и вернул детям. От предприимчивости отца в душе будто солнце вспыхнуло.

Подул предрассветный ветерок. Деревья тихо закачались. Вдалеке занялась заря. Он вышел в сад, собираясь уходить, попрощался с собакой. Она увязалась следом и остановилась лишь у самого холма. Чигир в виде колеса, подающий воду в сторону сада, резво завертелся. И только тогда стало понятно, что в сад вода не поступала. Неожиданно налетел откуда-то вихрь, закружилась пыль вперемешку со стеблями сухой травы. Собака, громко лая, стала бегать туда-сюда, не смея пересечь реку, будто она была непреодолимой границей. Сады в степи зашумели. Безграничная холмистая гладь была необыкновенной красоты. Когда он, достигнув вершины холма, начал спускаться вниз, до него донесся протяжный собачий вой...

У-вв-в...

Все теперь оставалось позади. Дом, предгорье, степь, собака, тоскливо глядящая в окно мать, белобородый старик... все, все погружалось в пучину памяти.

Перевод с узбекского Раьно Азимовой.

Раьно АЗИМОВА. Переводчик с узбекского на русский язык. Член Союза писателей Узбекистана. Лауреат международного конкурса на лучший перевод с национального языка на русский язык в странах СНГ и Балтии.

Времен граница тихо тает...

Раиса КРАПАНЕЙ

* * *

«И печаль будет длиться вечно...»
Винсент Ван Гог

И печаль будет длиться вечно...
Моё сердце вбирает покой.
«Вдохновенье любви скоротечно», –
Предрекали друзья вразнобой.

Отболела душа от обмана –
И надежды мелькнул огонек,
Обреченно горяший в тумане
Ненаписанных будуших строк.

В платье белом, в венке подвенечном
Ты опять приходила в мой сон
Мотыльково-цветочно-беспечный.
Разбудил эху вторяший стон:

«Ты прости, что тебя не послушала –
Обменяла целковый на грош.
Подари мне покой равнодушия,
Ожиданье любви уничтожь!»

Подруге

Уходят в жизнь и дочь, и сын:
У их земель кресты чужие.
Не плачь в дни памятных годин,
Когда бьют звонцы золотые.

Не плачь, когда издалека
Нет писем прежних, горько дома.
Тебе чужая – им своя,
Жизнь забирает – знать, судьба! –
В капкан своих аэродромов.

Благословенны их пути.
Ещё не раз хлестнёт тревога.
И, убоявшись пустоты,
Живых помянешь, вспомнив бога...

А в дни, когда рисует дождь
Круги и бьётся у порога,
Ты попроси его войти –
Поплачешь просто, без предлога.

Раиса КРАПАНЕЙ. Родилась в 1951 г. в Москве. Окончила медицинское училище им. Боровского. Публиковалась в периодических изданиях Узбекистана, ведет блог «Живопись и поэзия». Автор поэтического сборника «Чувалачи».

* * *

Сегодня стало лучше, чем вчера,
Вчера мне было хуже, чем сегодня.
Я бормочу безликие слова
К вопросам праздным о моём здоровье.

Поглажу стену, ставшую родной –
Полгода – срок в больничном заточении.
А боль стреляет пулей разрывной,
Перенося в иное измеренье.

* * *

«Несите немоши друг друга...»
о. Владимиру

Ещё не стар, но и не молод.
Судьба хранила до поры.

Но подбирающийся холод
Моей коснулся седины.

И день короче, ночь длиннее.
Двурогая луна не спит.
Считаю звёзды... Всё слабее
Трепещет сердце от обид.

* * *

Переждем Новый год под дождем.
Да, в Ташкенте и серо, и сыро.
Отдохну... отдохнёшь... отдохнём
В колыбели притихшей квартиры.

Не позвОнит и не позвонИт
Телефон. О здоровье не спросит.
Только кошка мурчит, серебрит
И глаза зеленюшие косит.

Времен граница тихо тает...

Кружились в старом парке листья
И ветер маялся в стволах.
В наряде жёлто-золотистом
Мне осень каялась в грехах.

В плену седеющих пылинок
Застыла паутины нить.
Со мной стареющих ошибок
Ни позабыть, ни повторить.

* * *

Юрию Косаговскому

Они смеются и грустят
В багетах старых фотографий.
И тайны намертво хранят
В плену забытых биографий.
Ещё нам только предстоит
Глядеть из пожелтевших фото.
Где божество, что жизнь творит,
Его всевидящее око?

Часы уже заведены,
Времён граница тихо тает,
И взмах серебряной косы
Неотвратимо настигает.

* * *

«О жизнь без завтрашнего дня!»
А. Ахматова

Дни сменяют дни послушно…
Скройся, утренний туман!
Завесь серая приглушит
Солнца пляшущий обман.

Память… С памятью сражалась,
Тень из прошлого кляня.
В утешение досталась
Радость завтрашнего дня.

Догорает, обрываясь,
Золотого солнца нить.
Завтра, может быть, покаюсь,
Чтобы до весны дожить.

* * *

Ташкент… плюс четыре… дожди…
Зима… Но ещё впереди
Смиренно колдующий снег
В безмолвье промёрзших сусек.

Плывущий по небу рассвет
Крадёт у дождей серый цвет.
Стучится в окно старый клён
Под крик оголтелых ворон.

Намокшая, прячется грусть.
Дождаться снегов поклянусь –
Желаю уснуть в серебре.
Обманут дожди в декабре.

* * *

Под небом южным Согдианы,
Ласкаясь, выплеснулся с туч
На чёрный глянец фортепьяно
Трепещущий прощальный луч.

Опередив мгновенье жизни
Касаньем нервных пальцев рук,
В тревожном ожиданье тризны
Чарующий родился звук.

И всё волшебней, безрассудней
Средь вымирающих пустот
Звучала в день безумный, судный
Мелодия волшебных нот.

И в счастье соприкосновенья,
Лучом последним озарясь,
«Маэстро Скрябин, вы – мой гений!» –
Шепчу, восторженно смеясь.

СВИДАНИЕ

Рассказ

Асаттилло КУДРАТОВ

– Здравствуй, дорогой! Ты хотел меня видеть, и я пришла к тебе на свидание.

– Здравствуй, милая, я ждал тебя! Спасибо, что пришла.

– Как ты живешь без меня, милый? Как твои дела, как поживают наши дети?

– Если честно, мне очень грустно и одиноко! Пусто. Скучаю по тебе. Мне очень не хватает тебя…

– Понимаю! Не грусти, что поделаешь, если так получилось. Пойми, я этого не хотела…

– Ты спрашиваешь о детях? У них все хорошо. У них свои семьи, свои заботы. Им грустить некогда. Малышка наша Малика мальчика родила. Ему дали прекрасное имя Мир-Али.

– Я знаю…

– Знаешь!?

– Да. Я оберегала ее, советовала по ночам, что делать, какое лекарство принимать. Вплоть до рождения нашего внука. Он у нас красивый. Чем-то на тебя похож. У него большое будущее.

– Правда?

– Конечно. Что еще нового дома, на работе?

– Я по-прежнему тебя люблю. Я влюбился в тебя, как только увидел…

– А я еще раньше, когда была вашим участковым врачом. И встретила тебя, ты моя мечта. Помнишь об этом?!

– Конечно помню!

– А за что ты меня тогда полюбила?

– За твои необыкновенные глаза. Они совсем не такие, как у всех. Они ласковые… полные любви… Ты тогда хотел перенести дату нашей свадьбы.

– Да, тогда я учился в Ташкенте. И все мои мысли были заняты только учебой, прости… но, наша свадьба очень желанна была моим родителям.

– Ладно, не расстраивайся. Все хорошо.

– Милая, я хочу сделать тебе подарок на 8 марта.

Асаттилло КУДРАТОВ. Родился 1958 г. в Бухаре. Окончил заочное отделение факультета журналистики ТашГУ (ныне НУУз). Работал зам. гл. редактора газеты «Текстильщик Бухары», с 1986 г. по сей день работает репортером в областной газете «Бухарский вестник». В «Звезде Востока» публикуется впервые.

– Ты для меня самый ценный подарок. Мне ничего не нужно. Я очень тебя люблю и любила, даже когда ты на меня злился, ругая. Я любила твой запах, прикосновение рук. А когда ты был на учебе или ездил в служебные командировки, я скучала по тебе, и, если становилось очень грустно, я брала твои вещи и вдыхала твой неповторимый запах. Я очень любила твой гордый взгляд… от которого меня трясло, как тростинку. Я была без ума от тебя… Я и сейчас люблю тебя.

– И я грущу по тебе, милая.

– Нет-нет, милый, так не пойдет! Ты теперь единственная опора и надежда семьи. Жить надо, душою звезд касаясь. Ведь наши дети всегда ждут от тебя совета, помощи, участия, поддержки… Семья – это самое ценное и святое.

– Расскажи о себе, как ты там?..

– Волшебное место! Это так удивительно и прекрасно! Это словно другая планета. Красота, которая длится вечно. Здесь очень красиво… Мне здесь весело и хорошо. А иногда грустно, и я хочу возвратиться. Хочу понянчить внуков, но не могу…

– Почему?

– Пойми, это не в моих силах…

– Знаешь, милая, в субботу и воскресенье я остаюсь один. Ложусь спать, а сам думаю: «Быстрее бы утро, быстрее бы к людям!» С тех пор как ты ушла, я не люблю ни суббот, ни воскресений. А как хочется вечерами, как раньше, делить с тобой ужин…

– Тилложон, ты слишком сентиментален. Тебе надо сдерживать чувства.

– Милая, не слишком ли часто мы сдерживаем чувства?

– Ты прав! За расставанием будет встреча, и мы встретимся вновь.

– Я за тебя молиться стану, чтобы ты вернулась вновь.

– Я постараюсь, милый Тилложон, самое главное, береги себя, детей, внуков! Им нужна постоянная забота и опека…

– Ты хочешь уйти? Подожди, не торопись, пожалуйста! Я тебя умоляю! Недавно я увидел женщину, на ней было пальто зеленого цвета, как ты носила. И видел женщину, которая на тебя похожа. И у меня екнуло сердце. Неужели это ты?!

– Понимаю тебя, но не только же у меня такое пальто. Мало ли в мире похожих людей? Прости, что в последний год совместной жизни не смогла тебе уделить достойного внимания, любви и ласки… Но я благодарна тебе за заботу обо мне. Прости за те страдания, которые я тебе доставила!

– Ничего, Норжон, не кори себя. Я сделал все, что было в моих силах. Старался. До сих пор не могу прийти в себя после твоего ухода. Некоторые «друзья» советуют мне быстрее забыть тебя. Разве можно тебя забыть, ведь, шутка ли, тридцать лет жили вместе, вырастили троих детей. Троих внуков. Я не забуду никогда твои глаза, твою улыбку. Мою нежную любовь… Милая, нежный мой ангел земной!

– Я благодарна тебе за это. На «друзей» не обращай внимания. Все мы под богом. Не кори себя, я знаю, что ты сделал все, что мог. У тебя прекрасное будущее. Ты не останешься один. Скоро ты встретишь хорошую женщину. Она-то и скрасит твое одиночество, будет любить тебя…

– Норжон, мы даже не попрощались… Я бегал по врачам-реаниматологам, консилиумам.

– О, если бы ты знал, как страшно, ой как страшно мне было умирать!

Я мысленно попрошалась с тобой…

– Тебя забрал Всевышний!.. Кошек твоих мы не забываем, кормим постоянно.

– Спасибо! Они такие хорошенькие, славные…

– У нашей Мухаррамжон все нормально. Иброшка и Мехринисо растут на радость всем. У Акбаржона растет Азамат. Наш Азика-мама, сятка сявама…

– Прости, что я отняла у тебя столько времени.

– Нет-нет, что ты, моя дорогая! Это не так.

– Тилложон! Милый, я ушла с любовью в сердце.

– Ты далеко, в целом мире я один... Сердце мое плачет.

– Знаю, ты старался превратить жизнь любимой женщины в сказку. Моя судьба не трагична и не драматична. Жизнь – это просто переплетение горестей, радостей: одно компенсирует другое.

– Я очень хотел, чтобы мы с тобой поехали на море и отдохнули на лазурном берегу Атлантики или Индийского океана.

– Не переживай, все это будет. Но не со мной, а я буду с тобой рядом, оберегать тебя…

– Как ангел-хранитель?!

– Да, как ангел-хранитель. Будут «ждать» тебя на берегу моря-океана. А лучше всего на солнечной дорожке… там, высоко-высоко.

– На солнечной дорожке?

– Послушай, в детстве мы с отцом были на море. Я очень любила его. Отец сильно болел, о своей болезни ничего не говорил, хотя знал, что скоро его не станет. Он все время держал меня за руку. Вечером мы молча ходили по берегу моря. Как-то отец остановился, показал закат солнца и небольшую солнечную дорожку и сказал, что ему пришло время уходить по этой солнечной дорожке туда… Чтобы с рассветом вместе с солнцем взойти на небо. Знаешь, в тот вечер я почувствовала, что нет боли и обмана, что отец говорил мне правду… И я, ребенок, поверила ему.

– Странно, ты мне никогда не рассказывала об этом. Почему?

– Все некогда было. Норжон, мне кажется за эти минуты, что мы с тобой общались, мы прожили целую жизнь. Не затянется на сердце рана. Любовь и смерть всегда идут рядом.

– Тилложон, пожалуйста, не грусти. Не забывай меня, вспоминай. Люби меня долго-долго, чтобы мне не было одиноко. Мне пора…

– Норжон, погоди! Подожди… не уходи… Ответь только на один вопрос!

– Какой?

– А что дальше?..

– Слушай свое сердце. Оно тебе подскажет…

– Ты это серьезно?

– Конечно! Тебе надо жениться, чтобы кто-то был рядом. Только не торопись с выбором. Всевышний передаст тебе в руки чье-то сердце. Ее сердце… не разбей его. Я в этом тебе помогу.

– Поможешь?..

– Вновь приду к тебе и подскажу. Напишу тебе слезою дождя на оконном стекле. Пока! Пока!

– Прощай! Я буду ждать тебя!

– Не волнуйся, милый. Корабли уходят, чтоб вновь возвратиться. Я обязательно вернусь!

ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

К 120–летию со дня рождения Ивана Семёновича Козловского

Андрей СЛОНИМ

Иван Семёнович Козловский – поистине великий Певец, артист, уникальная в плане мироощушения Личность. Многогранность его таланта подобна громадному айсбергу, когда взору открыта лишь верхняя, «надводная» часть. Жизнь и судьба его на редкость красивы, совершенны, гармоничны, но одновременно и пронзительно драматичны…

Козловскому был дарован свыше Голос беспредельного диапазона, голос, тембр которого узнаваем с первых звуков. К тому же это Тенор! Мастер мудро сделал свой Голос не феноменальной самоцелью, а одним из главных средств раскрытия образа.

Ему дарован был Творцом и непростой философский склад ума и натуры, а отсюда вытекает необычность и самобытность его вокально-актёрской палитры.

Дар Козловского многие справедливо называют эпическим. Динамично и экспрессивно умел он жить на сцене и, казалось бы, в полнейшей внешней статике! Всё это многогранное проживание неразрывно срасталось с Пением, с трепетной, неподдельной, нестандартной интонацией звучащего слова.

Иван Семёнович одним из первых неистово проповедовал высшую оперную Правду, несовместимую с мелочной имитацией «достоверности»: Отрицая подмену действия суетливыми движениями, дешёвой имитацией поведения персонажа, он находил свои убеждающие черты и нюансы характера. Козловский точно ощущал стиль композитора и, бережно относясь к основам, выявлял незамеченные ранее штрихи характера персонажа.

Его артистизм признавался самыми высокими авторитетами. Козловским восхищались и Немирович-Данченко, и Мейерхольд, весьма далёкие от сентиментальной комплиментарности. Первый всерьёз предлагал молодому Козловскому поработать во МХАТе, а второй приглашал его на роль Армана Дюваля в «Даме с камелиями»…

Козловский обладал редчайшей способностью не только излучать нечто неповторимое и неожиданное, но и слушать и слышать окружающий мир, людей в нём. От партнёра по сцене – до публики в переполненных притихших залах,

---

Андрей СЛОНИМ. Режиссер-постановщик ГАБТа им. А. Навои. Заслуженный деятель искусств Республики Узбекистан. Родился в 1949 г. в Ташкенте. Автор поэтических сборников «Перекрестки», «Мгновения». Публиковался в журналах и альманахах Узбекистана и России.

как в непосредственном общении, так и во время задушевных творческих встреч.

Волею судеб мне довелось общаться с Иваном Семёновичем на протяжении примерно пятнадцати последних лет его жизни, но, в сущности, встречи с ним произошли гораздо раньше – когда мне было 5 лет, когда слушал на патефоне мастеров Большого театра, и Ивана Козловского в том числе, творчество которого в семье было особо почитаемо.

Ивана Семёновича в те времена, к счастью, записывали много. Вышли в свет и «Фауст», и «Онегин», «Травиата» и «Борис Годунов», «Чио-чио-сан», «Демон», «Севильский цирюльник», «Риголетто», «Русалка», «Снегурочка», «Лоэнгрин», «Вертер», «Богема», «Ромео и Джульетта»... И – великое многообразие романсов и песен.

...В год своего 80-летия (1980) Козловский продемонстрировал неувядаемость творческих сил. Он сумел совместить первозданность Юности и умудрённую зрелость ума и души. Иногда эти два начала спорили, но чаще, оттеняя друг друга, образовывали нерушимое единство.

В этот вечер Козловский решил снова предстать перед зрителем в образе своего «знакового» Ленского – отнюдь не затем, чтобы притвориться в свои 80 лет восемнадцатилетним поэтом. Мудрость и гениальность его замысла заключались в том, что он надел седой парик и предстал перед публикой практически без грима. Ленский, убелённый сединами? И – да, и – не совсем... В неразрывном сплетении неувядаемой Весны духа и умудрённой патриархальности внешнего облика Иван Семёнович раскрывал вечное цветение Юности в зрелой душе.

Потрясённый впечатлениями от этого вечера, я написал статью «Ленский с седыми волосами», которая, вышла в газете «Комсомолец Узбекистана» и была воспринята с большим интересом. И я решился отослать этот материал... самому Козловскому без всякой надежды на ответ, желая показать Мастеру, что его творчество любимо и почитаемо в разных уголках большой страны.

К моему удивлению и радости, спустя месяц с небольшим мне пришло письмо от Мастера! Так и завязалось наше общение, вначале – эпистолярное, а вскоре перешедшее и в непосредственные встречи, которые происходили вплоть до ухода Певца из жизни.

С самых ранних периодов творчества Козловский с успехом исполнял партию Фауста на самом блестящем вокальном уровне. Иван Семёнович, используя свой «тёмный» тембр, который появлялся у него в моменты скорби и смятения его героев, оказался одним из немногих исполнителей, уловивших уже в музыке Пролога, в мучительных сомнениях старого доктора Фауста некую замкнутую кругообразность, головоломное сплетение вопросов, на которые невозможно найти ответа. Лишь в колдовской момент омоложения этот сумрак тембра сменится светлым, юношеским, полным надежд звучанием голоса молодого Фауста. А в финале, в темнице, на грани Высшего Суда, тембр голоса героя снова становится сумеречным и угнетённым... Диалектика мятежного духа Фауста раскрывается именно в этой тембральной многогранности!

Этот исполнительский приём применялся Мастером всегда по-разному. В другой опере – «Ромео и Джульетта» Гуно – в ответ на беззаботную реплику Меркуцио звучит фраза Ромео-Козловского: «Мне сон приснился...

...В этом доме, для нас враждебном, омрачилась душа предчувствием злым...», являющаяся предощущением краткости земного пути... От светлого чувства к Джульетте Ромео Козловского, напротив, преображался. Мастер нашёл в поэтике чувств героя убеждающий контраст: его Ромео осознавал, насколько хрупко и преходяще счастье в мире страстей, и понимал, что его нужно защищать. Вражда сеяла вражду, а порыв Ромео ответить ударом на удар – смерть и разрушение духа. Более чем современно!

А Сказочный Индийский гость в «Садко» завораживал, гипнотизировал всех своей песней о невиданном, неслыханном, небывалом! И становилось ясно, что это отнюдь не простой экзотический купец, а наделённый таинством Пришелец, ниспосланный людям, чтобы оторвались они от земных сует и поразились Чуду.

...Первая встреча с Иваном Семёновичем состоялась далеко не сразу. В один из наших весенних приездов в Москву мы с женой решились в очередной раз позвонить Ивану Семёновичу и договориться о встрече.

Секретарь Нина Феодосьевна стремилась оберегать его от не всегда желательных вторжений. Но после нескольких переносов даты и времени нам все же были назначены день и час визита – пять вечера.

Козловский, в тёмном костюме и при бабочке, спустился к нам по лестнице просто, без позы и нарочитой значительности, и учтиво поздоровался. После нескольких к нам вопросов, выполняя, видимо, привычную программу, он показал вид на Кремль из окна холла и свой скульптурный портрет в комнате, а затем предложил нам сесть. В тот момент я совершенно непроизвольно попытался опуститься в первое попавшееся кресло! Иван Семёнович, беззвучно и излучательно «смеясь» своими бездонными голубыми глазами, иронично произнёс в мой адрес: «О эти режиссёры! Они всегда стремятся занять места певцов!» Оказывается, это было персональное кресло хозяина дома, расположившись в котором, он работал, размышлял, общался. Неожиданная добрая шутка вызвала общий смех – и напряжённость рассеялась, как туман на рассвете. Мы с супругой уселись в два других кресла, и с тех пор, посещая Козловского, мы твёрдо знали, что нас будут ждать эти кресла...

На вопрос Ивана Семёновича «С чем вы пришли?» мы начали говорить сразу о многом: о состоянии творчества в оперных театрах, об образах Мастера, о том, как работалось нам тогда в далёком Ташкенте...

Не забыть этого негромкого голоса, юмора, эмоциональной энергии, неожиданности поворотов... Несмотря на отпущенные нам Ниной Феодосьевной полчаса встреча наша продолжалась почти 2 часа. Иван Семёнович, судя по всему, завершать встречу настроен не был, поэтому первыми деликатно начали откланиваться мы. Этот день положил начало последующим встречам с Мастером.

Среди множества расхожих мифов, связанных с жизнью и творчеством И. С. Козловского, небыкновенную «живучесть» проявляют «свидетельства» о том, что Иван Семёнович, мол, в угоду «певческим амбициям» нередко «игнорировал» авторский замысел композитора, произвольно трактуя обозначенные нюансы, темпы и штрихи... Особенно настырно это смакуют рьяные «хранители устоев» авторского замысла. Ноты и авторские нюансы и штрихи, по сути, лишь знаки, символы композиторского замысла, умением распознать которые владеет истинный созидатель. Диапазон творческого

толкования достаточно обширен. А в индивидуальности прочтений нет и не может быть пресловутого «экзаменационного конверта с единственно верным ответом»!

Исполнительский «произвол» Козловского? Право же… Вот – один из десятков примеров особого рода. Существует множество убедительных версий постановки оперы «Богема» Джакомо Пуччини, десятки записей лучших певцов мира под управлением великих дирижёров. Но... почему-то почти всегда знаменитый дуэт поэта Рудольфа и художника Марселя предстаёт, по большей части, «соревнованием» тенора и баритона в мастерстве пения. Даже самые крупные вокалисты как бы «стесняются» здесь утончённости нюансировки. И, пожалуй, только в знаменитой версии С. А. Самосуда Иван Семёнович Козловский и талантливый русский баритон Иван Павлович Бурлак предельно точно и изысканно раскрывают смысл многочисленных пуччиниевских «пиано» и «пианиссимо». Исполнение это уникально не только органичной верностью авторским штрихам и нюансам, оно раскрывает нам характеры героев – их ранимость, одиночество, утончённость духа.

А рядом – другое, полярное. Отчаянное смятение духа Ленского в знаменитой сцене дуэли на фразе «Забудет мир меня!!» Предчувствие ухода, нежелание юной души бессмысленно и навсегда покинуть земной мир. У Чайковского здесь авторское «форте»! В бесконечной галерее воплощений этого образа мало кто, кроме Ивана Семёновича, совершает подвижнический прорыв к высшей правде этого штриха.

Как-то один из дирижёров директивно предложил тогда ещё совсем молодому Козловскому внести в партию Ленского нюанс, не предусмотренный автором. И по сути – не вписывающийся в фактуру драматургии. Речь шла о странном форшлаге на фразе юного поэта в сцене ссоры с Онегиным «Точно демон, коварна и зла!» Иван Семёнович не только высмеял эту «новацию», но и напрочь отказался сотрудничать с этим дирижёром.

...Слушая в 1937 году далёкую Москву по радио, Ф. И. Шаляпин восклицал: «Есть в Большом тенор – Козловский, петь умеет!» Спустя двадцать лет знаменитый Тито Скипа в Москве произнёс: «При одном упоминании имени Козловского надо встать!» А вот ещё более неожиданное и поучительное высказывание: «Стать крупным оперным актёром можно, только будучи большим вокалистом. Пожалуй, самый яркий и убедительный пример – И. С. Козловский. Что в его искусстве так много лет пленяет? Пение!» Эти строки из не так давно опубликованного дневника Сергея Яковлевича Лемешева… Известны восторженные отзывы о творчестве Козловского и выдающегося тенора мира Николая Гедды.

Если бы не пресловутый «железный занавес», голос и дар Козловского, несомненно, стали бы достоянием крупнейших оперных сцен мира.

Во время наших бесед Иван Семёнович рассказывал без обид, но с трудно скрываемой болью о том, как ему было тесно в канонических рамках репертуара и эстетики тогдашнего Большого театра.

Как всякий истинный Дар, талант Козловского был многогранным. Получив заслуженное признание, он жаждал новых путей и иных форм творчества. И создал в самый канун войны свой театр, скромно назвав его «Государственный ансамбль Оперы». Мастер собрал вокруг себя самых талантливых и ярких собратьев по искусству – Обухову, Ханаева, Максакову, Рейзена… Пригласил выдающихся дирижёров, художников, набрал труппу

из талантливой молодёжи. В этом театре Козловский – и художественный руководитель, и исполнитель (вовсе не обязательно лишь главных ролей!), и режиссёр-постановщик. Это не шалость звезды, не прихоть Мэтра, ему просто есть что сказать в новом качестве. Спектакли его театра самобытны, непривычно свежи, в них царит дух новизны и подлинности чувств. До самой войны жило это создание Мастера, и зрители воздавали ему должное…

Не раз мы встречались с Иваном Семеновичем в Москве, и он рассказывал о проблемах творчества, о ярких личностях, с которыми довелось встречаться, о том, что не удалось воплотить… Часто вспоминал он Владимира Ивановича Немировича-Данченко, относившегося к Козловскому с редкостным уважением и интересом, оказывавшего поддержку молодому певцу, демонстрируя свое с ним общение окружению.

В наших беседах с Козловским я не раз расспрашивал его о легендарной постановке «Евгения Онегина» в Большом в начале тридцатых. По отзывам очень многих, спектакль получился заострённо трагичным. Владимир Иванович негласно сам руководил этой постановкой, хотя постановщиком считался другой режиссёр, работавший над спектаклем, в основном, по замыслу Немировича. А ведь ещё раньше, примерно в 1908 году, Немирович выпустил с молодёжью своего «Онегина», во многом схожего с постановкой тридцатых. И легендарный Сулержицкий помогал ему в этой работе с молодыми певцами. Интересный спектакль получился, о нём теперь почти и не вспоминают. Таких людей, как Владимир Иванович, очень недостаёт в сегодняшнем искусстве... И не только по масштабности творчества, а по их умению увидеть талантливое и способствовать его взращиванию...

Совсем недавно стали достоянием ранние фотографии Ивана Семеновича в образе Ленского в спектаклях конца двадцатых годов. На них видна поистине «гамлетовская» трагическая заостренность смятенного состояния духа юного поэта перед неизбежностью смерти. Никто из теноров не заострял в такой степени трагедийность встречи Поэта со Смертью

Иван Семёнович постоянно затрагивал тему воплощения оперы на сцене, считая, что нельзя смешивать правду оперы с бытовым правдоподобием, что её особая энергия не должна определяться критерием «похоже / не похоже на жизнь»! Ведь в балете не говорят танцовщику: «Знаешь, ты это место не танцуй, а, как в жизни, пешком пройди»! По мнению Козловского, декорации надо делать достоверными не с точки зрения быта, а образными, раскрывающими суть музыки… и костюмы не обязательно создавать конкретные, то есть это должен быть «театр Пения».

Бытовало мнение современников, будто Козловский поет превосходно, но «мало заботится о внешней, актёрской грани раскрытия образа»... Однако многочисленные примеры исполнения ролей свидетельствуют, что певец многогранно, многопланово обитает в предельно сложных обстоятельствах бытия своего героя. Яркий пример тому – партия Юродивого («Борис Годунов» Мусоргского), в которой проявляется неразделимый синтез вокала и актёрской природы Козловского. Этот странный Юродивый оказался близким глубинной сути духа Козловского. Его неизбывной Вере, Надежде, Любви, боли за судьбу родной страны.

Но только ли в Юродивом проявляются эти свойства творчества Мастера? Разумеется, они живут во всех его творениях, но в таинстве Юродивого раскрываются с особым величием и простотой.

Во время съёмок фильма-оперы «Борис Годунов», запечатлевшего ведущих мастеров Большого театра тех лет, не обошлось без болезненного компромисса между своеобразием его замысла и идеологическими установками времени. Ни режиссёр Вера Строева, ни руководство студии не желали принять странный облик Блаженного в исполнении Козловского, его головной убор. Они настаивали на подобии ратного шлема. Согласно этой идее Юродивый то ли в прошлом был ратником, то ли подобрал шлем на поле битвы. Эта деталь казалась более «объяснимой» с точки зрения бытовой достоверности, а также делала Юродивого как бы более «земным», удаляя от «нежелательного» в те годы устремления к Богу. Иван Семёнович рассказывал, как долго и безрезультатно спорил с постановщиком, с дирекцией киностудии, отстаивая своё видение. И всё же в конце концов согласился на компромисс, иначе его Юродивый вообще мог бы остаться незапечатлённым на киноленте! Мастер понял, что сумеет, внешне как бы соглашаясь со своими «оппонентами», тонко провести свой шедевр мимо взоров пристальных ревнителей идеологии. В киноварианте «Бориса Годунова» талант и мастерство Ивана Семёновича потрясают и поныне, но если бы постановщики прониклись задумками Мастера, то помогли бы воплотить более совершенный образ...

Многое подтверждает драматичность отношений Козловского с тогдашним руководством Большого театра. По сути, никто из руководителей, отдавая лишь формально дань заслугам Мастера, не понимал его творческих устремлений. Козловский жаждал поиска – его дар сковывали привычными и более удобными для понимания формами. Ему завидовали даже далеко не бездарные коллеги, его пытались «перенаправить», «воспитать», привести к знакомой принятости... А то и очернить наветом, особо смертоносным в то лихое время... Поистине, лишь чудо спасло Певца от вплотную нависшей тогда опасности.

Был в его жизни и уход из Большого, и возвращение – по личной непреклонной воле Вождя.... Были и трагические «рифы» личной гармонии. Преодолеть эти драматические обстоятельства Козловскому помогали талант, беспрестанная работа ума и духа, терпение, мудрость и все те же вечные Вера, Надежда, Любовь...

Иван Семёнович был смелым в творчестве, ищущим Правду в Новизне и Новизну в Правде, но не менее смелым он был и в весьма непростых жизненных делах, в то суровое время грозящих крахом карьеры, а часто и физическим устранением. Иван Семёнович неоднократно отстаивал многие московские храмы, разрушить которые собирались власти. Так, Козловский буквально спас замечательный храм, расположенный в ста метрах от его дома в Брюсовом переулке. В этом храме часто звучал его голос, он был его прихожанином, из этого храма его проводили в последний путь...

По смелой воле Певца состоялось историческое возвращение музыкального наследия великого С. В. Рахманинова на сцены советских театров и концертных залов. По этому поводу в одной из бесед Козловский поведал удивительную историю о том, как однажды на кремлевском приеме он осмелился спеть романс запрещенного в связи с эмиграцией С. В. Рахманинова «Христос воскрес»(!), да еще на стихи эмигранта Д. С. Мережковского. Он сам объявил номер (осторожный конферансье отказался!). В гробовой тишине спел... Но горькая сила этого романса настолько велика, что устоять перед ее воздействием невозможно! Первым зааплодировал Сталин, сказав:

«Какая сильная вещь!..» Затем последовал шквал аплодисментов... И с этих пор произведения Рахманинова начинают звучать в концертах. А когда в годы фашистского нашествия Рахманинов жертвует огромную сумму на строительство советских танков, официальное отношение к нему резко меняется, и он вновь становится официально признанным и почитаемым!..

В беседах Иван Семёнович затрагивал острую проблему некомпетентности руководителей, их ответственности за судьбы искусства. «Запись продлевает земную жизнь голоса и мастерства певца. Пройдёт лет двадцать-тридцать – и о каждом из певцов будут судить только по тому, что ему удалось записать на диск. А сколько прекрасных замыслов растворилось в неосуществлении!» – эмоционально восклицал Иван Семёнович. Перебирая имена многих ответственных чиновников, Иван Семёнович вспоминал о министре культуры Екатерине Алексеевне Фурцевой, считал ее человеком непростой судьбы, с противоречиями, но понимающей многое лучше и тоньше других. Многим она помогла, много доброго поддержала, немало при этом рискуя. Ругать, как это было принято в те времена, по мнению Козловского, легко, а пользу в своё время она принесла намного большую, чем иные её предшественники, коллеги и преемники...

Опера сегодня, как это ни печально, всё более перестаёт быть психологическим театром особой силы воздействия. Высокая духовная структура героя, его стремление к Любви и Гармонии всё чаще подменяются смакованием низменности примитивных инстинктов, чернухой антуража, опошлением устремлений. Мельтешат по сценам мира Ленские с двустволками, в телогрейках и ватниках, Тоски в брючных костюмах, в эротическом экстазе (!?) валяющиеся по полу и на столе, заляпанном красками, Виолетты, поющие свои арии... в туалете. Изнывают в чесотке Лоэнгрины – модернизированные рыцари добра. Рубят на кухне капусту и лепят пирожки... Альфреды из вердиевской «Травиаты», активно помогающие Виолетте... вести кухонное хозяйство. А рядом – Лепорелло, предъявляющие клиенткам... порнодиски, Баттерфляй и Судзуки, рыщущие... по мусорным свалкам. Где-то чуть в сторонке – Садко, поющий свои песни эскимосам и белым медведям на... крайнем Севере. Или Яго, – пардон! – справляющий... естественную нужду во время исполнения своего «Кредо»!!. (Все примеры – подлинные, из видеозаписей спектаклей и рецензий – выдумать подобное просто не сумеет ни один здравый ум!)

Голоса мастеров, озабоченных не только самим фактом подобных извращений, но и пагубностью их, звучат во всю мощь. Но, как и многое мудрое и здравое, равнодушно не услышаны.

Старые, как сам мир, проблемы истинных и ложных поисков Нового в искусстве. Но у автора этих строк есть надежда, что воспоминания о виртуозных мастерах прошлого и размышления о современном оперном искусстве помогут глубже понять истинность взлётов Козловского к невиданным вершинам постижений, подтверждающих незыблемость законов Творчества...

Вопреки мнению иных «ревнителей современности», утверждающих, будто к новому он всегда был как-то насторожен, творчество мастера свидетельствует о том, что он напрочь отрицает консерватизм, ретроградство, унылую рутинность, а также заземлённость и пошлость.

До самых последних дней он искал правды Новизны! В конце восьмидесятых, например, всерьёз думал о совершенно нетрадиционном

решении «Моцарта и Сальери».

Когда заходила речь о нарушении человеческих или творческих принципов, о непрофессионализме, чиновничьем чванстве, попытках помешать развитию истинных талантов, об элементарной непорядочности, Иван Семёнович мог быть саркастичным, агрессивным, и… даже разящим. Его принципиальность не раз помогала многим и многим людям.

Сочетая в себе юношескую порывистость Моцарта и могучую умудрённость Микеланджело, он выстаивал в схватках со многими и многими Сальери, роившимися вокруг него. Познав и горечь разочарований, и непонимание, и равнодушие заурядностей, Иван Семёнович смог остаться в жизни подобным одному из лучших своих творений – Лоэнгрину – рыцарем Света и Добра.

Козловский неизменно заботился о талантливых молодых певцах, включая их в свои проекты, способствуя их творческому развитию, привлекая внимание к их индивидуальности. Многие из тех, на кого было обращено благосклонное внимание Мастера, становились впоследствии ведущими мастерами оперы.

Те же откровения Нового в, казалось бы, знакомом и изученном – в богатейшей «стране» песенного и романсового творчества Козловского. Глинка, Даргомыжский, Чайковский, Рахманинов, Балакирев… Светлая радость, тихая печаль – и утончённость восприятия мира земного, небесного и душевного. Иногда – затемнение и скорбь. Но ни следа безнадежности, упадка и уныния. Неизменность Света, ждущего в конце пути… Красота народной песни – русской и украинской, родной для Козловского. Ранимый мир романтизма Шуберта и Шумана.

Среди множества как «живых», так и запечатлённых в записях концертов Мастера, особо припоминается один из самых поздних – вечер памяти М. А. Балакирева в Большом зале консерватории в декабре 1986 года. Иван Семёнович пел в этот вечер проникновенно, поэтично, с особым излучением эмоций. Столь же утончённо и филигранно аккомпанировал ему на рояле сам Е. Ф. Светланов. В некий момент произошло непредвиденное – у Ивана Семёновича на секунду «застопорились» в памяти слова довольно редко исполняемого романса. Зал… взорвался аплодисментами. А Мастер, повторив произведение с самого начала, спел его совершенно по-иному, обогатив новыми красками, и увенчал в финале звонкой верхней нотой. Овации были столь же безудержными, как и в дни творческого расцвета Козловского.

Ещё одна из непостижимых тайн Мастера – его неувядающий заряд экспрессии и страсти: в свои 86 лет он полноценно творил и излучал энергию молодости и юношеского порыва.

И самокритичность… Всё, даже кажущееся вполне благополучным в собственном исполнении, И. С. Козловский подвергал сомнению, детальному разбору и искал пути к абсолютному совершенству. И так – всю долгую Жизнь...

Облик Мастера, исполненный таин и недосказанностей при земной жизни, только сейчас, пожалуй, постепенно раскрывается во всей полноте, не утрачивая современности, но и вновь опережая Время, указывая новым поколениям нехоженые еще пути и тропинки в познании Исконного и Вечного...

Нам сладостна горечь полыни...

Алексей ГВАРДИН

Полнолуние

Ночь течёт. Ничего необычного в ней.
Но выламывает виски,
как ловцу жемчугов глубина.
Звёздную отметав икру
на мерцающие пески,
над кораллами городов
камбалою плывёт Луна.

Нишей тень на стене.
Над хрустальной могилой ковбойского шика
дымным знаком завис
распластавшийся гриф.
Льётся ночь.
И на грани меряченья, смысла и крика
растворившийся день
превращается в миф.

Ночь течёт, стрелки за полночь сбив,
но волнами её смыть...
А небесная камбала
цвета вечных полярных льдов,
огибая кварталов риф,
как плыла, так и будет плыть,
звёздную отметав икру,
над кораллами городов.

Алексей ГВАРДИН. Родился в 1965 г. Окончил ТашГУ (ныне НУУз). Член творческого обьединения художников при Академии художеств. Лауреат премии «OLTIN HUMO» (2019 г.).

* * *

В нас – дикость степей и угрюмость лесов,
в нас – сказка и быль нераздельны.
И наша судьба, как на чашах весов, –
в трактире и в богадельне.
Нам кровь будоражит погибельный путь,
нам сладостна горечь полыни.
Мы каемся, плача, и бьём себя в грудь,
и в прах обращаем святыни.

Нас гнев лихорадкой терзает и бьёт.
Нас счастье страшит и тревожит.
И в душах у нас гнёзда ненависть вьёт,
и пламя любви нас корёжит.
Мы грезим о воле, когда мы в цепях.
Без шор мы свободы не видим.
Мы Из веку в век ненавидим, любя,
и любим, всю жизнь ненавидя.

* * *

Под облаком Древо желаний,
на облаке – рай.

Присел белой бабочкой
ангел
на облака край.
От края до края другого нет рая,
И ангел босой
зажигает фонарик
над Древом желаний.

И облако – рай.

* * *

Когда Испания была
владычицей морей,
летела слава по волнам –
по следу кораблей.
А корабли за горизонт
уходили в бесконечность –
и встречала моряков
Вечность,
Вечность,
Вечность…

Ловили славу паруса
и встречную картечь!
А тёмно-карие глаза
до слёз хотели встреч
с Тем, кто ушел за горизонт
под парусами – в бесконечность, –
чтоб положить
к Её ногам
Вечность,
Вечность,
Вечность!

* * *

Они сулили ей именья,
алмазы чище, чем родник.
Без счёта жемчуга-каменья
и золотом груженый бриг…

Он подарил ей только миг.

И было краткое мгновенье –
как опаливший сердце крик,
как к вечности прикосновенье.

* * *

Как снега колкого слюда,
на синь металла,
тень отчужденья в холода
на них упала.
Цвета исчезли навсегда.
Всё отпылало.
Лишь пепел колотого льда
на дне бокала.

* * *

Им так похожими на него
хотелось быть. Но хоть немного…
Он был белее январских снегов,
он облака руками трогал.

И он летал… И летал всегда.
А им хоть раз бы подняться в небо…
Они летать не могли никогда
и не могли без вина и хлеба.

И были ноги у них в пыли,
и были цвета земли их лица.
А у него два крыла росли,
И он летал в облаках, как птица.

Но, видно, так угодно судьбе,
а может быть, ещё кому-то…
Они зазвали его к себе:
и хлеб – на стол, и вино – в посуду.

И цепь ковалась к звену звено.
И он ел хлеб, и они хлеб ели.
И вместе с ними он пил вино,
и он хмелел, а они смелели…

Свет не померк вопреки всему,
когда ножом сапожным крылья
они отрезали зло ему,
в лицо швырнув дорожной пылью.

И молча, прочь он от них ушел,
размазав слезы и пыль по коже…
и так им стало всем хорошо,
что он теперь был на них похожим.

Песня о седоках

Каждому в героях походить охота,
каждому ведь хочется услышать: «ИсполАть[1]!»
Каждый ведь о славе думает, чего там,
Белого коня мечтает каждый оседлать!

Чтобы этак въехать на коне красивом
В побеждённый город, глядя свысока,
чтоб во все учебники вписано курсивом
имя победителя было на века!

И тот, что понахрапистей, ну тот, что понаглее,
он уж Буцефала заарканил – и айда!
СлОва, чем «победа», нет ему милее –
он врагов конём топтать будет рад всегда!

Этот не потерпит, чтобы кто-то рядом
под лучами славы грел своё чело.
Он и сам сумеет командовать парадом
в лАвровом веночке, ну и с шашкой наголо!

А вот ещё любитель прикорнуть на лаврах…
Он Пегаса хлещет плетью по бокам!
Только вот не слышно возгласов: «Ай, браво!»
А Пегас всё в небеса рвётся, к облакам.

Это по привычке лошадь рвётся в небо…
разве это воля, если меж вожжей!
И взлететь не в силах взмыленная небыль –
непомерна ноша, да и дрянь сюжет.

А вот конёк бесхозный по дороге скачет,
маленький, невзрачный и горбат хребет.
На таком кататься можно бы на дачу,
если дача рядом и запросов крупных нет.

На чуднОм создании, да ещё горбатом,
седоку с запросами ездить не с руки.
Морщится брезгливо – даром, мол, не надо.
На такой лошадке скачут только дураки!

А можно ещё встретить чудака, однако…
этому на лавры и на дачу – наплевать.
Он устроить может с мельницами драку,
зная, что возможно рёбра поломать.

Он, как древний рыцарь, при копье и в латах.
Он – большой романтик и чуть-чуть поэт.
У него рубаха вся и душа в заплатах,
да и Россенант под ним – как живой скелет.

Одиночества ярлык седоку приклеен.
Он от этого порой горбится в седле.
А с оруженосцем-то было б веселее,
да кому ж трястись охота следом на осле?..

---

1 Исполáть – устар. хвала, слава.

Качелями ночную землю...

...как это просто –
для тебя,
храня в руках ночную Землю,
ход времени не торопя,
качать –
от взлёта до паденья.
Чтоб по дуге вперёд и ввысь,
взлетев до умопомраченья,
как в бездну, падала ты вниз,
обьятая в ночи свеченьем?
Скажи, ты хочешь, чтобы ночь,
раскачиваясь до предела, –
как в лютый шторм поморский коч,
роняла звёзды гроздью спелой?..

пусть не проник я, лишь приник...
и не обжечь дыханьем плеч, но...
Пусть превратится вечность в миг.
И миг продлится бесконечно.

Я раскачаю для тебя
весну и Землю – как качели...

* * *

...не знаю: было... будет... или есть.
Но нет желания, чтоб с чистого листа.
Ведь, как слеза горячая, чиста
благая сбывшаяся весть.

Сняты наветы с виноватых без вины,
ухожены и вспаханы поля.
И, будто женщина, истомлена земля –
ждёт семени, заботы и весны.

Не помню: наяву ль или во снах
удара не боялись со спины...
И ехали, как с фронта, с Целины,
и если радость – то веселье допоздна.

Солдаты, не пришедшие с войны,
со всеми почестями преданы земле.
И жито убрано до зёрнышка с полей,
и имена отцов сынам даны.

* * *

От лёгкого прикосновения весны
набухли почки соками желанья.
Дрожанье веток выдаёт их сны.
Тебя же выдаёт твоё дыханье.

* * *

Я не стоял под пулями
и не стрелял в людей,
и не меня врач собирал по крохам.
Не жгли мне спину углями,
Чтоб кровь из-под ногтей…
Мне не бывало никогда так плохо.

Я не терял товарищей
фатально на войне
и церкви не крушил в Первопрестольной.
Меня под голос лающий
не ставили к стене…
Мне никогда так не бывало больно.

Не добивал я раненых
из винтаря в упор
и не меня убили в рукопашном.
Не я друзей охаянных
подвёл под приговор,
но знаю я, что значит – было страшно.

С ладоней кожа сорвана,
но нет, не у меня.
И дом мой паводком не смыло.
Гранит могильный (ровно так!)
гранят не для меня.
Но отчего ж под рёбрами так взныло?

И зубы крепко стиснуты,
как будто бы я ждал
ненужной встречи с неизбежностью на
вдохе.
Пусть было так предписано,
но я не ожидал
услышать реквием погибшей в нас эпохи.

Виктор КАЛИНКИН

ОКОНЧЕН БАЛ...

Повесть

А что мы можем сказать об Афганской войне? Попробовал, но о войне получилось коротко, больше о хрупкости бытия. Впрочем, Вам судить.

1. Шурави

Каменистая пустыня слепила белизной, а вечный её странник сухой, пыльный ветер вкручивался то там, то здесь в раскалённую землю. Заметив чужака, крадучись подлетал к нему, срывал панаму и, прихватив с собой, гонял зигзагами по шебню, как кривое зелёное колесо.

За броней в духоте – сапёрное отделение. Под открытым люком раскачивались и подпрыгивали бойцы, отработавшие смену на разминировании. После напряжённой работы поговорить и потрепаться им хватило сил лишь на первых километрах пути, скоро они перестали скрывать усталость и делали вид, что дремлют, уступив звеняшему зною право отуплять их расплавленный мозг.

Виталик тоже попробовал, но глаза всякий раз открывались, и тогда взор упирался в его потные, скользкие, грязные руки, в потрёпанные кроссовки, подарок пионеров, он вздыхал и переводил взгляд на товарищей и снова – на свои руки, на кроссовки... Жаль, они расползаются, значит, придется снова надевать берцы… их ещё найти надо. До приказа оставалось два месяца. Долг он исполнил: военному делу обучился, но никак не укладывалось в голове: «Почему он должен заставлять страдать этих людей? Вот этих, с таким трудом проживающих отмеренный им срок на земле гордых предков. В школе его этому не учили. Это они должны убить его, защищая родное гнёздышко! А он? Какой же он защитник, мать вашу?! Ох, не та это война, не та!..» Веки сомкнулись, голова, потеряв опору, мотнулась, и глаза открылись вновь.

Виктор КАЛИНКИН. Родился в 1950 г. на Чукотке. Окончил Рязанский радиотехнический институт. Кандидат технических наук, полковник. Автор 59 научных публикаций (в том числе – пять патентов на изобретения), 5 художественных сборников. Участник и лауреат российских и международных премий.

Одинокая БМП, объезжая камни, неторопливо въехала в неглубокое ущелье. До базы – четверть часа... ну, двадцать... Удар! Вспышка! Взвизгнул отпущенной спиралью движок, взорвался, захлёбываясь от боли, ласковый Гамлет, закричали пацаны, отсек заволокло дымом, а по броне загрохотала, загудела дробь. Виталик выпал в распахнутую дверцу, обдирая колени, покатился за противоположный борт и, не вставая на ноги, цепляясь за камни, пополз из-под защиты брони, подчиняясь подсознанию, туда, вперёд, в дым. Успел... но только он об этом подумал, как выскочил на открытое, рванул с предательской дороги в сторону и начал карабкаться вверх по склону, с гребня которого велась бешеная стрельба по БМП. Когда смог видеть, что находилось за краем, заметил в стороне скопление валунов, повернул, подбежал пригнувшись, и залёг среди них. На каждом выдохе в спринтерском темпе из груди его вырывался громкий свист с болезненным «и-и-и...», он судорожно глотал воздух: «а-ах», и снова – «и-и-и...». Огляделся, разложил дрожащими руками боезапас, упёрся локтями в каменистый грунт, изготовился и глубоко задышал, чтоб успокоиться. Крутил головой по сторонам, всматривался, но видимых целей не было: противник себя напоказ не выставлял.

Внезапно стрельба поутихла, раздавались лишь одиночные выстрелы и не в его сторону, а туда, вниз. Виталик осторожно подполз к краю обрыва, посмотрел в ущелье: вокруг горящей машины разбросаны несколько тел, доносились редкие удары пуль о броню, с небольшими промежутками взрывались патроны, и вместе с ними каждый раз вздрагивало пламя. С нашей стороны никто ответного огня не вёл. Вернулся...

Выстрелы смолкли. Через минуту-две «духи» оживились, загалдели, раздался смех, стали появляться головы:

– Эй, шурави!

Невнятное бормотание и снова смех.

Когда установилась тишина, уже другой голос:

– Не стреляй, солдат, давай поговорим, – и, выдержав паузу, из-за камней поднялся невысокий молодой афганец в чалме, зелёной вышитой безрукавке, рубахе до колен, светлых шароварах. Распахнул безрукавку, приподнял руки, покрутился, опустил. Оскалился, поиграл кистями рук, мол, смотри: я не вооружён. Сделал шаг, спохватился, снял и выташил из-под рубахи тонкий кожаный ремень с кинжалом, сунул кому-то вниз и, продолжая скалиться, вразвалочку направился к Виталику, как бы желая – на то показывали руки – обнять непутёвого друга.

Шагов за десять Виталик его остановил и не позволил опуститься на камень в стороне, вернул на линию ожидаемого огня и указал место на земле перед собой. Тот, скрестив ноги, уселся, с улыбкой посмотрел на Виталика и показал пальцем, чтоб он отвёл ствол в сторону.

– Зови меня Керим, солдат. Видел, ты правильно всё делал, настоящий воин, потому и стрелять в тебя не стал. Я из Душанбе, хотел врачом стать. После, когда призвали, служил во-о-он там, – Керим указал рукой за правое плечо Виталика, – на аэродроме в ОБАТО. И ещё переводчиком звали: известно, язык-то у нас один. В плену я не был, сам ушёл: моджахеды – мои братья, вера одна, – Керим подбирал слова, чиркая палочкой по земле. – Не мог видеть страдания, заснуть не мог, несчастным стал, потому и ушёл. Отец

был бы жив, понял бы и гордился... Знаю, ты не по своей воле пришёл, тебя забрали у мамы и сюда пригнали. И мы не хотим сегодня больше убивать... Послушай, очистись, прими нашу веру и будь моим братом. Ты ведь молод и жить хочешь, верно? Вы проиграли, война в этом году закончится, женишься на нашей Гюльчатай. Помнишь красавицу? – Керим засмеялся. – Она тебе детей нарожает, а захочешь – домой поедешь. «Таможня даёт добро», – лукаво подмигнул Керим: – Да не-ет! Не поедешь! У нас понравится! Как тебя зовут?.. Ну, что скажешь, Виталий? А может, будем звать тебя «товарищ Сухов», хочешь? Меня послушают.

Виталий задумался, посматривая в сторону «духов». А вот ему отец (он до Праги дошёл) не простил бы, друзья и рота тоже... и родные. Чёрт! И воевать в этой стране он не желает. Ну заберёт он с собой несколько «духов» – и что? Горе принесёт людям, а зачем? А если живым возьмут? Тогда на этом же месте без заморозки выпотрошат, а что соберут, живому в рот затолкают, голову отрежут и в кишлак отнесут, праздник устроят. Перевёл взгляд на тапочки Керима и почувствовал, что решение где-то рядом, посмотрел правоверному в глаза, потёр небритые шёки, и выбор его стал ясен, впрочём, другого и быть не могло. Теперь он знал, что делать, и сделать это надо как можно скорее. Виталик видел перед собой смуглый блестящий лоб Керима, тонкие жёсткие усики и ответил вначале спокойно:

– Ладно, хватит трепаться. Дураку понятно, что кровью потом буду верность доказывать, – но, поймав встречный взгляд, не выдержал и закричал, глядя в чёрные миндалевидные глаза: – Охренела мне эта война! Во-о-о как! Всё! Давай вали отсюда!.. Дава-ай шевели-ись!.. – немного успокоился, – никуда не пойду, здесь останусь... Всё, закончим базар.

– Ну как знаешь, солдат. Тогда не обижайся. Готовься предстать перед Аллахом таким вот грязным, как свинья и все шурави, – Керим брезгливо осмотрел Виталика. – Без Бога в сердце живёте. Прощай, гяур!

Керим встал и не спеша пошёл к своим. Глядя ему в спину, Виталик передёрнул затвор и поднял выпавший патрон. Керим, услышав клацанье, не оборачиваясь, махнул рукой, мол, куда тебе.

Виталик лёг на спину ногами к «духам», повертел между пальцами золотистый патрон с пулькой, на кончике помеченной зелёным цветом, и подивился тому, что на донышке гильзы был проставлен год его рождения: «Ну, родная, не посмотришь ли на шарик с обратной стороны? Заодно глянь, что там внутри. А вот сестрёнки твои никогда этого не сделают!» – нажал на спуск и выпустил магазин в небо.

Керим, услышав очередь, сжался, побледнел, но быстро понял, что стреляли не в него, развернулся и крикнул:

– Плохо придумал, солдат. Жалеть будешь!

Виталик вставил второй магазин, и его весёлую компанию со словами «Так не достанься ж ты никому» отправил догонять первую. Выдернул чеку у гранаты и зашвырнул её в ущелье, за ней полетела вторая и третья. Вставил последний патрон, положил автомат на грудь, направил ствол под челюсть, снял с предохранителя и достал сигареты: он успевает. Приподнял голову и махнул Кериму рукой: «Шагай, шагай!..» Лёг поудобнее и выпустил дым в небо... заметил точку – там в вышине парил кругами орёл – усмехнулся и сам

себе отпустил гордую шутку: «Во-во!.. Буду как он!..» – что пробудило в нём провальную тоску.

Курил в небо, не торопился: знал, минут пять ещё есть... Провёл пальцем по виску, затем вытер насухо тыльной стороной ладони… и насторожился: что-то не так вдруг стало в вечернем воздухе. Виталик прислушался: недалеко тарахтело железо-трудяга и с каждой секундой всё громче и громче. «Что за чума?!. – приподнял голову и повернулся на звук. – Верту-у-ушка-а!» Над Виталиком, оставляя дымные полосы, прошипели НУРСы. Вертолет шёл над ушельем, загремела его пушка. Виталик вскочил, руками замахал, не отвлекло даже то, что рядом о камень ударила пуля, забрызгав крошкой выгоревшую, оборванную афганку, а другая прошла над головой: «Ну вас к чёрту! Дембель скоро, пора бы и на гражданочку, а то иссохлись мы, ожидаючи друг друга!» – и непослушными пальцами достал из пачки вторую сигарету…

* * *

На следующей станции, убрав с дороги в тамбурный угол жуликоватого проводника, в битком заполненный вагон вошли четверо загорелых подвыпивших дембелей. Обращаясь особо вежливо и корректно к женщинам и пожилым, по-свойски к мужикам, покровительственно к молодым, весело и нисколько не огорчаясь, заняли третьи полки и проспали сутки, спускаясь в одних трусах только в туалет, да водички попить.

На исходе второго дня, поболтав перед носом Виталика босыми ногами, спрыгнул и подсел к нему самый простенький из них. Почесал голову, оглядел китель на крючке и протянул охрипшим голосом:

– Ну, как дела, ефрейтор? Переправы наводил или как?

– На разминировании... с собачкой. Гамлетом звали.

– Блин, имя, как на заказ: «Быть или не быть». Собачка в Афгане осталась?

– Да. Навечно... Погибла вместе с отделением.

– Извиняй, брат... На мине?

– Засада...

– А медаль за что, командир?

– Наверное, за то, что один остался, чтоб не скучал.

– Бился до последнего?

– Да нет, за то, что не успел пустить себе пулю в лоб.

– Это верно, к «духам» живым не попадай. Считай, солдату повезло, если в яму, как Жилин и Костылин. А я, б-блин, настрелялся! И так, и с колёс, и с вертушки. Меня Костиком зовут, Константином.

– А меня – Виталиком.

Он почувствовал, что наступила подходящая минутка, полез руками под ноги и достал тёпленькую «Экстру». Костик засуетился, зашумел:

– Пацаны-ы! Подьё-ом! – и, переходя на шёпот, потёр ладошки. – Выходи строиться, можно покурить и оправиться! Эй, Андрюха! Где ты там? Доставай боезапас!..

Глубокой ночью в душном, вонючем вагоне, соединяясь на стыках лбами, настоящий друг Костик посвятил лучшего друга Виталика в свои грандиозные последембельские планы...

2. Мент

Закрыв портфель, замполит встал из-за стола, опустил руки по швам, обвёл взглядом аудиторию и кивнул начальнику управления. Начальник управления оживился, подобрал живот и громко, по-военному скомандовал:

– Товарищи офицеры!

Разношерстная аудитория, загремев стульями, встала и проводила замполита взглядом до двери. Начальник управления повторил:

– Товарищи офицеры! – но теперь уже мягко, как команду «Вольно, садись». Он объявил об окончании занятий и передал собравшихся в распоряжение своих командиров. Начальник Заречного отдела попросил подчинённых собраться в коридоре у окна, чтобы не делать лишний переход в другое здание, здесь же указал на особенности завтрашнего дня и распустил личный состав по домам.

Виталик с Костиком подняли воротники, спрятали руки в карманы и сквозь метель засеменили вприпрыжку, поворачиваясь к ветру то одним плечом, то другим, через площадь на мост: их дом был за рекой. Жили они в общежитии МВД в угловой однокомнатной квартире. То, что она угловая и у неё два окна, давало им некоторое преимущество. Соорудили из книжных полок до середины комнаты перегородку, скрепили и украсили спадающей зеленью в горшочках. На кухне поставили дефицит: литовский «Шилялис» – вторую вещь в казённом доме, купленную ими на свои деньги. Первой был кассетный магнитофон «Комета».

Они не расставались с того часа, как познакомились в поезде, возвращаясь после честно исполненного интернационального долга. Вместе сошли на станции пересадки, заскочили к Виталику – на дорогу ушло полдня, – неделю погостили у его родителей, дали им поплакать и успокоиться и отправились дальше за счастьем. Путь к нему указал родной дядька Костика, не последний начальник в областном МВД и большой прагматик. Нарисовал вполне достижимую перспективу: зацепиться в органах, получить общежитие, пользуясь льготой, поступить на юридический факультет и дать основание через три года хлопотать о присвоении им первого офицерского звания «младший лейтенант». А дальше, мальчики, извините, – вы уж сами!

Всё бы хорошо, но Виталик гораздо острее ощущал довольно часто выражаемую со стороны окружающих неприязнь к своей форме и знал, что думают о нём многие: «Мент поганый». Правда, когда он в конце лета сменил погоны сержанта на офицерские, эта неприязнь стала менее заметна. А если собеседник или случайный знакомый узнавал, что он учится на юриста, то проскальзывало уважение. Виталика устраивало и общежитие, и зарплата, и льготы, и выслуга. Жаль только, ему скоро двадцать пять, а на личную жизнь времени не хватает! Может, потому и засела в его памяти одна встреча по осени в соседних кварталах. Только в каком, он не запомнил.

* * *

А дело было так. Виталик спешил на дежурство. Впереди шла невысокая женщина за ручку с ребёнком, возможно, из яселек. Девочке было не более двух с половиной. Понравилось ему в женщине всё: и осанка, и ножки,

и стрижка, заметил, что одета со вкусом. Девочка капризничала, а мама её воспитывала. Когда обгонял, увидел, что женщина не только молода, скажем, чуть за двадцать, но и привлекательна очень. Как только Виталик обошёл их, мамочка воспользовалась устаревшим, но надёжным воспитательным аргументом и, показав девочке на милиционера, строго предупредила:

– Не будешь слушаться, дядя-милиционер тебя заберёт. Рассказать дяде, как ты себя ведёшь?

Не в первый раз его используют в роли пугала, особенно бабушки. Виталик оглянулся и успел заметить глаза девочки, ему стало не по себе. Он остановился, развернулся, снял фуражку, присел перед девочкой и спросил:

– Как тебя зовут?.. Наденька, а ты знаешь дядю Стёпу-милиционера?.. Вот умница. Мы с ним дружим и не обижаем хороших, послушных детишек. Мы им помогаем. И ты маму не обижай, люби и слушайся. А когда вам с мамой будет нужна помощь, заходите к нам в Заречный отдел на Красноармейской. Спросите дядю Виталика-милиционера.

Он говорил и чувствовал макушкой взгляд, направленный на него сверху, и представлял, как выигрышно смотрятся его новенькие офицерские погоны на плечах.

– Ну, до свидания, дружок. Не забудь, Наденька! Первое – люби и слушай мамочку, а второе – зовут меня...

– Дядя Виталик-милиционер, – дружно ответили мама и дочка, и мама, приветливо улыбнувшись, добавила: – Из Заречного отдела на углу Красноармейской и Тургенева...

К великому сожалению, встреча не повторилась. Вот невезуха: в каком же квартале это было?..

– Зайдём, по кружечке живородящего хлопнем! – прервал воспоминания Костик: – К Светлане в берлогу, с солёными сушками, лады?

– Что ты несёшь: может, животворящего? Зайдём, но по одной, хотя... если будет свеженькое, можно и повторить.

– Какая разница: сотворить или родить?.. Эй, нам – сюда. Снова задумался, командир?

* * *

Завернули за угол, пересекли по диагонали сквер, спустились на три ступеньки и под входом в пещеру, из которой высунул голову и беззвучно рычал рассерженный мишка, распахнули низкую дубовую дверь. Прозвонил над головами колокольчик. Расположились, дунули на пену, сделали по первому большому глотку, перебросились взглядами и затихли: а ведь неплохо! Когда взяли по второй, к столику подошёл знакомый Костика. Достал из алюминиевого, обтянутого дерматином кейса свёрток – лежал он под берёзовым веником – а из свёртка вытащил за хвост... воблу!

– С лёгким паром, Палыч!

– Ох спасибо! Хорошо-о! Как жить-то, говорю, хорошо, ребя-ята-а.

Мужчина был постарше, интеллигентный: за шарфом виден галстук, туфли приличные, выбрит чисто. Виталик, отложив на десерт вишнёвого цвета кусочек икры, занялся поштучно солёными рёбрышками и не стал вслушиваться в их разговор, но минут через пять среди общих фраз его

внимание привлёк вопрос Костика:

– Так в чём проблема?

– Не могу свою долю продать. Бывшая согласия не даёт. Вот ведь коза! Ты ж её знаешь. И откуда такое упрямство? Так и живём с Ниной Александровной в её коммуналке.

– Это всё твои измены, и то, что остаётся одна с твоим ребёнком. Слушай, Палыч! У меня родилась дебютная идея, недорого возьму.

– Отблагодарю, в чём вопрос!

Палыч заметил, что Виталик прислушивается к разговору. Окинул его взглядом:

– Тоже в Афгане был? Вместе? – Палыч мотнул головой в сторону Костика, протянул руку, оголив запонку в манжете, и представился, переступив с ноги на ногу:

– Пётр.

– Виталик, – и новые приятели через столик обменялись рукопожатием.

Палыч, накалывая плавательный пузырь вяленой рыбы на заострённый кончик обгоревшей спички, в коротких промежутках продолжал вопросительно посматривать на Виталика.

– Нет, врозь: Константин – десантник, я – минёр. В поезде познакомились. А сейчас мы вместе и в отделе, и на факультете.

– О! Хорошая мысль, мужики, – сегодня ж Татьянин День. Пошли к нам в общагу, посидим часок, Владимира Семёновича послушаем, помянем. Новенькое достал у Макаревича. Девчонок с другого крыла позовём.

* * *

Пока девочки нарезали колбаску, а на балконе остывали «Столичная», минералка и «Варна», приятели вышли на площадку. Палыч, выпустив дым тремя колечками в лестничное перекрытие, повернулся к Костику:

– Давай колись, что за вариант?

Костик изобразил мыслительный процесс, собрал разбросанное по углам в общий итог и выдал одним словом:

– Дарение!

В ответ – немая сцена...

На площадку выскочила спортсменка Галчонок:

– Мальчики, всё на столе!

Палыч с кривой усмешкой посмотрел на Костика, хлопнул по плечу и дважды щёлкнул пальцем по невидимой соринке:

– Умно, тонко! Обязательно обсудим.

Нежно пел Джо Дассен. Леночка всякий раз укладывала головку Виталику на плечо и прижималась телом так, что его бросало в жар, и он, смущаясь, отстранялся...

Около девяти распрощался совсем трезвый Палыч, Костик быстро раскис и дремал на кухне. Леночка многозначительно посмотрела Виталику в глаза, сказала, что хочет спать и уходит, причём объявила это так, чтоб Галчонок потом не говорила, что не услышала.

– Сейчас, Ленка, домою мужикам посуду и приду, – крикнула вдогон Галя и подала Виталику полотенце: – Протри стаканчики, лопух.

– Зачем же лопух?

– А затем... – тарелка в её руках завертелась – как бы не разбилась! – Коли не хочешь им стать, послушай меня: Ленка тебя на себе женить хочет. Можешь, ох можешь глупостей наделать, если окончательно голову потерял. Но, поверь мне, она так и сказала: «Сделаю всё, чтоб он моим был». Ты – лакомый кусочек, хотя сам того не понимаешь. А она... ну, как это у вас... Во! Поматросит и бросит. Ах! Какой бы я тебе женой была! Но ты меня не любишь, лопух...

3. Квартирный вопрос

Палыч просил ему позвонить, как только появится свободная минутка. Прошло два дня, и они связались с Палычем. Встречу назначили в зимнем парке.

Два неразлучных приятеля быстрым шагом промчались мимо спящих качелей-лодочек и, когда подходили к любимой скамеечке у входа на заваленную снегом летнюю эстраду, Виталик спросил друга:

– Костя, а кто он, наш Палыч?

– Музыкант из областной филармонии. Зарабатывает хорошо: концерты, когда с оркестром, когда солистам аккомпанирует, приглашают в ДК, сам любит подхалтурить, бывают гастроли. Его бывшая – такая пацанка... молоденькая... намно-ого моложе. А Палычу нужна постарше, более представительная. Не так давно встретил он такую, и молодёжный брак, естественно, рас-па-ался...

Пока Костик вдохновенно излагал Палычу свой план, Виталик вздыхал и поглядывал на усыпанные снегом кроны парковых лип и клёнов. Этот немой комментарий был замечен Палычем и постепенно перевёл его состояние из радужного в настороженное. Он приостановил излияния «великого юриста»:

– Ваша Честь, давайте прервёмся, покурим по одной и выслушаем доводы против, т. е. в защиту другой стороны, – Палыч положил руку на плечо Виталика, отодвинулся и, по-профессорски поправляя мнимые очки на переносице, поинтересовался хорошо поставленным голосом хазановского попугая: – Какие мысли мешают вам присоединиться к нам, коллега?

– Такая сделка выглядит притворной.

– Федя! Мы не притворяемся, мы всерьёз и надолго...

– Ладно, объясню: притворная сделка скрывает собой другую, которая по каким-либо причинам, скорее, незаконным, не может быть совершена. Вот и просвещаю вас: судом она именно так и будет квалифицирована... Если дойдёт до суда.

– А мне как быть?! – и Палыч с Виталика переключился на Костика. – Константин Юрьевич, с тоскою я смотрю на ваше поколение: факультет-то у вас один, а курсы разные.

Укор, высказанный в шутливой форме, подействовал на Костика как удар плетью. Палыч повернулся к Виталику:

– Слушаю вас внимательно, кстати, чтобы я не искал подмену словам-признакам глубокого уважения к тебе, – как там вас по батюшке?

– Как и вас: Петрович.

– Сынок, всё у тебя не так, как у меня, я-то – Палыч, а во-вторых,

мы с самого начала были на «ты»... Виталий Петрович, как надо прокрутить все, чтобы не было мучительно больно, когда станет заметно, что мы притворяемся? Давай, Виталик.

– Как я понял, речь идёт о двухкомнатной хрущёвке. После сделки квартира по факту станет коммунальной, а к этому она не подготовлена – вот здесь и спрятан корень признания вашего наивного притворства.

Слушали Виталика с открытыми ртами.

– Тебе, Палыч, во-первых, надо сделать перепланировку. Во-вторых, застолбить у нотариуса перераспределение долей. В-третьих, установить счётчики и разделить счета. И тогда, дорогой Пётр Палыч, вашу комнату можно будет выставить на продажу. Не в твою ли честь крепость и порт, о Великий Игрок?

Палыч, как бы делясь с Костиком новым приятным фактом, потыкал пальцем в сторону Виталика:

– Моя школа!.. Ну, что застыли? Замёрзли? К нам едет ревизор? – Палыч взял себя в руки и открыл кейс. – Пора бы и по первой! Ух! Даже в горле пересохло.

– Откуда у тебя такие сведения, – спросил раздавленный Костик.

– Летом у Филатова было одно дело. Похожий жилищный вопрос там проходил стороной, и он попросил меня помочь. Палыч, а как твою бывшую зовут? Человек всё-таки.

– Иришка, а дочку – Надюшка. И квартирка здесь недалеко.

У Виталика в голове – щёлк, и видео назад – раз, и опять про ту осень! Похолодело и сердце, и спина, пальцы задрожали...

* * *

– За сколько ты думаешь продать свою долю?.. Ясно. А если перевод в коммуналку свалить на покупателя… сбросишь пятьсот?

– Подумать надо... Сброшу, – Палыч поперхнулся сигаретным дымом и с подозрением заглянул ему в глаза: – Ты что, сам решил купить?.. Смотри, в жизни минёр ошибается только раз.

– Боевые я получил, сохранил, за службу поднакопил. Вложить в недвижимость – святое дело.

Костик насторожился, развернулся и сосредоточенно наморщил лоб.

– Признаюсь, мужики, сам себе противен был, точил червячок, а теперь – ух, гора с плеч! Буду спокоен за неё и за дочку. Всё-таки моя милиция – это тебе не хухры-мухры!

– Ирину мы подготовим. Думаю, что получится. Она ж не всё должна знать. Фантазию подключим: комнаты проходные, а может и бомж вселиться, и наркоман, да мало ли кто. А женщина купит, так станет мужиков похотливых водить! Стоит покупателю прописаться, потом не выселишь, и останется квартира с обременением.

– Погоди, погоди, что-то я въехать не могу, – вмешался Костик и бросил в сторону Палыча: – Н-наливай! – и снова другу: – Ты что, меня одного оставить хочешь?

– А ты решил, что мы с тобой шведской семьёй жить будем? Или, пока один кувыркается, другой пусть по улицам круги наматывает. Подумай, брат,

здесь глазом не успеешь моргнуть, и вот он – тридцатник!

– Инте-ер-ресно девки пляшут! Пять минут назад – душа в душу и... н-на тебе гранату, неприятель!

– Мы и сейчас душа в душу. Во-первых, прежде квартирку надо посмотреть. Может, и не куплю ещё.

– Да не-ет, купишь, понравится, – отметил Палыч, наблюдая за друзьями, широко раскинувшись на скамейке.

Виталик вспомнил Керима и сказанное им: «У нас понравится». Помолчали... Палыч посмотрел на часы:

– Думаю, бежать за второй не надо. А не пойти ли нам в «Отдых», и дело это немножечко, совсем немножечко и не всерьёз, а под настроение исключительно, чтоб не сглазить и, так сказать, вкус не забыть, а?..

– А ты проще не мог сказать: мол, хочу вас угостить, мужики, за то, что уважаю! – понемногу начал остывать Костик. – Блин, и у меня коротко не получилось.

...Вертушка села рядом с позицией моджахедов. Виталик обошёл её стороной. Кругом – разбросанные и истерзанные взрывами тела, брызги крови, нищета. Керим был в сознании и, безусловно, узнал того, кто остановился над ним, возможно, в тот момент он не чувствовал боли, он смотрел в небо. Виталик поднял голову – в вышине парил орёл...

Виталик поднялся со скамейки, отряхивая шапку:

– Пошли, пока маэстро не передумали...

* * *

– У тебя на личную жизнь совсем нет времени. Такая работа (вы её гордо службой называете) не по мне... нет, служба – это не моё, это рабство. Слышал как-то о ней: «через день – на ремень», вот ещё продолжение в тему: «как надену портупею, всё ту...»

– Я тоже слышал: «Была бы только Родина богатой и счастливою, а больше счастья Родины не надо ничего». А что делать?

Палыч бесцеремонно прервал, показывая на подъезд:

– Нам сюда... На прошлой неделе приводил одного забулдыгу. Роль свою стервец за бутылку сыграл талантливо. А я? Какая ж я скотина!.. Что ты сказал?.. Как это не парься? Ладно, буду без сантиментов... Дома нас ждут, я позвонил и предупредил, что приду с покупателем. Заметь: квартира с телефоном... Волнуюсь немного: углубляю разрыв.

– Это потому, что мосты сжигаешь. А для неё – куда ж глубже?.. Может, зря я не переоделся, напугаем.

– Как ввалимся, конечно, вызовет шок, а после, наоборот, успокоит. Всё пойдёт по привычной схеме: встретят по одёжке, как говорится, а проводят с песней весёлой, – Палыч произносил слова «на автомате». Всё внимание было сосредоточено на наблюдении за окружающим миром, т. е. двором и лестничным пролётом: оглядывался, высматривал соседей.

Средний подъезд (убирают, чистенько), третий этаж, телефон, инфраструктура, как говорят, – одни плюсЫ. Поднялись. Палыч без слов, жестом, подняв ладошку и свернув губы трубочкой, попросил тайм-аут, чтоб

отдышаться. Достал ключ, хлопнул себя по лбу – ему, как гостю, полагается звонить. Звонок, прикинувшись ксилофоном, выдал заученную мелодию, и ёкнуло сердце у покупателя: кого же он встретит?..

Щёлкнул замок, и дверь открылась... она!

– Привет, Иришка! А я не один. Проходите, товарищ лейтенант.

Ирина отошла в сторону, окинула взглядом Виталика и пропустила гостей в пространство между коридором и кухней. Место это в хрушёвках всегда вызывало вопрос – это что? Коридор, продолжение комнаты, прихожая?

«Не узнала...» – Виталик и огорчился, и почувствовал облегчение.

– Что случилось, Пётр Павлович? Почему милиция?

Из второй комнаты выбежала девочка... та, Наденька. Радостно закричала:

– Папуля!

Палыч подхватил её на руки и закружил на месте, чмокая. Опустил, полез за подарком, потирая глаза.

– Ой! Мамочка, смотри – дядя Виталик-милиционер! Помнишь? – девочка обернулась к матери, ожидая её реакции...

Холодный взгляд, немой вопрос...

– Здравствуйте, Ирина...

– Михайловна, – почтительно добавил Палыч.

– Ирина Михайловна, очень приятно! Не ожидал вас здесь встретить, поверьте! Виталий...

– Петрович, – почуяв отклонение от шаблона, добавил Палыч, переводя взгляд с него на неё.

– А мне-то как приятно, Виталий Петрович, – отвернулась и прошла на кухню Ирина.

– Сейчас, сейчас, – тихо засуетился Палыч перед Виталиком, – всё пройдет, всё будет хорошо. А вы что, знакомы?

– Нет, Пётр Палыч, случайно встретились полгода назад: я спешил на дежурство, а Ирина Михайловна, как понял, шли из яселек. И Наденьке стало интересно, знаком ли я с дядей Стёпой, – сказал громко, напомнив и немного поправив забытое ею прошлое.

Разговор шёл неровно, по кругу. Наконец, Ирина махнула рукой и обречённо выпалила:

– Ай... делайте, что хотите!

Когда главный вопрос, казалось, был решён, Виталий перешёл к деталям, которые могли сделать их следующую встречу, да и переезд в целом, менее напряжёнными:

– Ирина Михайловна, я хотел предложить перепланировку, думаю, вы поддержите. За мой счёт, разумеется!

С этого момента съезжающиеся стороны более не избегали прямых взглядов и расстались (с прохладной любезностью со стороны Ирины), чтобы перевести дыхание. И Палыч облегчённо вздохнул.

4. Быть рядом

Поздним вечером со свидетельством о регистрации в папке и с ключом Палыча в кармане Виталик стоял у двери Ирининой квартиры,

волнуясь сверх всякой меры. Позвонил, поздоровались, вошёл. В ответ на приглашение пройти на кухню замешкался, затем снял туфли, взял куртку на руку и робко проследовал за Ириной. Присели.

– Мужских тапочек не держим, простите, товарищ лейтенант.

– И я с собой их не ношу, – попробовал пошутить Виталик.

Ирина вздохнула, встала, подошла, взяла у него куртку и протянула руку за шапкой.

Виталик извинился, покраснел, снял и отдал. Ирина на короткое время оставила Виталика вдыхать её аромат. Он быстро-быстро привёл волосы в порядок, водрузив на лицо приветливую улыбку. Ирина вернулась и села напротив. Следом пришлёпала Наденька:

– Здравствуйте, дядя Виталик! А мама сказала, что ты будешь жить в моей комнате. А можно я буду приходить играть?

Ирина обняла дочь, та прижалась к матери и, напевая песенку, начала поглаживать и поправлять её локоны. Виталика во второй раз бросило в жар, но так, что он готов был провалиться сквозь землю и не от стыда, а от ущерба, сознательно нанесённого им собственной совести: «Что мы натворили? Впрочем, не так я, как Палыч. А с другой стороны, кто бы здесь сейчас сидел? Тысячу раз виноват, но всё же...»

– Наденька, жить в твоей комнате буду только вечером после работы. А играть приходи, когда захочешь, я закрывать не буду, договорились? А в выходной пойдём в цирк, хорошо?

Ирина никак не отреагировала на его предложения, лишь наморщила носик и спросила, показав глазами на гербовую бумагу:

– Это и есть та самая карта Флинта, вот уж и не знаю, как назвать. Позвольте, – взяла свидетельство, осмотрела с обеих сторон, вернула и вежливо съехидничала: – Вы теперь у себя дома, располагайтесь. Не будете возражать, если мы с дочкой поужинаем?

«Она прекрасно понимает, что въезжаю не сегодня. Выходит, выпроваживает», – Виталик, презирая себя, встал:

– Ирина Михайловна, через неделю, в воскресенье, я куплю и завезу мебель. Самую необходимую: шкаф, что-то, чтоб спать, может, тумбочку... по мелочи что-то. И тогда, думаю, буду знать, когда переберусь сам. Я вам позвоню, – он вышел в коридор, оделся и, помахав девочке: – Пока-пока, – открыл дверь. – До свидания, Ирина Михайловна.

Переступил через порог и начал спускаться по лестнице, помахивая кожаной папкой.

– Виталий Петро-ович! – прозвучало вдогон. Он обернулся. Ирина выскочила на площадку, удерживая Наденьку за дверью. – А ключ у вас есть? Если нас не будет, заходите смело, комната будет подготовлена. До свидания! – Виталику показалось, что сказано это было с теплом, и, едва дождавшись, когда захлопнется дверь, окрылённый, он полетел по ступенькам вниз.

* * *

Он сидел в комнате на посылочном ящике и распаковывал вещи, прикидывая в уме, чего ещё не хватает, например, на чём сидеть, телевизор, небольшой холодильник... оглядел комнату, посмотрел на шторы, светильник.

В дверь вежливо постучали, и вошла Ирина.

– Ирина Михайловна, дверь можно не закрывать, и Надя пусть заходит, мне будет веселее. Скоро закончу, затягивать сегодня не буду и лягу вместе с вами. Извините, хотел сказать, одновременно. Во сколько вы встаёте?

– Вы услышите. Не забудьте: завтра выходной.

Ирина прищурилась, вникая в смысл допущенного им промаха, посмотрела по сторонам и присела вполоборота рядом на такой же низкий ящик. Туго натянутая ткань на упругом бедре, изгиб поясницы и то, что скрывалось за вырезом халата, не без причины волновало Виталика, причём чрезвычайно.

– Хотела поговорить с вами о быте. Вижу, между нами мало-помалу выстраивается понимание.

– Первое, а из него следует всё другое: не оставляйте после себя ничего, что мне приходилось убирать. После душа вытирайте, пожалуйста, стены и пол. И не оставляйте в раковине немытую посуду. Кухня и ванная комната совсем крошечные. Вам хорошо бы иметь короб под бельё для стирки. Его разумно поставить здесь. Если купите холодильник, – тоже. А пока можете пользоваться моим, я вам подготовила уголок. Думаю, что самое необходимое поместится. Идёмте, заодно покажу, где вы можете разместить свои туалетные принадлежности.

В тесной ванной комнате они стояли рядом: Виталик – боком, с трудом выдерживая её взгляд, а она, не осознавая, уверенно повела игру, которая незаметно отодвинула на второй план воображаемый дискомфорт, пугавший и мучавший её все эти дни.

Виталик не слышал, что она говорила, как под гипнозом, уставившись на тонкое женское бельё, развешанное на леске. Ирина заметила и, задевая его бедром, вызывающе неторопливо сняла, показав во взгляде вовсе не смущение – напротив: свою убеждённость в природном превосходстве женщины.

Прошло несколько дней, и они решили, что перепланировкой займутся летом, когда Наденька будет у бабушки.

Виталик узнал, что Ирина – учитель музыки в обычной школе и в специальной. Иногда даёт уроки дома. Виталику пришлось признаться, что он плохой сыщик: не заметил пианино, а проходил мимо с десяток раз. Виталик не стал рассказывать о Кериме и за что получил медаль.

Ирина сама завела разговор о Палыче. Покорил он её на одной вечеринке. Добр, весел, хороший профессионал, читает интересные лекции о музыкальной культуре и много чего знает. Но ленив. По дому делать ничего не желал: полистал газету, сел на диван, сложил руки на животе и уставился в телевизор, к концу новостей засыпал, можно было брать его на руки и нести в кроватку.

* * *

Поступила вводная: получить табельное оружие, ждать указаний и не расходиться. Народ, послонявшись взад-вперёд, постепенно расселся по своим местам. Костик встал на цыпочки и снял со шкафа шахматную доску:

– Виталька, давай сгоняем партеечку.

– Сгоняем. Пора им место в шкафу определить: пылятся под потолком, как забытый театральный реквизит. Сдавай!

– Сам иди сдавай, не в подкидного вас позвали! То – ша-ахматы!

Они дилетанты-любители. Знают основы игры и громкие названия этапных комбинаций. И всё!

– А не разыграть ли нам для начала ферзевый, гамбит перед тем как, завершая индийскую защиту, перейдём в эндшпиль? – стартовал Костик.

– А мы выберем сицилианскую защиту, – заявил Виталик и, напустив на себя суровость, оглянулся на тех сослуживцев, кто не дремал и, усмехаясь, шепотом обменивался остротами в их адрес.

Подперев голову рукой, Костик заявил, ни к кому не обращаясь:

– А мне нравится в туалете про любовь книжки читать и громко пукать!

Виталик молчал, ожидая продолжения откровений.

– А ещё мне нравится петь в душе и курить на кухне! А ещё – мыть посуду только по выходным. Да! И в одних трусах!

– Чудик! Ты не представляешь себе, как интересно с ней жить...

– Э-э, брат! Как у вас всё запущено!

– Ты брось! Ух, шуточки... Она вежливая, аккуратная, внимательная, и я стараюсь таким быть. Красивая, правда, а это не есть хорошо: стесняюсь. А малышка – прелесть!

– И ты, Виталька, парень у нас видный. Не то что я... «Гарде!»... Ленка на тебя зуб точит: изменил, говорит, ирод проклятый. Люблю, блин, его – и точка!

– Ты же знаешь, у нас с Ленкой ничего не было и быть не могло по определению... А не сделать ли нам «длинную рокировочку», пока не поздно?

– Да уж поздно, брат... Откуда мне знать про твою Ленку? А у неё что, не так, как у других? Шалишь, командир! А может, ты не видел, как у других?

– Да всё у них одинаково... Отражение мира в его, так сказать, единстве и противоположностях...

Виталик вернулся со службы, как обычно, поздно, привёл себя в порядок и прошёл в кухню. За столом сидела Ирина с журналом, глаз не подняла, показав, что не придала этому факту никакого значения. Пошуршала страницами и спросила:

– Не помешаю с кроссвордом? Другого стола нет, есть «книжка», но таскать, обдирать коленки, раскладывать и складывать – одна морока. Пусть ребёнок играет, где хочет.

Прибежала Надя. Пока жарилась яичница, Виталик усадил её на колени и стал раскачивать: «Мы едем, едем, едем в далёкие края...» Малышка подпевала, болтая руками и ногами. Неожиданно, как все детишки, соскочила, схватила из вазочки конфетку-драже, возвращаться на качели не стала, затем – вторую...

Виталик встал и подошёл к плите, а сзади сдавленно: «А-а-а-х...» Он обернулся на стон – Ирина, мертвенно бледная, смотрела вперёд, оцепенев. Виталик перевёл взгляд – в дверном проёме стояла, опустив ручки, с раскрытым ротиком, не издавая ни звука, посиневшая Надя. Она не могла дышать! Он подскочил к ней, схватил за ножки, поднял, перевернул, ударил ладонью по спинке – в тот же миг горошина вылетела и покатилась по полу.

Поставил девочку на ноги, потряс Ирину за плечи, оглянулся на Надю, та стояла, не выражая эмоций, и понемножку откашливаясь. У Ирины шок! Через минуту встала, подошла к Виталику, обняла и, повиснув на нём, разрыдалась: что-то очень страшное обдало жутким холодом и миновало. Скоро пришла в себя, отвела голову назад, посмотрела ему в лицо, погладила волосы, устало улыбнулась и поцеловала в лоб, в щёки, в глаза. Затем собрала драже и швырнула в мусорку…

Впервые они вернулись к этой теме, когда спустя неделю Виталик пришёл со службы и рассказал, что сегодня у кассира их столовой в семье произошёл такой же случай, и она потеряла сына.

Войдя, Виталик заметил на плечиках знакомую дублёнку.

– Привет заслуженным деятелям отечественной культуры!

Палыч снял Наденьку с колен, поднялся со стула, выставил из кейса на стол высокую бутылочку «Белого Аиста» янтарного цвета и громко заговорил, выбираясь из-за стола, поддерживая на весу галстук:

– Ирина всё рассказала. Как я рад, что дождался тебя! Долго тебя не было, зато у меня было время подготовиться. Хоть за полночь, но обязан был дождаться. Понимаешь... ты в этом доме – Провидение, а встреча с тобой – Дар Божий! Дорогой ты мой Мент! – Палыч прослезился, подошёл и, не дожидаясь, пока Виталик разденется, обнял и расцеловал в холодные щёки.

Ирина, прислонившись к стене, задумалась: «Может, и вправду, Провидение. Может, то Голос был и прокричал он мне: держи, не упусти, то – счастье твоё!..»

* * *

Этой ночью дежурный уазик высадил Виталика на улице. Во двор он попросил не въезжать, чтоб весь квартал не разбудить. Тихонько открыл дверь и вошёл. Едва дыша, в темноте разделся, умылся. На цыпочках прокрался в освещённую дворовыми фонарями кухню и прикрыл за собой дверь. Неожиданно вспыхнул свет, он обернулся: в двери, поправляя халатик, стояла Ирина.

– Привет, а вот извиняться не смей, – и одновременно предложила и посоветовала вполголоса: – Сходи, прими душ, расслабься, а я ужин приготовлю: Надя спит крепко.

– Угу, – не разжимая губ и не вникая в суть сказанного, буркнул уставший Виталик.

Раздевался и пытался сообразить: что-то здесь не так. Поплескался под тёплыми струями, и потихоньку стало проявляться значение услышанного. Его, пребывавшего в состоянии летаргического сна, слегка затрясло, потом сильнее… и пошла лавина. Сонливости как не бывало. Вытерся очумело... Куда ему спрятать это уродство? Как выйти, чтобы она не заметила?

Вышел, двумя руками удерживая перед собой карманную расчёсочку, надеясь, что сумеет отразить легкомысленный взгляд Ирины своим суровым взглядом. Быстро сел: «Не понял я, она что, улыбнулась?!»

Перед ним торжествовал пышный омлет, прикрывая собой огромный кусок жареной ветчины. Ирина сидела напротив и поглядывала в окно. Перед ней – две чистые чашки с сахаром и лимоном, у стены под полотенцем –

заварочный чайник... Когда Виталик на пустой сковороде сложил накрест нож и вилку, Ирина обошла стол и, встав рядом боком к нему, потянулась к чайнику.

«Могла бы с места рукой достать, а это значит... Взвейтесь кострами, тёмные ночи?!» – слава Богу, он думает, следовательно, пришёл в себя. И здесь-то Виталик не выдержал, привстал и чмокнул Ирину в завиток за ушком. И она улыбнулась! И сказала тихо:

– С «чаевыми» ты торопишься, я ещё не наливала.

– Само... помимо, – оправдался Виталик и, поборов охриплость: – Ирина Михайловна, я правильно понял, к вам можно на «ты»?

– Ко мне можно. Только не зови меня «Иришка», ладно? Придумай что-нибудь другое. Такое, чтобы не путалось с «коротышка», «малышка», «пустышка». Угу?

– А почему он тебя козой называет? – неожиданно сорвалось у Виталика.

– Бывает, за строптивость... остальное как-нибудь потом узнаешь, – и покраснела чуть-чуть, но он заметил...

Поступила вопреки правилам: посуду сложила в раковину. Приблизилась к Виталику и повторила то, что сказала ему только что, перед чаем:

– Ко мне можно... – долгий-долгий поцелуй, перевели дыхание, и ещё один жадный, нетерпеливый... В её глазах отблеск огня, полыхающего напротив, и тихие слова бабочкой вспорхнули с горячих губ: – Но лучше – к тебе...

– Всё, всё, всё, дорогой. Всё! У нас впереди ещё столько дней и ночей...

5. Погасли свечи

Он идёт к остановке и думает о ней. Он толкается в троллейбусе и думает о ней. Он идёт по мосту и разговаривает с ней. Улыбка выдаёт его – прочь, улыбка! Он не слышит начальника, Костика, потому что всё время думает о ней. Гонит от себя свежие и очень откровенные воспоминания, они ему мешают, сковывают, вгоняют в краску и неловкость. Он счастлив, он горд, он влюблён! Вокруг сказочный мир, он полон ярких красок и удивительных открытий. А Виталик сходит с ума и, поверьте, сойдёт, если вечером не увидит её.

Сколько ж можно: свои дела отложи, иди получи оружие и жди команду на своём рабочем месте! Виталик сходил в дежурку, получил пистолет, уложил в «корзинку», надел, влез руками в пиджак и набросил его на плечи. Сел за свой стол.

В кабинет шумно влетел начальник отдела. Все встали. Подполковник обвёл взглядом подчинённых (ага, все на месте) и пояснил ситуацию:

– Товарищи офицеры. С БАМа через наш город следует вагон с уволенными в запас военными строителями. Их увольнение задержали по каким-то там причинам, потом решили собрать всех вместе. Ночью в Тормасове, когда перецепляли вагон, дембеля устроили в районе вокзала поножовщину, хорошо – без жертв. Через два часа поезд прибывает к нам на южный вокзал. Наша задача: при необходимости оказать помощь военным

патрулям и транспортной милиции. Напоминаю: в местах скопления людей оружие применять только в крайнем случае. Перед применением предупредить голосом, первый выстрел в воздух и только потом, мои дорогие, можно на поражение, но сначала, советую, – по ногам. Надеюсь, обойдётся. Как только подойдет машина, все – на выход!

Начальник отдела поискал глазами Костю, увидел, и лицо его расплылось в улыбке:

– Младший лейтенант Лопарёнок, мы от всего сердца, так сказать, от души поздравляем вас с днём рождения, желаем счастья вам и вашим близким! Вы останетесь в отделе на телефоне... Ну, что там, Сергей Дмитрич?.. Нет, не в магазин, отставить шуточки, на телефоне, я сказал.

– Товарищ подполковник, Семёнов гриппует, еле двигается. Не будете возражать: Семёнов – на телефоне, а я – на вокзал?

– Валяйте! Хотел как лучше...

– О чём ты всё думаешь? У тебя в голове то белое, то чёрное: то улыбнёшься сам себе, потом молчишь, а? Грусть-тоска тебя съедает? Дома-то как, всё хорошо?

– Планировал сегодня пораньше вернуться. Обещал. Дело есть неотложное.

– Ты обалдел! Сегодня – ко мне-е, как шты-ык: день рожденья только раз в году.

– Может, на выходной перенесём, а? – вяло предложил Виталик.

Давно прошли предусмотренные расписанием двадцать минут. Приятели медленным шагом прогуливались по перрону. Цыгане, семечки... Дембеля бегают друг за другом, кричат, суетятся у ларьков.

– Смотрю я на них... Разве можно таких к оружию допускать? Потому, наверное, и призывают в стройбат, – сделал вывод Виталик.

– Б-блин, странно: армию не любят, а домой едут разукрашенные, как попугайчики. Вот этот, глянь, адьютант, аксельбантами обвешался. А этот – гусар: галуны, опушка, красная подкладка. Половина – вдрызг, им много не надо, матерятся как сапожники.

– Может, травки накурились, ты знаешь, у них с детства. Ай, следить – дело военных, пока те на учёт не встанут. А то, что матерятся, мы сами виноваты, они думают, что это наш обычный язык, что не поймём их иначе, – рассудил Виталик.

Впереди свистнул электровоз, вагоны вздрогнули. Скрипя металлом о металл, медленно поворачивались колёса, крутились все быстрее, стучали на стыках. И мимо пролетали, уносясь вдаль, красные огоньки...

Приятели поискали глазами старшего своей группы, увидели, помахали. С угла им ответили и указали на выход. Смеркалось. Старший вышел на связь, доложил, выслушал и сообщил:

– Угнали машину у какой-то важной персоны: новая «Волга» «белая ночь», номер 18-12, запоминается легко – Бородино. Не барское это дело, но нам приказано срочно выставить усиление на двух постах ГАИ при выезде на окружную. Нас как раз четверо, садитесь, поехали.

В машине обернулся и высказал предположение:

– Наши руководители обожглись на молоке, дуют на воду... Объясняю.

Вы помните, в прошлый раз при вооруженном ограблении тоже «Волгу» угоняли. До перестрелки дошло. Может, они правы...

* * *

Обошлось без перестрелки. В девятом часу с поста ГАИ передали «отбой». Оказалось, обиженный сынок областного воротилы подделал ключи, вскрыл папин гараж и поехал в соседний город к любовнице. В дороге машина сломалась. Папа узнал и отозвал своё заявление об угоне.

Виталик с Костиком дождались уазика, но до отдела он их так и не довёз: срочный вызов, не по пути. Не спеша, ножками топать не более получаса, приятели зашагали в сторону Красноармейской. Привычно вытряхивали из головы всё, связанное со службой, вдыхали мартовский воздух, смотрели на звёзды.

– Виталька, я не буду на тебя в обиде, если мы отпразднуем день рождения в воскресенье, а сейчас давай заскочим в «Турист». Там на первом этаже что?.. Правильно, стоечка. По сто граммов и разбежались... Ну-у-у! Я же знаю, что ты настоящий друг.

Заказали по сто и по холодному язычку с хреном. Виталик любовно потрепал друга по волосам, пожелал удачи, выпили по половинке. Причмокнули, поставили стопочки рядышком.

– Матушка рОдная! Мы оружие не сдали, ё-ё-ё... – покачал головой Костик. – Надо было сюда на обра-атном пути заскочить. Ладно, твоё здоровье!.. Что ж, пошли, по дороге покурим...

Проходили уютным переулком мимо заводского Дома культуры. Когда ДК миновали, услышали сзади:

– Эй! Ребята! Костик, Виталик, подождите!

То были Ленка и Галчонок. Костя развернулся и пошёл им навстречу. Виталик за ним: «вместе пришли, вместе уйдём». Стоп! Показалось, или кто-то сказал: «Плохо придумал, солдат. Жалеть будешь...»

Галчонок с Костиком зашебетали, а Ленка направилась к Виталику. Шла, красиво переступая, ладненькая, в модных сапожках, смотрела ему в глаза не мигая и улыбалась, но так виновато, так устало. Подошла вплотную. Виталик поднял голову и увидел над собой то, что пожелал видеть, непременно здесь и сейчас: это Она… это Ирина…

– Застегнись, простудишься, – и, заметив, что он её не слышит, просунула руки под куртку, под пиджак и обняла его. Прижалась, положив голову на грудь, и прошептала:

– Хочу согреть тебя...

Чувствовала под тонкой тканью пальцами, ладонями его тело, гладила... не вытерпела и сжала до боли, пока не услышала короткий сдержанный стон. Уткнулась в вырез рубашки, вдохнула его запах, кусочек украденного счастья... вздрогнула:

– А это что?

– Так надо.

– Пойдёшь со мной?..

– Эй, парень, – услышал он сзади и обернулся. – Да, ты правильно понял. Подойди-ка... Ладно, могу и сам, не развалюсь...

– Не обращай внимания, он – псих, возомнил о себе...

К ним подошёл высокий, красивый курсант с сержантскими нашивками, с шевроном на рукаве – выпускник. Но вопросы он стал задавать не Виталику, а ей:

– Ты почему ушла? Что за фраер с тобой? Если брат – ладно, можете немного пообниматься. Если нет, пусть сваливает. А может, ему помочь? – посмотрел на Виталика и объяснил:

– Леночка – моя девочка, – улыбнулся: – Я не случайно в рифму. Наши отношения – песня, и песенку эту мы будем петь с ней вдвоём, помощник нам не нужен.

– Игорёк, сам вали! Ты что, всерьёз решил, что поеду за тобой на край света!? Что ты можешь предложить: Новую Землю, Красноводск, Байкал, Камчатку? Ну, куда ещё? Что, я дура последняя!? Виталик – это мой родной город, он – офицер, юрист, у него карьера, будущее...

– Папа со связями, да? Н-ненавижу...

– Он в Афганистане воевал, медаль, он всего в жизни сам добивается...

– Наверное, в «Чёрный Тюльпан» наркотики загружал...

– А за это, сержант, можно схлопотать...

– От кого? Ты – мне? – и Игорёк выплеснул в Виталика взглядом и интонацией полный ушат наглости.

Виталик тяжело задышал. А Игорьку только и надо. Он умело нанёс апперкот снизу, рука прошла в узком промежутке между шинелью и курткой, и кулак без промаха подцепил подбородок. Виталик обмяк и рухнул, на мгновение потеряв контроль над собой. Пришёл в себя и увидел перед собой Игорька, который, присев, с ядовитой ухмылкой шарил рукой по ледяной крошке в поиске своих часов с браслетом. Пистолет, почуяв нечаянную свободу, как когда-то Гамлет в той их жизни, дико обрадовался и, желая угодить своему хозяину, завилял хвостом и звонко рявкнул...

Тишина... Игорёк лежал с открытыми, застывшими глазами и больше не следил взглядом за Виталиком: «Наповал, блин... Жу-у-у-уть! Сон, сон, сгинь, оставь меня. Утром всё будет по-другому, будет смешно. Пистолет?..»

Виталик опустил пистолет на шапку. Первым подбежал начальник военного патруля:

– Кто стрелял?

Виталик передал ему своё удостоверение:

– Я стрелял, младший лейтенант Красин. Товарищ капитан, вот телефон, позвоните, пожалуйста, скажите, что произошло непреднамеренное убийство с превышением должностных полномочий. Пистолет на моей шапке.

Отыскал глазами Костика, кивком и глазами подозвал:

– Сходи ко мне домой, скажи что-нибудь Ирине Михайловне. А девчонкам передай, чтоб сматывались. В таких делах чем меньше свидетелей, тем лучше. Прощай...

Издалека услышал сирену. Подлетел уазик, выскочила оперативная группа из областного управления, впереди – полковник. К нему шагом, выражающим особое достоинство военного перед милицией, подошёл начальник патруля, отдал честь, передал удостоверение и заговорил, показывая на Виталика.

– Спасибо. Завтра, товарищ капитан, прошу к девяти ко мне в

управление. У нас спокойно в письменной форме изложите всё, что видели. Говорите, когда стреляли, были в вестибюле? Два, три выстрела, не помните? Ладно, разберёмся.

Походил вокруг, поднял с шапки пистолет, вытащил обойму, поднёс к глазам, поковырялся, вставил назад, отдал своим. Пришурившись, осмотрел Виталика:

– Да... Красин. Прибавил ты нам хлопот. Ну, рассказывай.

Виталик внешне спокойно, но отрешённо передал разговор с убитым, представив дело так, будто рядом вовсе никого не было, мол, разговор с курсантом о службе в Афганистане перешёл во взаимные оскорбления. Объяснил, почему с оружием. Показал ссадину на подбородке. Понял по шевелению носа полковника, что тот уловил запах алкоголя.

– Ладно, Красин, как доставим в управление, изложите подробно, – закончил разговор и добавил тихо, выделяя каждое слово: – Два. Первый – в воздух, – и крикнул своим властно: – Почему до сих пор не в наручниках?.. Знаю, что свой! Знаю, что никому ничего плохого не сделает. А себе может... Например, под машину броситься или важную улику уничтожить. Быстро надеть и усадить в уазик: у него стресс, еле на ногах держится! – Заметил Костика: – Младший лейтенант Лопарёнок! Ко мне бегом! Что вы здесь праздно шатаетесь? Где надо быть? – и перешёл на шепот: – Константин, ты тоже с оружием? И тоже пил? Вот ур-роды... Ладно, ладно... Поздравляю, желаю всего самого... – и громко для остальных: – Завтра утром, Лопарёнок, быть у меня под дверью. Марш отсюда! – Оглядел ещё раз место происшествия и выделил ответственного для выполнения обычной процедуры: – Майор Чижов, перепишите свидетелей! Начальника патруля не надо, завтра сам к нам зайдёт, – и оперативникам: – Ищите вторую гильзу, должна быть! Не растапливать же нам весь лёд, б-блин. Кто найдёт, тому – отгул!

Полковник заложил руки за спину и стал вышагивать по кругу: «Да, Красин, наделал ты делов, теряем мы тебя... Глупо... жа-аль... ах, как жаль... и глупо».

– Пуля, товарищ полковник! А за неё отгул не положен? Прошла навылет и на излёте провалилась в карман шинели. Слава Богу: её-то хоть не выплавлять. А гильзу, может, кто из зевак как сувенир взял, – пошли в ход шутки профессионалов. Работа закипела, никто им больше не мешал.

Костик с изменившимся лицом бежит к пруду. Громко хлопнув дверью, он выскочил из подъезда, спустился по ступенькам и сделал, спотыкаясь, несколько шагов. Обернулся, поднял голову и уставился на окно, где провёл три мучительных минуты... Неожиданно сверху донеслись сдавленный женский крик и стон, они отозвались неуловимым эхом в груди Костика, зажав ладонями уши, он побежал, криво скользя и падая...

В краю древнейшем, на Востоке...

Лариса ЮЛДАШЕВА

Тамарикс

Растет в пустыне тамарикс
красивый и ветвистый.
Взглянув, задумалась на миг,
тотчас возникли мысли...

Какой ажурный, нежный вид,
раскидистые ветви...
Алмазным тоненьким резцом
трудился скульптор меткий.

Природа создала шедевр,
легенду сотворила.
Точеный вырезан узор,
в корнях Вселенной сила.

Он терпелив, могуч, силен,
песчаник укрепляет.
Пронзает почвы твердой дерн,
от ветра защищает.

Не зря легенда или быль –
спаситель иудеев...
Он спас от голода их мир,
дал шанс в добро поверить...

Составить древо родовое
не просто – надо много знать:
поднять архивы и легенды,
родные души повстречать.

Вернемся к древу... Древо жизни
с каким растением сравню?
Есть дуб, орешник, кедр и вишня...
Я тоже очень их люблю.

Но тамарикс!! Восторг и трепет,
открытие и торжество!
Нашла свое я древо жизни.
Хотя... Кому как суждено...

Все решено. Без пререканий.
Я родословную свою
пишу на корнях древних знаний
и продолжения ищу...

И жду чудесного рассвета,
цветенья засухам назло...
Природа дарит вдохновенье,
а тамарикс несет добро.

Я призываю озаренье,
надежду, счастье, оптимизм...
Великолепные мгновенья
нам всем подарит тамарикс...

Лариса ЮЛДАШЕВА. Родилась в 1954 г. в Миргороде. В 1979 г. окончила Казанский медицинский институт. Работает врачом-терапевтом. Публиковалась в «Дворянском вестнике» (г. УФА).

Блины

Булунгур... Тихий сад… К нам пришли на блины,
ведь бабуля – хозяйка что надо.
Сладкий сливочный вкус, эти сытые дни
нас сближали, и все были рады.

В кухне жарко – нет сил, на дворе тридцать пять…
На Востоке нет гостя важнее.
И хозяйка хлопочет и жарит опять,
чтоб друзей угостить поскорее.

Гость в почете всегда, будет принят везде.
Так желанен на теплом Востоке,
как горячее солнце холодной зиме
как могучий отец у истока.

Все вниманье гостям, льется речь ручейком,
превращаясь в поток славословья...
Бесконечные чайники с крепким чайком
помогают не ведать безмолвья.

А блины! Аромат их заполнил весь двор…
«Угощайтесь, любимые гости...»
И хозяйка слезу вытирает тайком –
вспоминать все былое непросто.

Бесконечны вопросы: «Саулыгыз ничек?
Балалар? Каэфляр?» – многоточье...
Час за часом летит, исчезают блины...
Разговоры продолжатся ночью....

Ночь… Мерцание звезд...
Тепловозный гудок… разговоры стихают...
Уснули...
А поутру опять свежий ветер принес
«Суенче» из забытых аулов...

Я вернусь в Булунгур, где легенда и быль,
где протянут из прошлого мостик...
Там гудок тепловоза сквозь звездную пыль...
Там ушли наши милые гости.

Город, носящий название великого Навои...

Обозначенный шлейфом оранжево-красным...
трубы серые мечут фисташковый газ....
Город, выросший в зное, в пустыне опасной,
окруженный горами, прекрасен на глаз...

Но однако, пройдя по газону засохшему,
по асфальту горячему, кашляю в кровь...
Город-химик работает, очень навязчиво
заставляет отравой дышать меня вновь...

Там фонтаны немые застыли в конвульсиях
и космеи имеют оранжевый цвет,
розы пыльные плачут, тоскуя по осени,
ждут воды, словно манны, а дождика нет...

А на подступах – горы бликуют, сверкают,
драгоценных металлов и злата полны...
Много мрамора там и гранитные глыбы,
пламенеют под солнцем на склонах горы...

Город трудится много и тяжко болеет...
красоту затмевает оранжевый дым.
Город – нонсенс в пустыне – желанья лелеет,
о прохладе мечтая, под небом иным...

А в горах есть приметы и тайные знаки...
богом пущенный камень в те земли упал...
и забил из земли ключ прозрачный, холодный,
как подарок для тех, кто так сильно желал...

И святые места оросились водою,
в Нуратинских горах торжествует весна...
Город-нонсенс спасется, и в знойную пору
красоту освежает святая роса...

Возвращение

Прельщенный красотой цветущего урюка,
я ощутил в садах всю прелесть бытия...
Мне выжить помогла бесценная наука –
увидеть красоту в цветенье миндаля...

И, умирая во Сибири снежной,
мечтал о солнце, сладком кишмише,
о лете... о жене достойной, нежной...
Мечтал о счастье в изумрудном шалаше.

Мне выжить помогла молитвенная песня,
что слышал в детстве я в родном степном краю.
Мы выжили... Финала нет чудесней...
в прекрасной сказке средь цветов... в раю...

Живу теперь в садах, цветущих всюду,
работаю на станции, в глуши...
Вагоны, раскаленные под солнцем,
несутся, как посланники души...

А темные железные платформы
на стыках переменчивых гремят...
и болью начиненные составы
зовут меня на Родину, манят...

стальные рельсы, гибкие от зноя,
глаза слепят, уходят в никуда...
Там холм пустынный, на холме хоронят...
Приют последний... Там найдут меня...

Я верю, восстановят мои внуки
былых событий суть. Мир будет восхищен....
и по канонам праведной науки
я буду их молитвой воскрешен...

Поток сознания

Казань примерила хиджаб...
В тени старинных, узких улиц
Звучит загадочно рубаб,
И дни ушедшие вернулись.

На стенах Белого Кремля
мелькают тени-силуэты...
Прабабушки прошли вдоль стен...
Там их увидели поэты.

И на разломе двух эпох
мгновенно время повернулось.
Прабабушка, надев платок,
лицом к правнучке повернулась...

В зеленых скверах, площадях,
под сенью лип и у платанов,
В арабской сказке... «Бисмиллях...»,
в прохладе сладостной фонтанов...

Везде замечены они...
с своей особой жизни мерой...
Мелькает жизнь... мгновенья, дни...
и осенил их кто-то верой...

Вспорхнула песнь намаза ввысь,
блистают светом полумесяцы...
«Эпоха прошлая, вернись?..» –
«Ну, не несите околесицы...»

Прошедшего не возвратить...
И кто есть кто, понять так сложно...
Иллюзии... иль в наши дни
враги, укутанные ложью?..

Родные образы и звуки
ушли за бабушкой вослед,
А горький привкус от разлуки
достался внучке как обет...

Достались древние секреты.
КИТАБ, в которой был МИРАЖ.
Вселенной ДУХА нет предела...
и внучка – бабушкин типаж.

Рухабад[1]

Вечерний Самарканд, загадочный и темный...
Мы бродим наугад, забыв свои дела...
Играет музыкант мотив восточно-теплый...
В садах благоухает созревшая айва.

Ночь наступала быстро.
В небесной сфере звезды
приветы посылали восточным мудрецам.
Вдруг... темнота зависла и... знак свободомыслья...
Художник в мастерскую любезно нас позвал.

Он показал холсты, наполненные светом,
и все про «РУХАБАД» поведал тихо нам.
И мы, завороженные, притихли до рассвета,
покинув мир наш прежний, как надоевший хлам.

«Святыня на святыне» в том городе пророков,
повсюду мавзолеи – напоминанье всем,
что бренно наше тело, покорное природе,
лишь дух и сила духа нетленные совсем.

1 Рухабад – обитель духа (*рух* в переводе с тюркского – дух, душа, сила духа).

Янтак

Ноябрь, Казань... Зимы начало...
Поутру выпал белый снег...
Рефреном грустным прозвучало:
пророков... в этом месте... нет...

В краю древнейшем, на Востоке,
земле, хранящей много тайн, –
там захоронены пророки,
пришедшие из разных стран.

Лишь в Самарканде – древнем граде –
пророки в каждой махалле...
Там войн не будет, а награда –
покой, царящей на земле.

Мой дед в мученьях и скитаньях
прожил чреду тяжелых лет.
И путь земной свой завершая,
в стране пророков дал обет

Всевышнему над миром бренным,
Сверхразуму Вселенной всей...
А путь земной наш – неизбежен,
прописан в генах... без статей...

Судьба – фатальность, память предков.
Могилу деда отыскать –
святое дело в древнем граде...
Никто не скажет, где искать?..

Лишь сила воли и упорство,
что дед по генам передал,
Наш сильный дух и превосходство –
позволили принять удар,

Решить задачу с неизвестным,
невиданное распознать...
Святые силы всем помогут
могилу деда отыскать...

Всем символы по жизни светят,
их смысл нам суждено познать...
Приметы тайных парных знаков
помогут путь предугадать...

На старом кладбище узбекском,
средь неизвестных... на холме...
Лежит плита печальной вестью.
В сухой и глинистой земле...

И там растет с весны до снега
колючая трава – янтак,
раскинув мощные побеги, –
пустыни символ, верный знак...

Там, где Всевышний почитаем
и уважает сын отца,
Святые моши в саркофагах
и мавзолеи без конца...

Там беспредельные просторы
для силы духа и мечты,
Там города навечно строят!!!
А розы точно сорняки?..

Зима... В Казани нет пророков,
нет мавзолеев... Все снесли...
А в тихой улочке под снегом...
замерзли розы... их спаси...

РАННИЙ ЗОВ, ДОЛГИЙ ПУТЬ

Елена МИНАКОВА

Человек, идущий впереди времени и несущий в себе прошлое. Главные ценности жизни для него слиты с многовековой мудростью человечества. Не подумайте, что это громкие слова, – всё так и есть... Хотя, если бы сам он нас услышал, он бы сказал, как герой одного фильма: «У вас хватает смелости говорить правду...» В общем, человек среди людей.

В свою мастерскую, спрятавшуюся на задах Дома художника, что на улице Куйбышева в Екатеринбурге, он сопровождает гостей с веселым гостеприимством. Живо подмечает, что всё здесь напоминает потёмкинские деревни: за солидным фасадом Дома художника открывается картина постоянного многолетнего запустения. Вот здесь-то и работает мастер храмовой росписи, художник-монументалист Николай Шушалыков.

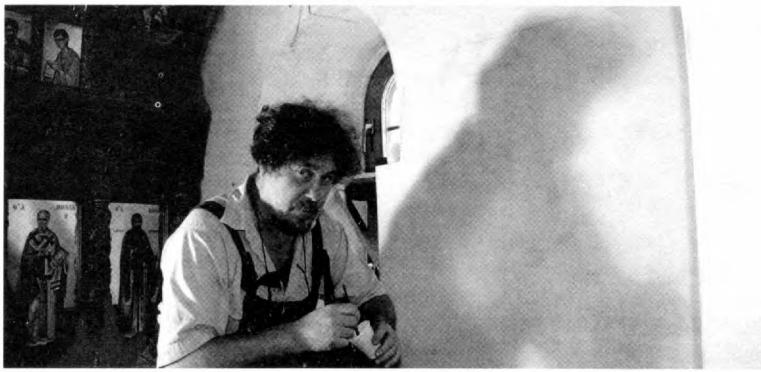
Его мастерская ничем не загромождена, никакими предметами нелегкой работы. Дышится здесь легко, высокий потолок смотрится куполом.

О художническом творчестве хозяина свидетельствуют стоящие на полу холсты с живыми красками. Особенно автор привязан к «Осеннему виду с барашками». Говорит, что это наиболее удавшееся его детище. Гордится и самой первой своей работой маслом. Это портрет матери Зои Максимовны, написанный в самой житейской обстановке, в родительской избе в 1986 году, сразу после окончания Свердловского художественного училища.

В большой широкой раме на стене живет балалайка с приникшей к ее телу кисточкой. Рядом стоит фортепиано. На крышке инструмента обращают на себя внимание икона Николая Чудотворца и рядом главные средства работы художника – палитра и тюбики. На стене возле окна еще одна композиция. Доска, привезенная с Афона, и над ней старые лабораторные металлические весы – настолько старые, что чашечки уже без дна. Доска вдохновила художника тем, что на таких и пишут иконы. Николай владеет искусством иконописи. Но эту привезенную с Афона доску он покрыл белой краской – она для него как белый лист, с которого всегда можно начать воплощение новой идеи.

Елена МИНАКОВА. Родилась в г. Омске. Окончила филологический факультет Тюменского госуниверситета Член Союза журналистов России. Лауреат премии «Золотое перо Тюменской прессы» (2002), двух премий Союза журналистов России «За профессиональное мастерство» (2003, 2005) за серии публикаций о людях глубинки. Работала в областной газете «Тюменские известия», в журнале «Уральский следопыт». В настоящее время – главный редактор журнала «Проталина».

В скромном уголке, что не сразу увидишь, приютилась медаль Святых Царственных Страстотерпцев II степени. В бумаге к этой медали значится, что награда дана Николаю Николаевичу Шушалыкову Русской православной церковью за учебно-просветительскую работу. Получил он ее в год своего 55-летия.



Николай Шушалыков

Вышло так, что его имя пожизненно связано с великим чудотворцем, и лик этого необыкновенного святого сопровождает художника во всех его замыслах. И происходит вот такое реальное чудо: куда бы он ни пришел с намерением работать, место это оказывается связанным с именем святителя Николая. Так было в 1994 году в городе Серпухове, где художник из Екатеринбурга написал икону Елисаветы и Варвары для храма Святителя Николая Чудотворца. В 2015 году он расписал трапезную в Троице-Никольском женском монастыре в Ташкенте. А самым удивительным оказалось то, что Николаю довелось работать в родном селе Беляево Кировской области, в храме Святителя Николая Чудотворца, который когда-то строил его прадед – зодчий Сергей Гордеевич Шушалыков.

Художник рассказывает: «Я ухаживаю за этим храмом по мере своих возможностей. Он деревянный, оштукатуренный, в нем хороший иконостас, живопись... недавно вот отметили его 120-летие. Храм этот действующий, хотя на селе осталось очень мало прихожан. По существу, отец Гавриил, настоятель храма, – один из последних жителей этого села. Да вот я тоже туда приезжаю. Мы с ним пытаемся сохранить это место живым. Он – батюшка – да я, чудак, – иконописец».

Есть у этого мастера картина с названием «Вид с покинутым домом». Это сущая реальность, потому что деревни Исакова, где родился Николай, уже не существует. Деревня эта располагалась в полукилометре от села Беляево, сейчас там сплошные заросли и останки былого. Несмотря на большое расстояние и постоянную занятость, Николай каждый год наведывается в родные края, помогает настоятелю и старается поддерживать избу, когда-то полную голосов.

Николай был седьмым ребенком в той большой семье. От прадеда,

Николай Шушалыков

зодчего Сергея Гордеевича, пошел род Шушалыковых. Дед Андрей Сергеевич сочетался браком с Пелагеей Васильевной. Она, бабушка Николая, будучи старостой церкви, часто водила внука в церковь и, по существу, то были первые его шаги к осознанию христианского мира. Николай еще малышом поднимался в хоры – слушал и смотрел, что делается. Говоря о родителях, Николай замечает, что «они были простые советские колхозники». Отец после войны работал председателем колхоза, но в то же время постоянно сидел за баранкой, так как водителей тогда было очень мало. Мать трудилась разнорабочей – это значит, что труд ее был далеко не легкий, да еще семеро детей!

Жизнь разбросала повзрослевших Шушалыковых по всей земле, но все они сохраняют родственное притяжение и время от времени собираются в опустевшей своей деревне.

Николай рано начал рисовать и лепить, однако служить своему призванию стал довольно поздно, в 24 года, уже после службы в армии, работы на Северном флоте. Успел побыть директором клуба в родном селе. При этом, по его собственным словам, он всегда чувствовал себя художником, именно живописцем. Выбрал он для себя художественное училище в Свердловске. Город оказался необычным, имеющим свое историческое лицо. Первое время Николай просто катался на трамвае, не мог оторваться от этого чудесного занятия, так как ему открывалась панорама города – улицы, переулки. В этом городе он не только учился – он работал камнерезом на ювелирном заводе, художником-оформителем на камвольном комбинате.

К слову, в училище Николай, как и великий помор, пришел в 1982 году уже переростком, и ему пришлось выдержать конкуренцию с хорошо подготовленными юнцами, да и учителя поначалу относились к нему без особого внимания. Но встречались ему и люди, которые поддерживали. Преподаватель Рошина взялась за него серьезно, с повышенной требовательностью – это способствовало тому, что Николай успешно сдал экзамены. А дальше были замечательные учителя Анатолий Калашников и Владимир Сысков.

Еще во время учебы Николай всерьез увлекся реставрацией икон и настенной живописью. Началось с того, что по его приезде в родную

деревню бабки, прознав, что он учится на художника, стали тащить ему поблекшие и потрескавшиеся иконы. «Подмазывать» не хотелось, а техникой еще не владел. Стал читать книги по иконописи. Договорился с одной из бабушек, что та ему библию даст, а он сработает, что надо, по иконе. Так состоялся «бартер», бабушке работа понравилась. А библию в старом дореволюционном переплете у Николая вскоре украли.

Первые его студенческие опыты были связаны с «монументалкой». Знаменитый свердловский мастер крупного письма Герман Метелёв в 1987 году пригласил Николая поучаствовать в работе над мозаикой «Времена года» (дом № 76, ул. Малышева). А в 1991-ом он принял участие в работе группы художников по созданию наружной мозаики «Снятие с креста» храма святого мученика Иоанна Воина в городе Омске.

Сразу же по окончании училища Николай стал преподавать в Свердловской художественной школе №1, продолжая активно участвовать в художественной жизни города и городских выставках. И ни разу не пожалел, что не замахнулся на дальнейшее обучение где-нибудь в столице. «Я просто понял, что не стоит мучиться. За эти же шесть лет я больше сделаю на свободе. И я уже через год после училища здесь, на Урале, получил заказ на роспись храма», – объясняет он.

Это была Судьба. Николай просто поделился с товарищем ощущением, что ему хочется расписать храм, хотя бы один. Товарищ собирался уезжать в Израиль и на прощание организовал персональную выставку. На выставке подошел к Николаю человек с расспросами об этом его желании – расписать храм. Человек оказался альпинистом, он только что побывал на Георгиевском камне, что находится на реке Чусовой около села Слобода. Там как раз начали обновлять храм Святого Великомученика Георгия Победоносца. Альпинисты помогали поднимать крест на крышу, устанавливали купола, с батюшкой познакомились...

Вот так и привела Николая судьба буквально по цепочке событий в его первый храм. С 1988-го по 1992 год он трудился здесь над росписью плафона, арок, проектированием и исполнением «одежд» для жертвенника и престола. На предложение батюшки Владислава остаться работать в мастерской при храме Николай ответил отказом, сославшись на то, что его привлекает живопись. А тот всё же возразил: «Ничего, это у тебя пройдет. Я тоже когда-то был студентом консерватории, в хоре подпевал, а в результате стал батюшкой. И ты никуда не денешься».

В 1998 году Николай вступил в Союз художников России, а через год, в 1999 году возглавил секцию церковного искусства.

Важной вехой в судьбе Николая Шушалыкова стали росписи духовно-просветительского центра «Патриаршее подворье» в Екатеринбурге и росписи алтаря придела Храма на Крови во имя Всех Святых в земле Российской просиявших. Этот храм, как известно, был построен на месте расстрела русского императора Николая II, его семьи и приближенных. Вспоминая об этой своей огромной работе, которая длилась с 2003-го по 2010 год, Николай замечает, что в ней заключена вся православная история России – от Рюрика до революции. Занимает панорама почти три тысячи квадратных метров, но места для советской поры не нашлось.

Были периоды, когда Николай работал как главный художник, возглавляющий по несколько бригад декораторов. Сам разрабатывал сюжеты,

оформлял интерьеры. География храмов, в которых есть его иконы и росписи, охватывает огромную территорию. На Урале это города Екатеринбург, Серов, Благовещенск (Красноуфимск). В Центральной России – Москва, Серпухов, Кировская область. В Поволжье – Алатырь, в Сибири – Омск, на Дальнем Востоке – Иркутск. И наконец, в Греции – монастыри Святой горы Афон, в одном из которых – православном монастыре Каракал – Николай и сейчас расписывает церковь Святителя Николая Чудотворца.

Совершилось то, что можно считать очередным чудом. Николай рассказал, с чего все началось: «Попал я на Афон, можно сказать, случайно. Особо туда никогда не рвался, хотя всегда говорил, что с удовольствием бы расписал храм за пределами России. Получил я это приглашение фактически заочно – я был тогда в паломнической поездке по городам древней Византии. Нашей конечной целью был храм, в котором служил великий святой Николай Чудотворец. Сейчас это в турецком городе Демре. В нашей группе были митрополиты Онуфрий и Владимир из Украины. Кто-то бросил клич, есть ли в группе кто по имени Николай. Откликнулись сразу несколько. А у меня были с собой мои православные работы – это вызвало интерес. Оказалось, что у отца Онуфрия чадо – тоже Николай – на Афоне работает, в келье. Простор там у них большой, могут принимать до девяти монахов. Вот тогда-то мне и предложили попробовать свои силы в росписи одной из афонских церквей с именем святителя Николая. На это служение я получил благословение самого Патриарха Вселенского».

Он считает себя православным художником. В разговоре о религии он очень скупо заметил, что не религия его притягивает и всё определяет, а вера, которая дает человеку уверенность...

Иногда надо прожить больше половины века, чтобы дойти до сути православия и этих простых истин. Только истинная вера дает силы и право человеку спасать живые родники нашей духовности, поддерживать погруженные в забвение храмы – такие, как, например, деревянный храм в селе Беляево. И не зарастет тропа прихожан.

ПОСТИЖЕНИЕ БОГОЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ТАЙНЫ

Имя Н. Н. Шушалыкова, екатеринбургского художника-монументалиста и иконописца, связано с возрождением и развитием русской иконописи конца XX – начала XXI в. В настоящее время художник известен далеко за пределами Урала и даже России.

Долгое время традиции иконописания и само церковное искусство едва теплились в творчестве старых мастеров немногочисленных центров иконописания и работах реставраторов. Новый закон РФ «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997) стал импульсом для развития церковного искусства.

В 1999 г. в Екатеринбургском отделении Союза художников России была создана одна из первых в стране секция церковного искусства, председателем которой стал Н. Н. Шушалыков. Задача возобновления прерванных традиций, формирования сегодняшнего церковного искусства очень сложна. Именно над ее решением работает коллектив художников секции. Бережно относясь к

сложившимся стилистическим традициям, творцы современного религиозного искусства вносят посильный вклад в решение фундаментальных проблем: богословское осмысление Священного Писания, глубина проникновения в образ, техническое мастерство, постижение «Богочеловеческой тайны».

В ситуации новых творческих исканий и воплощений особое значение приобретает творческая личность, способная создать нечто свое, новое, корнями уходящее в освященную временем традицию. Именно такие качества отличают иконопись Н. Шушалыкова, автора многочисленных храмовых работ[1], участника региональных и международных выставок и пленэров[2], награжденного медалью «Симеона Верхотурского» за утверждение православия на Урале и медалью «Во имя царственных страстотерпцев» за участие в православной учебно-просветительской деятельности. Многие работы Шушалыкова не имеют формальных аналогов в церковном искусстве, оригинальны, созданы самим художником на основе изучения древнерусских летописей, исторических фотодокументов, справочно-информационных изданий. Продолжая традиции иконописи, он активно интерпретирует их, углубляет образную характеристику святых, создавая лики, отличающиеся особым эмоциональным зарядом, психологической выразительностью и духовным наполнением. Образы Н. Шушалыкова – воплощение христианского мировоззрения в исключительно своеобразной шушалыковской творческой манере. Особое внимание уделяет художник глазам – зеркалу души, взгляд его святых живой, проницательный, умиротворенный, отражающий глубокое нравственное просветление. Лики его святых отличаются выразительностью, глубиной передачи внутреннего состояния, синтетично воплощающего экспрессию, драматизм, внутреннюю энергию и абсолютное спокойствие, безмятежность, душевную гармонию, доброту и всепрощение. Такие лики в гармонии с пластикой тел – позы, движения рук, выражение глаз, мимика лица –

1 1988 – 1992 – храм Святого Георгия Победоносца, с. Слобода Свердловской области; 1998 – создание иконостаса в часовню на месте отшельнического жития и успения святого Матфея Яранского (икона святого преподобного Матфея Яранского, житийные иконы); храм Успения Пресвятой Богородицы, г. Алатырь, Чувашия; роспись трапезной Свято-Троицкого монастыря под руководством монаха о. Пантелеймона, г. Алатырь, Чувашия; 2001 – 2002 – иконостас в храм Рождества Богородицы, г. Урай Тюменской области; архитектурный проект иконостаса – Иван Чашкин. Распятие на Голгофе с предстоящими фигурами Пресвятой Богородицы и Иоанна Богослова (2007); 2003 – 2010 – работы в духовно-просветительском центре «Патриаршее подворье»; 2004 – 2005 – роспись храма Святого Максима Исповедника, г. Краснотурьинск; 2017 – 2018 – храм Николая Чудотворца, Бангкок, Таиланд; 2015 –2019 – монастырь Каракал святой горы Афон, Греция; художественное оформление храма Александра Невского и трапезной женского монастыря, г. Ташкент и др.

2 1986 – «Традиционная осенняя выставка» СХ РСФСР, Свердловск; 1989 – региональная молодежная выставка СХ РСФСР «Какого цвета человек», Уфа; 1993 – республиканская выставка «Портрет в произведениях художников России». ЦДХ, Москва; 1994 – передвижная выставка клуба ЮНЕСКО «Круг», Екатеринбург; передвижная выставка российского реалистического искусства за рубежом. Галерея «РОС-АРТ», Амстердам, Париж; 1996 – XI международный фестиваль ледяной скульптуры. Харбин, КНР; 2004 – международный арт-пленэр «ART-UGRA 2004». Ханты-Мансийск, итоговая выставка участников. Выставочный зал ВТОО «Союз художников России», Москва; 2012 – международный пленэр «Сербия глазами русских художников». Белград, Сербия; 2018 – российское церковное искусство. Екатеринбург; 2019 – персональная выставка СХ, Екатеринбург и мн. др.

образуют органичное единство, отражающее христианское мировоззрение, которое придает смысл всему сущему, а страдание предстает как путь к совершенствованию.

Крещение Руси. Первые прославленные святые благоверные князья мученики Борис и Глеб.

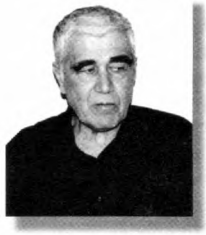
Иконописец мастерски использует богатую и многообразную палитру изобразительных средств: световые контрасты, яркие пробела, полутона, богатую цветовую гамму, сложные тональные отношения между фоном и общим колоритом изображения, демонстрируя не только глубокое знание технологии иконописи и дарование живописца, но и талант графика, миниатюриста, виртуозно владеющего декоративными приемами.

У каждого художника свой ареал обитания. Николай Шушалыков, уральский иконописец, чье творчество давно перешагнуло границы малой родины. Он известен в государствах ближних и дальних. Друзья, ученики, почитатели его таланта разбросаны по всему миру. Но он не собирается почивать на лаврах и шутит: «Меня еще ждут пока не построенные храмы в Арктике, но если когда-нибудь их построят, я обязательно возьмусь их расписывать».

В ноябре 2015 г. по приглашению главы Среднеазиатского митрополичьего округа Русской православной церкви митрополита Ташкентского и Узбекистанского Викентия Н. Шушалыков впервые приехал в Ташкент для выполнения рассчитанных не на один год работ по оформлению интерьера трапезной Ташкентского женского монастыря и художественному оформлению храма Александра Невского в Ташкенте. С тех пор Н. Шушалыков со своим коллегой А. Н. Чемакиным периодически приезжает в Ташкент работать над сложными и длительными по исполнению храмовыми росписями, представляющими безусловный интерес для культурного сообщества Ташкента – художников, искусствоведов, писателей, поэтов и всех тех, кто ищет смысл существования и находит живительную поддержку своих исканий в высшей духовности, которую несут работы уральских художников.

Клавдия Панченко

ЯСНЫМ ДНЕМ



Рассказ

Шухрат САКИЕВ

Зима была холодной. Мелкий колючий снег сыпал в лицо, неприятно покалывал, попадая на шею под воротник бушлата. Лес вокруг, придавленный бесконечным снегопадом, выглядел скопищем сугробов и холмов, среди которых стояли могучие сосны, терявшиеся вершинами в сером заснеженном небе. Под утро, когда крепчал мороз, сосны будто стонали, издавая треск, исходящий от корней и пробегающий по стволу к невидимой в снежной кутерьме кроне. Тут и там, уходя в глубину леса, раздавалось мощное и одновременно жалобное «тр-р-р-р-р-р!». Мы шли в темноте гуськом, утопая в снегу, пока лес неожиданно не расступился и стало светлее. По очертаниям поваленных деревьев и пней было ясно, как образовалась в лесу пустошь. Высоченные сосны вокруг стояли хмурой стеной, будто в траурном карауле по лежащим на снегу собратьям. Ближе к лесу находилась сколоченная из досок внахлест небольшая времянка с навесом и маленьким оконцем. На открытом пространстве нас построили колонной в три ряда и маршем подвели к времянке. Старшина скомандовал:

– Рота, стой! – и все разом остановились. – Без команды не расходиться! – приказал он и скрылся, плотно затворив за собой дверь неказистой теплушки.

В безлесье погуливал ветер, и от этого было холоднее, чем в лесу. На ресницах, бровях и под носом новобранцев выступил иней. Кирзовые сапоги, заскорузлые от мороза, легко пропускали холод. Без права покинуть строй и как-то размяться армейцы попрятали руки в глубокие карманы бушлатов и стали приплясывать или постукивать ногой об ногу, всем не терпелось скорее начать работу, чтобы согреться.

Наконец, появился старшина, за ним из времянки вышел высокий худой майор в шинели инженерных войск черного цвета. Он указал на вешки в снегу у пней, колею, ограниченную с двух сторон проволокой, в пределах которой нужно было выкопать траншею, и ушел опять в хибарку, в тепло. Старшина, распределил работу между командирами отделений, кто что должен делать и, приказав разойтись и приступить к работам, последовал за майором.

Мы разобрали лопаты, ломы, топоры, кирки, лежавшие вперемешку под навесом, и встали по три человека у пеньков, остальные расположились вдоль

Шухрат САКИЕВ. Родился в 1946 г. Окончил Ташкентский архитектурно-строительный институт. Работал преподавателем в художественном училище им. П. Бенькова, архитектором, реставратором в Институте реставрации и консервации памятников Узбекистана. Живет в Ташкенте.

натянутых проволок.

Энергично, стараясь согреться, расчистили колею вокруг пеньков от снега и взялись за штыковые лопаты, но они ни на сантиметр не проникали в глубь почвы, промерзшей, похоже, до снегопадов. Ломы и кирки, которыми долбили мерзлую землю, лишь высекали мелкие кусочки, обдававшие холодком, попадая на лица.

Пожилой, прошедший войну майор, наблюдал в окошко за бесполезной работой солдат. Зная, что они трудятся впустую, он не останавливал их. Обогреться было негде. Без движения они могли закоченеть, а то и отморозить себе носы или пальцы на ногах.

– Звякни еще раз, – сказал инженер старшине, гревшему руки над буржуйкой.

Ещё вчера он распорядился поставить на стройплощадку отработанные шины и недоумевал, почему их до сих пор не везут. «Вот бы дети завгара были среди них, так давно шины были бы на месте, – думал майор, наблюдая за копошившимися в морозной снежной метели мальчишками, не успевшими еще поднатореть в службе. – Поди, и портянки не научились ещё наматывать толком...»

Самосвал с полным кузовом различных шин появился через пару часов. Подъехав к времянке, шофер сбросил груз, выпрыгнул из кабины, слил в ведро бензин, подписал у майора какие-то бумаги и тут же уехал.

Инженер обратился к старшине:

– Накиньте колёса на пеньки и вдоль траншеи разложите. Прежде чем поджечь, плесните понемногу бензина.

Старшина, вышел из теплушки, прокричал об указании майора и, подождав, пока колёса разложат, поторопился доложить о выполненном поручении.

Резиновые шины, облитые бензином, разом вспыхнули и загорелись, выделяя вонь, копоть и тепло. Солдаты грелись у костров, поворачиваясь то спиной, то животом и потирая над огнем руки. Некоторые, усевшись в снег, сняли сапоги и, надев их на голые ноги, подсушивали над костром размотанные портянки. Под сгоревшими шинами обнажилась желтоватая песчаная почва, куда легко проникала лопата, и через пару часов мы довольно глубоко вкопались в глубь земли.

К полудню снег повалил пушистый, да так плотно, что в десяти шагах человек просматривался силуэтом. Уставшие и проголодавшиеся, работая на морозном воздухе, мы с радостью побросали лопаты, услышав команду «К построению на обед готовься!»

В столовую рядом с казармой нас вели строем по накатанной машинами заснеженной дороге.

– Запевай! – бодро приказал было старшина, но в ответ слышался лишь хруст снега под сапогами. Рота шагала молча, ощупывая вздувшиеся мозоли на руках. Молчаливый протест заставил старшину напрячься, но, делая вид, будто ничего не случилось, он продолжал командовать:

– Левой! Левой! Сагалаев, смени ногу!

В неотапливаемый щитовой деревянный барак завели нас сходу, в верхней одежде, не дав помыть руки. Старшина подождал, когда вся рота пройдёт за длинные столы со скамьями по десять человек с обеих сторон, и приказал:

– Снять головные уборы! Садись!

Положив ушанки на колени, мы торопливо принялись за щи, чтобы поскорее освободить миску для синеватой перловки с куском обжаренного свиного сала. Старшина, поглядывая на часы, вышагивал в проходе между двумя рядами столов. Через десять минут раздалась команда «Встать! Выходить строиться!» Нетерпеливые к чувству голода солдаты, наскоро проглотившие щи и кашу или не успевшие доесть, подбегали к хлеборезке и через амбразурку в стене просили:

– Лёвин, отрежь кусочек!

И Лёвин отрезал с такой насмешливо-презрительной улыбкой, что я навсегда зарёкся просить.

За одним из столов трое солдат, сидевшие друг против друга, перемигнулись и продолжали есть как ни в чем не бывало. Старшина повторил команду – ноль внимания. Они спокойно доедали свой хлеб, запивая сладким компотом. Тогда старшина подошёл к самому рослому:

– Рядовой Рахматуллаев! Приказываю встать и выходить строиться!

Прямое невыполнение приказа грозило арестом и отправкой на год или два в дисбат, срок пребывания в котором не засчитывался в положенные годы службы. Рахматуллаеву ничего не оставалось, как подчиниться. Вслед за ним встали и двое других. Эти ребята ещё в школе молодого бойца отличились подобным забавным экспромтом, который закончился так же, как и сегодня. Видимо, у армейских старшин со времён римских легионов сложился свой свод правил по усмирению своенравных подчиненных.

Стоявшая на морозе рота встретила опоздавших, из-за которых пришлось всем разойтись и становиться заново, неодобрительными взглядами.

После обеда нас опять повели на «объект». На сей раз старшина не рискнул приказать обычное при марше «Рота! Запевай!» Урок за непослушание был отложен до вечера.

За время нашего отсутствия дно траншеи покрылось снегом и не успело промёрзнуть. Копалось легко, и через пару часов со стороны не стало видно наших голов. Теперь, чтобы земля не скатывалась назад, её приходилось выбрасывать с большим усилием, стараясь перекинуть через гребень свежей насыпи. Размахивая совковой лопатой, полной тяжелого влажного песчаного грунта, стройбатовцы заметно устали. Светлокожий солдат с большими водянистыми глазами и прилипшими ко лбу рыжеватыми завитками волос, взмахивая лопатой, бледнел так, что, казалось, вот-вот рухнет, потеряв сознание. Он напомнил героя одного из рассказов Киплинга, отчаянно пытавшегося выбраться из песчаной ямы, осыпавшейся под ним при каждой попытке вскарабкаться наверх.

Весной, когда почва прогреется и высохнет, стены траншеи обвалятся, и всё придется начинать заново. Неужели инженер не знает этого?!

Я вылез из траншеи и пошел к избушке.

– Товарищ майор, разрешите обратиться.

– Слушаю, – ответил он, отложив в сторону чертеж.

Я рассказал о своих предположениях.

– Ты прав, сынок, – устало сказал инженер. – Доложи своему командиру. Было заметно, что ему не хотелось самому говорить об этом с войсковым начальством.

Капитан Довбыш появился на объекте под вечер. Невысокого роста, командир старался поднять себя в наших глазах надменностью, физической

силой, стерильной чистотой тела и безупречным блеском обмундирования. Чужеродной птицей, случайно опустившейся в стаю серых ворон, он пришёл на стройку в праздничной парадной шинели стального цвета с ярко-белым шелковым шарфом на шее. На концах воротника заметно чернели бархатные петлицы с золотистыми эмблемками рода войск, кажется, танковых. В новенькой светло-голубого цвета меховой шапке-ушанке, до блеска надраенных яловых сапогах и с хлыстиком в руке он напоминал немецкого офицера, принимающего парад вверенных ему войск.

«Нет глупее картины, чем браво шагающий солдат в новеньком обмундировании», – вспомнил я, улыбаясь саркастической фразе Эйнштейна.

Никак не реагируя на появление командира, все молча продолжали работать, погрузившись в свои мысли, не беспокоясь о целесообразности того, что они делают.

«Как можно получать от работы удовольствие, если трудиться неосознанно, не понимая, кому и какая от этого будет польза?» – думал я, выкарабкиваясь наверх.

Командир шагал вдоль траншеи, озирая поверх насыпи работающих на площадке солдат. Я подошел к нему, отдал, как положено по уставу, честь и сказал:

– Товарищ капитан, весной, когда землю прогреет, песок осыплется. Какой смысл мучиться сейчас? Может, лучше... Командир зыркнул на меня маленькими темными глазками на черепашьем, выбритом до синевы лице. Хлыстик в его руке, спрятанной в чёрную лайковую перчатку, вздрогнул. Я осекся, взглянув на хлыст глазами испуганной лошади. Трудно будет снести оскорбление от удара хлыстом… Но… он не посмел, лишь бросил брезгливо:

– На место! Работать!

Уже стемнело, когда остановили работы и строем привели нас в казарму. Ещё не все успели умыться, а уже надо было выходить строиться на ужин.

С самого начала марша к столовой раздалась команда «Запевай!»

Уставшая рота, теперь ещё и по инерции упрямства, шагала молча, – авось сойдет, как и днём. Старшина выждал, когда мы дошли до столовой, остановил роту, развернул и повёл назад. Перед казармой распустил нас и тут же велел строиться заново.

Холод и голод не тётки – и рота с повторного марша вразнобой подхватила пение голосистого Варакcина:

...раз, два, три, калина,
Чернявая дивчина
В саду ягоды рвала…

В казарме, таком же бараке, что и столовая, куда нас завели после ужина, было тепло. До построения на вечернюю проверку оставалось немногим более часа. Хотелось прилечь, дать отдохнуть ногам и спине, но к кроватям до команды «отбой!» лучше не подходить. Зашедшие в казарму первыми заняли табуреты и сидели на них, прислонясь к зелёной панели стен.

В ленкомнату, где солдаты лежали на скамьях, выпрямив спину, вошёл сержант.

Ты, ты, ты, – указывая пальцем, он выбрал семерых и повёл за собой в умывальную комнату.

– Среди вас есть сантехник? – спросил он.

– Я сантехник – отозвался один из них.

– Будешь главным. В котельной авария. Надо быстрее ликвидировать, иначе замёрзнем.

Котёл отопления находился в сторонке от умывальной комнаты, в приямке глубиной метра два. Всплески на поверхности воды, затопившей приямок, подсказывали место, где прорвало трубу.

Плавать все можете? – посмеиваясь, спросил назначенный главным. – Ну, кто полезет первым?

– А-а-а… – отчаянно выдохнул невысокого роста Покусаев и спустился в приямок, оказавшись по грудь в ледяной воде. Поочерёдно, сменяя друг друга, мы вычерпывали пожарным ведром воду, пока не обнажилась течь. Сантехник заколотил отверстие, откуда струилась вода, деревянным клинышком, затянул его проволокой, чтобы не выбило, и доложил сержанту, что авария устранена. Сержант сказал об этом командиру, и тот прошёл в умывалку убедиться, что котёл можно запускать. Увидев нас мокрыми и в сапогах, хлюпающих водой, он вдруг, выпучив глаза, выпалил:

– Благодарю за отличную службу!

– Служим Советскому Союзу! – хором выпалили мы.

– Сержант, разбуди каптенармуса, пусть выдаст сухое бельё. – Затем, обернувшись к нам, добавил: – Сапоги и мокрое обмундирование – в сушилку, и спать, немедленно!

...Так закончился первый день в армии, в военной части, куда нас направили после месячного курса школы молодого бойца.

Попавшие после принятия присяги в суровые условия жизни и осознавшие, что оказались в капкане, откуда не выбраться, солдаты ходили мрачные. Подавленному настроению способствовала и погода. Всю зиму на небе не появлялось солнце. Снег без лыж, коньков и свободы, которая, казалось, потеряна навсегда, не радовал нас. Впервые наши глаза повеселели в конце зимы, когда солнце, прорвавшее серую пелену неба, оживило снега вокруг мириадами золотистых искорок. А с началом весны со вздохом облегчения мы узнали, что Довбыша переводят в другую часть с присвоением очередного звания. Место командира роты занял капитан Плужников. Он пришёл в роту дождливым днём в резиновых сапогах и полевом обмундировании, в накинутой на плечи офицерской плащ-палатке. Лицо его казалось усталым. Глаза маленькие и темные, как и у Довбуша, но в них не читалось злобы или ограниченности, свойственных людям, избравшим военную профессию. Отношение к нему складывалось не сразу, а по мере того как он проявлял себя по службе. Однажды во время политзанятий в гуще дубравы стала каркать ворона, будто передразнивая читавшего лекцию командира.

– Ружо! – произнёс он.

Старшина бегом приташил из ротной канцелярии мелкокалиберку. Командир перехватил ружьё правой рукой и медленно, не отрывая глаз от записей в тетради, повёл стволом. Щелчок – и ворона, скрывавшаяся в густой листве высоченного дуба, шлепнулась на землю. На слух! Метров с пятидесяти – и в десятку! Мы замерли от восхищения.

На днях подвыпивший офицер соседней части пальнул из пистолета в солдата, убегавшего в самоволку и не подчинившегося команде «стой!». Стрелял в ногу, а попал в спину, навылет...

С появлением нового командира не полегчало, дисциплина стала даже жестче, суровее. Без всякого суда или солдатского собрания он отправил новобранца, призванного в армию на второй день после свадьбы за повторный побег с территории части, в дисциплинарный батальон. Молодой, красивый поляк Давыдовский, не насытившийся счастьем с любимой, только успел произнести:

– За что?! Я к жене уезжал! Я люблю её!

Беспощадная строгость сочеталась в Плужникове с отеческой заботой о подчиненных. Он определил в госпиталь солдата со сращенными на обеих руках средним и безымянным пальцами, другого отстоял от ареста и отправки в дисбат у генерала – командира ракетчиков, заставшего его с зажженной сигаретой в зоне строгого режима, позволил ему посещать вечернюю школу при гарнизоне.

Тагиров, призванный из театрального института, больше других тяготился службой. Мучение, как у хронически больного, отражалось на его лице. Как-то он поведал:

– Ты знаешь, он подозвал меня к себе и говорит: «Смотрю, тебе тяжелее всех приходится. Ну что ты, один здесь, что ли?» Я думал, что они только наказывать да приказывать умеют, а он, как отец родной, посочувствовал. Знаешь, у меня отлегло. Он – человек, с ним можно жить.

Прошедший войну с самого начала рядовым и до победы в Берлине уже старшиной, Плужников служил настороже («Помяни моё слово – война еще будет, и начнут её немцы…»), всегда готовый принять бой или пойти в атаку вот с этими самыми ста двадцатью солдатами, находящимися под его непосредственной властью; с этими девятнадцатилетними мальчишками, которые добровольно, а не как положено по уставу, хотели бы защитить командира грудью.

Случалось видеть его спрятавшимся за деревом и наблюдавшим, кто и как себя ведёт. «Этот, длинноногий, которого прозвали Локатором за широкие оттопыренные уши, – парень честный, за что страдает порой от своих же. Он не подведёт, а вот старослужащий Мадаминов – тихоня и вроде исправный солдат, но чёрт его знает, что у него в голове…» – делал в уме пометки командир.

Годы войны прочно засели в его памяти, и он не имел права допустить, чтобы его рота была застигнута врасплох, как в том сорок первом...

«Солдат должен уважать командира и бояться его», – повторял ротный слова Чапаева, и сам придерживался этого правила.

Постоянное чувство страха и подавленности (нельзя то, другое, третье и – не рассуждать!) после трёх лет службы сказывается на психике и отражается на лице легкой окаменелостью, за которой прячутся осторожность, затаённая боязнь и долготерпение. Бывшего солдата, зэка, детдомовца, если быть внимательным, нетрудно отличить от остальных.

Тяготы, армейской жизни пройдут, забудутся со временем, думал я, но как быть с очерствением сердца, огрублением души, умственной деградацией?.. Когда с тёплыми апрельскими дождями сошёл снег, в свободное время, которое предоставлялось нам раз в неделю на три-четыре часа, я повадился убегать в лес, где отводил душу, воображая себя свободным, вольным человеком. Вот и сегодня, в воскресение, когда нас не выводят на работу, день кажется не таким гнетущим, как обычно. В одиннадцать нас вывели на бетонку. Вся рота, включая командира, должна была наперегонки пробежать километровую дистанцию. «Бегом марш!» – скомандовал старшина и мы толпой неуклюже рванули вперёд. Первым пришёл к финишу длинноногий сержант Субачус, вторым с небольшим

отставанием – командир роты. Если бы пробег был трехкилометровым, лидером, судя по дыханию, был бы Плужников.

Пробежка взбудоражила роту: обсуждали, кто как бежал, и все отмечали ротного, обогнавшего при своём возрасте и весе всех. После обеденной проверки, дисциплинированные солдаты получили увольнительные записки, позволяющие в течение шести часов находиться за пределами расположения части, остальным до построения на ужин предоставлялось «личное время».

Денёк выдался хороший – тёплый, солнечный, ласковый, и я предложил Недочукову:

– Мамаша, айда в лес.

Степенный Толян, называвший меня сынком (я был явно ниже его ростом), внимательно посмотрел на меня, оценивая предложение.

– Что ж, пошли.

На задворках столовой мы проползли под проволокой, спустились с пригорка и углубились в лес.

С Мамашей мы любили при случае пофилософствовать, оказавшись наедине, не тяготились друг другом.

– Что за пятно у тебя на руке? – спросил я.

– Это, сынок, на целине случилось. Поспорил по пьянке, что прожгу рублёвую бумажку на руке сигаретой. И прожёг: кисти чуть не лишился, до костей дошло.

– Очень больно было?

– Попробуй сам.

Я положил на наружную сторону ладони рубль и поднёс раскуренную сигарету. Через несколько секунд пришлось отдёрнуть руку из-за нестерпимой боли. Сумасшедшим надо быть, чтобы выдержать такое. Я посмотрел на Толика: ну и характер у Мамаши, не человек – кремень! Это же настоящая пытка. Может, настолько пьян был? Нет, всё равно это характер. Я бы такое ни за что не выдержал.

Далеко позади мне послышались голоса.

– Мамаш, это не нас зовут?

– Да кому мы с тобой нужны?

– А как на целину попал? – спросил я, прислушиваясь к едва доносившимся голосам.

– Как? Добровольно, тогда все ехали. А мне нравилось. Я на тракторе работал. Особенно ночную смену любил. Представь себе: широкая без конца и края степь под звёздами, и ты один пашешь землю. Однажды ближе к утру чувствую, что засыпаю. Стал неточно класть плуги на разворотах, а просветов невспаханных нельзя допускать – решил ехать в МТС поставить трактор. Еду в полусне, а надо было речку переезжать. Мост узкий, временный. Проехал, с трудом размыкая глаза. На другой день подошёл к мосту, смотрю – одна из гусениц всего сантиметров на пять по мосту проехала. Если б свалился, хана была бы…

Сзади вновь послышались голоса. Мы умерили шаг и повернулись. Навстречу спешили, догоняя, женщины:

– Почекайтэ трошки, робя! Да не бийтэсь вы нас! Ничего с вами не сделаем, старые мы уже, стойте!

Приблизившись, они весело заговорили на вполне понятном для русского слуха украинском языке:

– Маёвку решили в лесу провести. День-то какой хороший! Одним скучно. Не откажите: выпейте, закусите с нами!

– Спасибо, не откажемся, – разом, улыбаясь, ответили мы, вспомнилась фраза из «Войны и мира»: «Солдат никогда не навязывается, но и никогда не отказывается».

Женщины расстелили на травке скатерку. Мы скинули бушлаты, чтобы они могли сесть, а сами сгребли сухую опавшую хвою и расположились напротив. Откинув рукавишник, одна из женщин вытащила из лукошка хлеб, соль, сало, лук и яйца. Разлили по стопочкам самогонку. Выпили за здоровье. Повеселели.

– Долго ещё служить-то?

– Первый год служим, – ответили мы.

– Не тяжело?

– Нормально, сойдёт.

– Не женаты ещё?

– Не, не женаты.

– Ну, давайте ещё по рюмочке!

Согретые людским вниманием и спиртным, мы сидели счастливые, прислушиваясь к журчанию женских голосов, от которых уже стали отвыкать.

Я вскользь поглядывал на женщин. Им было от сорока до пятидесяти. Лица и руки простые, обветренные на сельхозработах, но доброта и открытость делали женщин привлекательными. Неожиданно одна из них, глядя на нас, заплакала, запричитала, а следом и другие. Будто у них разом от самого сердца прорвалась одна на всех боль.

– Ой, сыночки, если снова случится что, не оставляйте нас!

Они просили. Просили искренне, умоляюще, плача. Мы растерялись, поняв причину их стенаний: к нам обращались как к солдатам в форме времён прошедшей войны, и, смутившись, лепетали в ответ:

– Ну что вы, что вы, не оставим...

Я живо представил полыхающие после немецкого артобстрела хаты, вой самолётов в небе с чёрными фашистскими крестами; стариков, женщин, детей, стоящих у дороги, и наших изнурённых, израненных, зачастую в обмотках вместо сапог и с палками вместо винтовок солдат, идущих на восток, вслед которым слышались крики: «Куда же вы, родненькие! Ой, не бросайте! Не уходите! На кого вы нас оставляете!?»

Это не кино было. Вот они, живые, те самые украинские женщины, измученные годами оккупации, сидели передо мной. И война будто опалила меня, дохнула всем ужасом, так точно переданным в «Гернике» Пикассо.

– Извините нас, сыночки, простите, – вытирая слёзы, приговаривали они.

Мы молчали, не зная, что сказать.

Женщины потихоньку успокоились.

– Закусывайте, закусывайте ребята! Что же вы ничего не едите?

– Спасибо, пора нам, – сказали мы, глянув на закатное за деревьями солнце; выпили на посошок, поблагодарили женщин и распрощались.

– ...Ох, и лютовал, видимо, в этих местах фашист, – задумчиво произнёс молчавший всю дорогу Недочуков, когда вернулись в казарму...

Через год после этой встречи в лесу я получил первую и последнюю увольнительную за годы службы и поехал в Тригурское охотство километрах в тридцати от части. Накануне мне пришло письмо от сокурсницы, просившей

осведомиться по указанному адресу о женщине по имени Роза и, если встречу её, передать вложенный в конверт листочек – адресованное ей когда-то письмо с фронта. Она должна была работать в госпитале хирургом.

В посёлке Тетерево на улице Будённого 7 в одноэтажном каменном строении вместо госпиталя находилась начальная школа. Я зашёл туда выяснить, не располагался ли здесь когда-то госпиталь. Директор школы, приятная моложавая женщина, сидевшая за столом в своём кабинете, встретила меня радушно:

– Здравствуйте, проходите. Вы у нас учились?

– Нет, не учился, я ищу госпиталь…

– Да-да, здесь когда-то был госпиталь. Алевтина Петровна, – обратилась она к учительнице, сосредоточенно просматривающей классный журнал, – вы не поможете солдату, его госпиталь интересует?

– Госпиталь? Да, конечно, чем смогу... Подождите, пожалуйста, в коридоре. Я скоро освобожусь, и мы побеседуем с вами.

Алевтина Петровна, оказалось, работала в этом госпитале лаборанткой и хорошо знала Розу, о которой лестно отозвалась.

– В 50 году госпиталь перевели куда-то на Волгу, но адреса у меня нет. Вы можете в военкомате спросить.

– Не подскажете, где он находится?

– Это рядом – в начале улицы, кажется, до пяти работает.

Время было около пяти, я благодарно попрощался с учительницей и поспешил в военкомат, где застал военкома, уже опечатывающего двери. Узнав о причине моего посещения, полковник приказал следовать за ним и, прихрамывая, пошёл по коридору. Открыв ключом дверь с табличкой «Военный комиссар», он вошёл в кабинет и пригласил меня.

– Садись, рассказывай, – велел он, сев напротив за большой письменный стол.

Я подробно изложил, почему ищу госпиталь.

– Так тебе Роза нужна? – спросил он, будто несколько смутившись.

– Да – подтвердил я. – У меня письмо к ней, фронтовое ещё.

– Письмо с тобой?

Листочек, вложенный в конверт, был, собственно, копией письма. Сокурсница писала, что оригинал хранится у её матери, боявшейся потерять последнее письмо не вернувшегося с войны брата. Я протянул листочек комиссару. Он надел очки и стал читать.

Листочек в его руках стал заметно подрагивать.

– Вот оно как... – произнёс он, возвращая письмо, затем вытащил из сейфа коньяк, плитку шоколада и две рюмки.

– Выпьешь со мной? – спросил, кивнув на бутылку.

Я понимал, что не успею вернуться в часть вовремя, но согласился.

Пару выпитых рюмок коньяка совершенно не опьянили нас. Полковник вытащил из кармана кителя записную книжку, развернул её и протянул мне. На развороте обложки была вклеена фотография молодого красивого офицера, в котором узнавался комиссар, и девушки в военной форме.

– Это Роза, – сказал он, разливая по рюмкам. – На фотографии это незаметно, но стоило хоть раз взглянуть на неё... Мы выздоравливали уже оттого, что она входила в палату: умирать не хотелось. …Роза вытащила меня с перебитыми ногами с поля боя, – рассказывал комиссар. – Я влюбился в неё

до умопомрачения. Ты молодой и должен понимать, о чём я... Отказа не было, нет. Она зарделась, вспыхнула, услышав моё признание. «Лейтенант, дорогой, – слушал я сквозь помутневшее сознание, – любимый мой человек пропал без вести в боях под Москвой, и я буду верна, пока не найду его живым или мёртвым...»

– На букву «р» её адрес. Переписывай. Ты кем приходишься Розе?

– Никем. Я по просьбе знакомой девушки, дочери сестры её друга.

– ...Вот оно как, – повторил комиссар, наполняя рюмки.

– Ты сегодня вернул меня в молодость, – сказал он, вытирая платком покрывшееся капельками лицо.

Мы выпили, и я, сославшись на время в увольнительной записке, попросил разрешения идти. Автобус в направлении Высокой Печи давно уехал. Пешком и на перекладных добрался до части с опозданием на восемь часов. Командир без лишних вопросов заполнил листок об аресте на 10 суток и отправил меня на гауптвахту. В одиночной камере я не раз перечитал письмо сокурсницы и вложенный в конверт отдельный листочек. Она писала, что её дядя по матери Урманов Джавит Абдулович добровольно мобилизовался в ряды Советской Армии с 4 курса Уральского индустриального института 27 июля 1941 г. и, пройдя курсы истребителей танков, получил звание лейтенанта. В этом же году, 13 августа, от него было письмо. Из этого письма она выписала следующие строчки: «Дорогая мама, я очень прошу, не беспокойся за меня, ведь я не один. Будь спокойна, родная моя. Мы, студенты, воспитанные, обученные Советской властью, могли ли продолжать учёбу в институтах, когда враг нагло лезет в нашу страну? Нет! Мы должны уничтожить врага!»

Последнее от её дяди письмо, так взволновавшее военкома, было от 29. 01. 42 г., адресовано оно девушке. Письмо, которое я должен был передать адресату, врезалось не в память даже, а в сердце – чёткое, короткое, как приказ командира, написанное, похоже, в спешке в промежутке между боями.

«Розочка, ты должна понять, что охотиться за вражескими танками будет нелегко, всегда придётся находиться в опасности. Я и мой отряд обязаны стремиться уничтожить как можно больше танков врага, ясно, что мы всегда будем под обстрелом. Быть может, это моё письмо последнее. Желаю тебе здоровья, успехов в твоей только начинающейся самостоятельной жизни. Пройдут дни, недели, месяцы, и на страницах печати, может быть, прочитаете о подвигах истребителей танков, геройски уничтожавших вражеские танки, погибших за Родину, за матерей, отцов, сестёр и за тех, кого любили, в их числе, быть может, буду и я...»

Последнее послание боевого офицера к любимой и слёзы женщин на маевке в лесу были следствием одной войны. Я сопоставил их, себя, оказавшегося в неутихшей еще атмосфере прошлой войны, и почувствовал прямую ответственность за то, что было, и то, чего не должно больше случиться.

...Если бы письмо от сокурсницы пришло до маёвки, я не мямлил бы растерянно, не зная, что ответить на мольбу и слёзы переживших оккупацию женщин, а твёрдо успокоил бы их:

– Нэ лякайтэсь, мамо, мы никогда вас больше не оставим. Никогда.

...Время властно над нами – и судья наш, и лекарь, и забвение...

Прошли непростые армейские годы. Не стало армии и страны, которым я присягал. Многое стёрлось из моего сознания, но память сердца о далёкой маёвке в лесу и прощальные строки бойца к любимой девушке забыть невозможно.

РОМАНТИЧЕСКИЕ «ФАНТОМЫ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Маргарита ШИН

В русской, как и мировой, литературе всегда наблюдался интерес к женским образам, особенно загадочным, неоднозначным, таинственным. Таковыми являются специфические образы ведьм, окутанные тайной и постоянными загадками. Существовали ли они или это предрассудки и беспочвенные слухи – точно сказать нельзя. Инквизиторские костры, гонения, суды вне здравого смысла могла навлечь на себя женщина якобы из-за злого духа, повелевавшего ею. Мракобесие и глупость вершили судьбы людей, только потому что они от рождения были наделены внутренним чутьем и особыми способностями. Люди презирали и боялись их.

Слово «ведьма» произошло от глагола «ведать», т. е. знать, быть осведомленным в каком-либо вопросе. В большинстве славянских сказок ведьмами были страшные, злобные старухи, жаждущие плоти живых детей, олицетворяющие истинное, неподдельное, зло.

Таковы ведьмы у Н. В. Гоголя в повестях «Майская ночь, или Утопленница» и «Вий». Однако все они обладают непревзойденной красотой: мачеха дочки мельника («Хороша была молодая жена. Румяна и бела собою была молодая жена; только так страшно взглянула на свою падчерицу, что та вскрикнула, ее увидевши...»), дочь сотника («Перед ним лежала красавица, с растрепанною роскошною косою, с длинными, как стрелы, ресницами»). Они могли оборачиваться животными («...страшная черная кошка крадется к ней; шерсть на ней горит, и железные когти стучат по полу») либо старухами (Гоголь Н. В. Собрание сочинений. М., «Хуж. лит.», 1967. Далее все ссылки будут приводиться по данному источнику).

Во время охоты глаза ведьм, по свидетельствам жертв, преображались, например, Хоме Бруту показалось, что глаза ведьмы «... сверкнули каким-то необыкновенным блеском»; она «...вперила на него сверкающие глаза». Или удалому казаку Левку «...почудилось, будто у ней (ведьмы – М. Ш.) выпустились когти и на лице ее сверкнула злобная радость». Все ведьмы при жизни старались причинить кому-то боль,

---

Маргарита ШИН. Родилась в г. Ангрене в 1996 г. Окончила факультет зарубежной филологии НУУз. Магистрант кафедры Мировой литературы (Литературоведение. Русская литература).

высасывали жизненную энергию из своих жертв, однако и им воздавалось по заслугам, и их жертвы тоже были не из робкого десятка. Хома Брут оседлал ведьму и проехался на ней, да так, что довел ее до гибели: «Наконец с быстротою молнии выпрыгнул из-под старухи и вскочил в свою очередь к ней на спину. Он схватил лежавшее на дороге полено и начал им со всех сил колотить старуху». И падчерица также сумела постоять за себя: «На стене висела отцовская сабля. Схватила ее и бряк по полу – лапа с железными когтями отскочила, и кошка с визгом пропала в темном углу». Несмотря на то что ведьмы были дьявольски красивы и влекли к себе, как магнит, их таинственная сила была возможна лишь при лунном свете, но не при солнце. Рассвет был способен развеять злые чары и остановить силы зла: «...рассвет загорался, и блестели золотые главы вдали киевских церквей»; «Но в то время послышался отдаленный крик петуха. Труп опустился в гроб и захлопнулся гробовою крышкой». А мачеха дочери мельника тоже после своей смерти не давала покоя своей падчерице, и всеми силами старалась причинить ей вред: «...я знаю, я слышу, что она здесь. Мне тяжело, мне душно от ней. Я не могу чрез нее плавать легко и вольно, как рыба. Я тону и падаю на дно, как ключ. Отыщи ее, парубок!», – молит падчерица.

Все гоголевские ведьмы – воплощение зла и служат ему самоотверженно, но на их пути всегда оказываются отважный парубок-авантюрист или храбрая панночка. Однако не всегда получается противостоять злу, сохранить свои жизни. Субстанцией образов ведьм становится глубокое, жалящее изнутри, чувство мести людям за то, что они есть, жажда выместить свою злобу, лишить жертву жизни.

Абсолютной противоположностью гоголевским «исчадиям ада» является королева бала ста королей Маргарита у М. А. Булгакова.

Во-первых, из обычной женщины ведьмой она становится из-за воздействия крема, переданного ей Азазелло. Этим Булгаков хочет подчеркнуть, что в каждой женщине есть задатки ведьминского огня, стоит его только разбудить. Удушающее чувство одиночества, несмотря на то что она имела все, отчаяние и скорбь из-за потери мастера, охватившие ее, — вот что мотивировало Маргариту, решиться на такой безрассудный шаг. В прощальном письме к мужу она указала на причину своего внезапного ухода: «Я стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших меня»[1]. Крем не столько омолодил ее внешне, сколько вытащил ее из того духовного капкана, где она была узницей долгое время. Внутренний стержень не был надломлен, а потому и придал ей свежие силы в борьбе за любовь: «...в ней во всей, в каждой частице тела, вскипала радость, которую она ощутила, как пузырьки, колющие все ее тело. Маргарита ощутила себя свободной, свободной от всего». И все-таки первый ее шаг был продиктован местью, но местью, в основе которой было чувство справедливости. Погром в квартире критика Латунского был заслуженным ответом за полную уничижительности и неверного понимания статью, не стóящую и одного слова из романа Мастера.

Во-вторых, Маргарита думает вовсе не о себе, а, в первую очередь, о своем возлюбленном, все ее намерения направлены только на освобождение

1 Булгаков М. А. Роман «Мастер и Маргарита» М., «Худ. лит.», 1967. Далее цитаты будут приводиться по этому источнику.

автора: «Я знаю, на что иду. Но иду на все из-за него, потому что ни на что в мире больше надежды у меня нет». Возможно, здесь у читателей может сложиться двоякое мнение о честности и супружеской верности Маргариты. Однако она до последнего вздоха своей земной жизни думала и беспокоилась о муже, от которого, кроме добра, ничего никогда не видела.

Ее человеколюбие и глубокое самопожертвование распространяются не только на Мастера, но и на людей, которые даже незнакомы ей. В качестве благодарности за ее долгую ответственную роль хозяйки бала Воланд предложил ей услугу, но и ею готова была она пожертвовать ради бедной Фриды и своего Мастера: «Я попросила вас за Фриду только потому, что имела неосторожность подать ей нетвердую надежду. Она ждет, мессир, она верит в мою мощь».

Ей несвойственно стяжательство, об этом свидетельствует ее обращение к Наташе: «...берите на память. Все забирайте, что есть в комнате». Коровьев весьма туманно намекнул на причину выбора хозяйки бала, но и этого намека хватило, чтобы осознать тот факт, что именно Маргарита является далекой родственницей, возможно, самой французской королевы Марго, владычицы Бургундии и Наварры. Она вела себя достойно и величественно с гостями на балу, осознавая свою власть, не давала воли высокомерию и злу, даже со слугами вела себя подобающе, снисходительно, вызывая любовь. Ее гордость была достойна подражания, сам Волланд похвалил ее за это.

М. А. Булгаков, несомненно, придал образу ведьмы новые нюансы. Отдав дань традиционному изображению ведьмы в образе Геллы, полностью походившей на ведьм Н. В. Гоголя, он представил свое новое видение этого древнего типа в образе ведьмы Маргариты. Несмотря на то что внутренне в ней борются зло и добро, добро и врожденное чувство справедливости берут верх и позволяют достойно выйти из мучительного испытания. Эпиграф к роману, вне всяких сомнений отражающий специфику характеров персонажей романа, особенно подходит для дуалистической натуры Маргариты: «Часть силы той, что без конца // Творит добро, всему желая зла»[1].

Итак, образы ведьм на протяжении времени мотивируются, обогащаются новыми качествами, усложняются, обрастают художественными нюансами, превращаясь в полноценный художественный образ, социально и психологически мотивированный.

1 Гете И. В. Фауст. – М., 1989. – С. 5.

ФАКТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ УЗБЕКИСТАНСКИХ КОМПОЗИТОРОВ

Алина КУТЛУЧУРИНА

Исследование фактуры в творчестве современных композиторов Узбекистана XX–XXI веков связано с принципиальными изменениями сферы художественно-эстетических представлений, исследованием структурно-языковых музыкальных закономерностей, определяющих специфику композиторских сочинений. Фактура – важнейший фактор проявления монодийного (традиционного) мышления.

Для полного уяснения понятия «фактура» приведем определения, сложившиеся в музыковедческой литературе.

В определении фактуры Красникова Т. Н. (Фактура в музыке XX века. АДК. М., 2010) опирается на существующие в музыковедении и уже доказавшие правомерность трактовки данного понятия, которые изложены в работах Е. В. Назайкинского, М. С. Скребковой-Филатовой, В. Н. Холоповой.

«Фактура (от лат. *factura* – делаемое, сделанное) – феномен, который обособляется в форме произведения и наделяется функцией распределения музыкального материала в движущемся и развивающемся звуковом пространстве», – как указывала Т. В. Красникова

Фактура – музыкальная ткань сочинения, учитывающая характер и соотношение составляющих ее голосов, одно из ярких средств создания целостности и выразительности. В музыке XX века фактура становится ведущим фактором формообразования, драматургии и семантики, это художественно целесообразная трехмерная музыкально-пространственная конфигурация звуковой ткани, «дифференцирующая и объединяющая по вертикали, горизонтали и глубине всю совокупность компонентов» (Назайкинский Е. В. Логика музыкальной композиции. М., 1982).

Впервые учение о музыкальной фактуре и мелодической фигурации было сформулировано Ю. Н. Тюлиным, который, в свою очередь, опирался на труды XIX–XX вв. – П. Чайковского, Н. Римского-Корсакова, А. Аренского, Л. Рудольфа, базирующиеся на мелодической основе гармонии. В дальнейшем данная теория была развита Бершадской Т. С.

Алина КУТЛУЧУРИНА. Родилась в 1991 г. в Ташкенте. Окончила Государственную консерваторию Узбекистана по специальности «музыковед-теоретик». Докторант Государственной консерватории Узбекистана, работает над проблемами национального стиля, «национального мышления», «национальной самобытности» в языке композитора.

Проблема фактуры как одного из ведущих факторов проявления монодийного мышления в узбекском композиторском творчестве имеет ряд субпроблем. Одна из них – *это проблема понимания феномена монодии* (явления музыкального языка, реалии устного музыкального творчества), рассматриваемая в современной научной литературе с двух позиций: монодия как способ мышления и монодия как тип фактуры (склада). В связи с этим возникает вопрос: можно ли рассматривать феномен монодии только как тип фактуры или это все-таки способ мышления?

Для изучения современного композиторского творчества важное значение имеет понимание монодии как типа фактуры (склада), на что в свое время указывали исследования Ю. Н. Тюлина и Т. С. Бершадской.[1] Однако, ряд музыкальных культур, традиционно определяемых как монодические, дают многочисленные образцы двух- и трехголосного музицирования.

Отсюда возникает проблема *монодического многоголосия*, которая стала предметом анализа в исследованиях Ф. Кароматова[2], И. Земцовского[3], Т. Гафурбекова[4], Н. Янов-Яновской[5], Е. Трембовельского[6]. Ученые по-разному трактуют данное понятие, однако признают бытование и распространение монодийных жанров с многоголосной фактурой и необходимость методики их изучения. Н. Янов-Яновская считает, что монодийное многоголосие (термин Н. Янов-Яновской) – это не зародыш полифонии, а развитые формы монодии, свой термин – *«полимонодия»* – предложил Т. Гафурбеков.

Е. Трембовельский рассматривает монодию как разновидность гетерофонии.[7]

Еще одной из самых противоречивых, дискуссионных и сложных проблем является *проблема многоголосия в музыкальной культуре узбекского народа и освоение многоголосия монодийными культурами*, которая всегда стояла в центре внимания узбекских музыковедов и получила освещение в работах В. Виноградова, А. Коральского, С. Закржевской, Е. Теминой, С. Галицкой, Н. Янов-Яновской, Т. Гафурбекова, Ф. Мухтаровой, Н. Алиевой, М. Дрожжиной. В исследованиях В. Виноградова, А. Коральского, С. Закржевской[8], Н. Янов-Яновской исследуются проблемы, касающиеся тенденций двух- и трехголосия в узбекской монодии, среднеазиатского многоголосия в целом и проблем освоения многоголосия монодийными культурами. Выделены элементарные формы многоголосия: 1) бурдон, 2) параллелизмы, 3) гетерофония, относящиеся к параметру фактуры. Н. Янов-Яновская подчеркивает, что монодийное многоголосие – органическое порождение самой монодии, одно из специфических ее проявлений, а не примитивные формы полифонии.[9]

1 Тюлин Ю. Н. Учение о музыкальной фактуре и мелодической фигурации. М.: Музыка, 1977; Бершадская Т. С. Лекции по гармонии. Л.: Музыка, 1978.

2 Кароматов Ф. Узбекская домбровая музыка. Т., 1962; Узбекская инструментальная музыка. Т., 1972.

3 Земцовский И. Проблема многоголосия в теории монодии // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. Д., 1990, с. 394.

4 Борбад и художественные традиции народов Центральный и Передней Азии: история и современность: материалы Междунар. симп. – Душанбе, 1990 (рукопись).

5 Там же.

6 Трембовельский Е. Г. Гетерофония: типология фактур – эволюция ткани // Музыкальная академия. 2001, № 4.

7 Там же.

8 Виноградов В. Музыка Советского Востока. М., 1968; Заметки о среднеазиатском многоголосии //Музыка народов Азии и Африки. Вып 2. М., 1973; Коральский А. О некоторых тенденциях к двухголосию в узбекской монодии // Проблемы музыкальной культуры народов Узбекистана, Туркмении и Таджикистана. История и современность. М., 1972; Закржевская С. Гармония в творчестве композиторов Узбекистана, Таджикистана и Туркмении. Т., 1979.

9 См. работы Н. Янов-Яновской в след. источниках: Актуальные проблемы изучения музыкальных культур Азии и Африки. Т., 1983; Музыка народов Азии и Африки. М., 1984, Вып. 4; Узбекская музыка и XX век. Т., 2008.

Обобщенная теория монодии, в частности, монодической фактуры и ее типологии дается в фундаментальном труде Галицкой С. П. и Плаховой А. Ю., здесь делается попытка построить теорию монодийной фактуры, выработать ее типологию, опираясь на основополагающие принципы – мономелодийность и однолинейность. В связи с этим само осмысление фактуры монодийной музыки, в том числе ее типологических параметров, требует фиксации полного структурообразующего равноправия всех трех параметров музыкального интонирования – звуковысотности, ритма и тембра. Это, по нашему мнению, новое понимание феномена фактуры. На основе их пространственного взаимодействия (имеется в виду наличие или отсутствие расслоения) формируются базовые разновидности монодийной фактуры: *монослойность* и *полислойность* с их вариантами. Причем, полислойность в количественном и качественном плане значительно преобладает»[1]. Параметр фактуры рассматривается в связи с двумя типами мышления – монодии и многоголосия, причем отмечается, что «фактура и монодии, и многоголосия представляет собой пространственный аспект музыкального звучания»[2]. На наш взгляд, суждение вполне обоснованно. Проблемы монодийной фактуры исследуются в работах Е. Алкон, И. Гусевой, Н. Чабовской.[3]

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема *«монодия-многоголосие»* актуальна и до конца неразрешена. До 80-х годов музыковеды делали акцент на освоении многоголосия монодийными культурами, искали разные пути и средства обработки монодийных напевов, исследовали появление двух- и трехголосия в узбекской монодии, жестко разграничивая монодийный и многоголосный тип мышления, как два самостоятельных полярных мира, две саморазвивающиеся отдельные исторически сложившиеся системы, подчеркивая, что «переход от одноголосия к... многоголосию является великими переломом музыкальной истории рубежа тысячелетий. ...Многоголосия как результата гетерофонного расслоения монодии при ее групповом исполнении просто не могло не быть раньше. Ведь абсолютный (стабильный) унисон вообще недостижим – он всегда в той или иной мере мобилен, особенно в условиях безнотно-импровизационного музицирования, он словно бы дышит, то утолшаясь, то утончаясь, опять утолшаясь, а то и расслаиваясь на голоса (это, кстати, не противоречит сохранению монодийности как принципа мышления)».[4]

Проблемы соотношения монодийного и многоголосного типов мышления и значения восточной монодии в формировании специфики композиторского многоголосия поднимаются в работах С. Закржевской, Е. Теминой, Т. Гафурбекова, Н. Янов-Яновской, Л. Красушкой, Ф. Мухтаровой, М. Дрожжиной.

Е. Темина исследует *проблему самостоятельности* и *специфичности фактурной организации* восточно-монодической музыки, являющейся результатом иного, по сравнению с многоголосием, типа фактурного

1 Галицкая С. П., Плахова А. Ю. Монодия: проблемы теории. М., 2013, с. 235.

2 Там же, с. 183.

3 Алкон Е. М. К вопросу о классификации линейного движения в мелодике модально-монодического типа // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-Запад. Вып. 6-7. Материалы всеросс. науч. конф. 27-28 апреля 1999 г. и 14 апреля 2000 г. Владивосток, 2000. С. 111-113; Гусева И. С. К изучению монодии: проблемы фактуры в отечественном музыкознании // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-Запад. Вып. 8. Материалы всеросс. науч. конф. 25–26 апреля 2001 г. Владивосток, 2002, с. 248-249; Чабовская Н. И. Некоторые особенности пространственной организации в монодической музыке // Музыкальное искусство: из глубины столетий в век XXI. Материалы всеросс. науч.-практич. конф. 5-6 ноября 2004 г. Томск, 2005, с. 129-134.

4 Трембовельский Е. Предустановленное и импровизационное. Музыкальная академия. М., 2008, № 1.

мышления, а также изучает *фактуру* в музыке как устной, так и композиторской традиций с позиций единства законов фактурной организации, по-разному преломленных в различных системах. Е. Темина[1] рассматривает явление фактуры в двух аспектах: а) фактура в музыке устной традиции; в) фактурная организация композиторского многоголосия, предлагая свою классификацию фактуры музыки устной традиции. «Монодийный тип организации предполагает активное тяготение элементов музыкальной ткани к слиянию с мелодией, либо контрастирование этой мелодии на фоническом уровне». Обращаясь к творчеству Ашрафи, она указывает, что М. Ашрафи «реализует в системе композиторского творчества основные принципы, определяющие фактурную организацию музыки устной традиции. Это касается как общелогической основы этой организации, так и более частных принципов, лежащих в основе целого ряда конкретных явлений фактуры».[2] В работе на примере творчества М. Ашрафи выделяются: мелодико-гармонический склад, подголосочная гармония, разнотемная полифония, имитационная полифония, параллельно-квартовая фактура, фактурное одноголосие, унисонная и унисонно-гетерофонная фактуры, унисонная дублировка, тип хоровой фактуры, полипластовая фактура и др.

Проблемы фактуры, ее тенденции, характеризующие композиторское творчество 60–90-х годов, рассматриваются Ф. Мухтаровой. Автор отмечает, что, «во-первых, все типы фактур, сложившиеся в прошлом, не исчезают, а лишь модифицируются; во-вторых, наблюдается тенденция к объединению, совмещению различных принципов строения фактуры в одновременности, образуя фактурно-полиморфные типы; в-третьих, возрождается на новой основе наиболее ранние – гетерофония, одноголосие; в-четвертых, …большое место занимают мнимополифоническая фактура, пуантилизм»[3]. Наблюдения Ф. Мухтаровой важны при оценке и анализе фактурных явлений в творчестве современных узбекских композиторов, так как многие из них широко применяются узбекскими композиторами последних десятилетий.

Важно отметить, что композиторы до 80-х гг. осваивали сначала языковые средства многоголосия, связанные с поисками фактуры, гармонии, затем предпринимали усилия, чтобы овладеть конкретным жанровым видом, познать его специфические закономерности, а на более поздней фазе осмысливали музыкальную драматургию, осознавали жанр как «тип содержания».[4]

Проблема типологии монодийной фактуры и ее проявление в творчестве молодых композиторских школ Востока представлена в труде М. Дрожжиной.[5] Автор предлагает свою типологию фактуры, где гетерофония является промежуточной формой между монодией и многоголосием, и указывает на существование двух видов гетерофонии – гетерофонии монодийной природы и гетерофонии многоголосной природы. Предложенная ею типология фактуры, на наш взгляд, является вполне убедительной и правомерной.

1 Темина Е. Теоретические вопросы взаимодействия музыкальных систем устной и композиторской традиции в регионе Востока (на материале творчества М. Ашрафи). Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Т., 1984.

2 Там же, с 90.

3 Мухтарова Ф. Ш. Полифония в творчестве композиторов Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана.

4 Янов-Яновская Н. Узбекская музыка и XX век. Т., 2007, с. 30-31.

5 Дрожжина М. Н. Молодые национальные композиторские школы Востока как явление музыкального искусства XX века. Диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения. Н., 2005.

Интересный взгляд на типологию монодийной и многоголосной фактуры представлен в работе Е. Г. Трембовельского [1]. Процесс эволюции европейской музыкальной ткани ученый представляет как «*гетерофония архаическая – монодия – гетерофония средневековая – многоголосие – гетерофония современная*».[2] Автор предлагает такие определения гетерофонии, как «многоголосная монодия» или «одноголосное разноголосие». Как бы парадоксально это ни звучало, они находят свое отражение в современной музыке, в композиторском творчестве XX–XXI вв. Однако в работе Е. Трембовельского есть существенные недостатки: взгляд на фактуру категорий одноголосия и многоголосия представлен в хронологическом, синхронном и диахронном срезах. В типологии фактуры, данной Е. Трембовельским, чувствуется европоцентристский подход. На наш взгляд, феномен монодии является более широким, чем просто одноголосие.

Таким образом, все ученые сходятся во мнении, что гетерофония – один из самых распространенных видов фактуры при организации многоголосия как в творчестве композиторов старшего поколения, так и у современных композиторов. Актуально и важно мнение Трембовельского *о гетерофонизации фактуры*. Действительно, эта тенденция ярко проявляется в современных сочинениях композиторов Узбекистана последних десятилетий (см. опус «Мозийдан садо» А. Мансурова, «Акс Садо» и «Color» Д. Шукурова, «Night music» Д. Янов-Яновского, «Узоры» Н. Гиясова, «Мозийдан Садо» А. Мансурова, «Три прелюдии и еше», «Стены древней Бухары», «Мираж» Д. Сайдаминовой и др.). Избранный вид фактуры неслучаен: в гетерофонии заложена потенция к мелодизму. Характерные для гетерофонии сотканные ленты, отличающиеся возможной хроматической или микрохроматической плотностью, являются новым выражением горизонтально-мелодического (монодийного) мышления. Исследование фактуры музыки XX века в аспекте синтеза искусств освещено в работе Т. Н Красниковой «Фактура в музыке XX века».[3] Ценность работы в том, что в ней проанализированы имеюшиеся научные труды по теории фактуры, изучены фактурные приёмы и средства в музыкальных композициях XX века, раскрыты вопросы организации фактурного пространства и фактуры в симфоническом творчестве композиторов XX века. Что же касается современного искусства композиторов Узбекистана, то в свете сказанного интерес представляет работа И. Галушенко, в которой автор справедливо отмечает: «Независимый Узбекистан открыт миру, и это ярко и многоаспектно отражается в музыкальном искусстве, в частности, в композиторском творчестве, в котором происходят активные созидательные процессы, требующие внимания, осмысления и изучения. В числе основных аспектов развития современного узбекского композиторского творчества необходимо отметить важнейшие направления: новое отношение к национальным традициям, воплошение восточной тематики, обновление музыкальных жанров и форм, формирование нового сознания и творческого мышления»[4]. На наш

1 Трембовельский Е. Г. Гетерофония: типология фактур – эволюция ткани // Музыкальная академия. 2001, № 4.
2 Там же, с 174.
3 Красникова Т. Н. Фактура в музыке XX века. Диссертация на соискание ученой степени доктора искусствоведения. М., 2010.
4 Галушенко И. Узбекское композиторское творчество в годы независимости: устремленность в мировое пространство // Узбекистон саньяати дунё маданиятининг ажралмас кисми: тарих ва замонавийлик. Республика илмий-назарий конференцияси материаллари.Т., 2016, с. 172.

взгляд, ценным являются сформулированные И. Галушенко две важнейшие тенденции развития современного композиторского творчества: *тенденция нового отношения к национальным традициям* и *тенденция формирования нового сознания и творческого мышления*, обусловившие новые процессы, характеризующие композиторское творчество Узбекистана на современном этапе:

- формируется новое миропонимание и креативное мышление, а также иное отношение к категориям пространства и времени;

- происходит поиск новых языковых средств выражения национального;

- наблюдается тенденция глубокого осмысления композиторами жанров традиционной монодической музыки, в частности, ведущих образцов – катта ашула и макомов. В этом направлении композиторами осмысливаются закономерности музыкального языка: строй, лад, метроритм, фактура, форма традиционных монодических жанров и их «вживание» и «внедрение» в новые композиторские сочинения;

- формируется новое отношение композиторов к феномену звука, осмысливающегося прежде всего как элемент и носитель «национального»;

- проводятся эксперименты в области синтезирования традиционных (монодических) принципов и приемов мышления с современными техниками письма – такими, как алеаторика, сонорика, микрохроматика, додекафония, минимализм;

- реализуется новое понимание фактуры: большое распространение в творчестве узбекских композиторов получили фактурные формы сонорной музыки, среди них простые (точка, россыпь, линия) и составные (пятно, поток, полоса), а также возрождается монодия, через приемы стилизации и цитирования и наблюдается тенденция гетерофонизации фактуры;

- проявляется тенденция синтезирования рационального и эмоционального начал, связанных прежде всего с математическим и медитативным способом мышления;

- реализуется попытка введения тембров народных (шире восточных) инструментов в симфонический оркестр. В этом отношении интерес представляют синхронизированные аранжировки и оркестровки современных композиторов, где тембры европейских инструментов имитируют восточные инструменты или тембрами восточных звучат европейские инструменты.

Современное композиторское творчество Узбекистана представляет собой огромный профессиональный пласт со своими сложившимися традициями национальный школы. Как один из базовых параметров отражения монодийного мышления, фактура современных сочинений композиторов Узбекистана репрезентирует недостаточно исследованную новую область знаний. А между тем фактура, рассмотренная в монодическом аспекте, является в музыкальных опусах узбекских композиторов ведущим фактором формообразования, выразительности, драматургии и семантики. Ее основная функция в сочинении – раскрыть творческий метод и стиль каждого композитора, его мировидение и миропонимание.

«NON-FICTION» КАК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Шахноза БЕРДИЕВА

Принято считать, что термин «non-fiction» в современном литературоведении появился на Западе в середине XX века. В русской литературе он распространился позже, в конце XX века. В настоящее время активно употребляется не только термин «non-fiction», но и его русская калька «литература нон-фикшн». По мнению Е. Местергази, в термине можно выделить три смысловых поля:

1) «интеллектуальная литература». Это понятие носит скорее коммерческий характер, чем научный. Такое значение вкладывают организаторы «Международной ярмарки интеллектуальной литературы Non-fiction» в Москве;

2) термин, обозначающий массовую литературу и разного рода практические руководства и пособия, а также многочисленные опыты в жанре расследования секретных материалов;

3) использование термина в отношении литературы, воспроизводящей реальность без участия вымысла. В этом значении термин близок к литературе факта, документальной литературе.

Термин «литература non-fiction» активно используется в настоящее время критикой и журналистикой. В русском литературоведении официального статуса у него до сих пор нет, нет и словарной дефиниции в словарях и справочниках, за исключением Интернета. В «Wikipedia» дается следующее определение: «non-fiction – является литературой отчета о вещах или их представление в качестве факта».

Как отмечает С. И. Чупринин, «Non-fiction литература» – это понятие, обозначающее литературу, созданную без участия вымысла, этот термин до сих пор не нашел себе эквивалента в русском языке, хотя само явление давнее и достаточно распространенное.

«Non-fiction сегодня – это и основанная на подлинных свидетельствах проза Светланы Алексиевич, и повествование Анатолия Приставкина о людях, приговоренных к смертной казни, и философски изощренный

Шахноза БЕРДИЕВА. Преподаватель кафедры русской и мировой литературы Термезского государственного университета. Автор 10 статей по проблемам современной литературы, в частности, документальной прозы.

«Бесконечный тупик» Дмитрия Галковского, и стилистически изощренная полуновеллистика-полуочеркистика Владимира Порудоминского, Игоря Померанцева и др.». Содержание и объем термина «non-fiction» широки.

Нон-фикшн (от анг. non – не + fiction – фикция) – это художественно-публицистический жанр литературы, специфическими особенностями которого являются реалистичное и документально точное изображение событий и персонажей через призму восприятия автора [Бударина С.].

Появление термина связано с романом Т. Капоте «Хладнокровное убийство», так назвал его сам автор – nonfictional. В основу сюжета произведения была положена история реального убийства семьи из Канзаса в 1959 г. Эта книга стала бестселлером и своим появлением ознаменовала особый жанр: роман-репортаж или документальный роман.

Вскоре появившиеся произведения физика Стивена Хокинга ознаменовали оформление жанра научного нон-фикшн. Затем – книги-исследования Томаса Вульфа, заложившего основы нового направления – экспериментальной и исследовательской документальной прозы: «Конфетно-раскрашенная апельсиннолепестковая обтекаемая малютка», состоящая из 22 объединенных эссе. О появлении этого направления писала Казакова Г. Н. в своей статье «Нон-фикшн в современной книжной культуре». Однако, рассматривая творчество Т. Вульфа, она использует такие термины, как книга-исследование, роман. Характеризуя особенности экспериментальной и исследовательской документальной прозы, она отмечает такие свойственные ей литературные приемы, как сценоописательство, использование разговорной сленговой речи, субъективная точка зрения автора, интерпретация описываемых событий с точки зрения главных действующих лиц, изобилие каждодневных деталей.

Вручение мировых книжных премий авторам этих произведений способствовало окончательному оформлению нон-фикшн в самостоятельный литературный жанр.

Предвестниками жанра нон-фикшн в русской литературе, согласно утверждению Казаковой Г. Н, можно считать путевые записки А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», «Фрегат «Паллада» И. А. Гончарова, «Былое и думы» А. И. Герцена, «Остров Сахалин» и автобиографическую прозу А. П. Чехова.

В советское время «литература факта» вызывала интерес своей правдивостью, реалистичностью, творческой свободой изложения материала (Н. Эйдельман, А. Гуревич, Ю. Лотман и др.). В настоящее время интерес к нон-фикшн имеет историко-экономическое обоснование и развивается волнообразно.

К литературе нон-фикшн читатель обращается в критические периоды, в эпохи экономических и духовных кризисов, пытаясь найти ответы на волнующие общество вопросы.

В начале XXI века в России были учреждены специальные премии для произведений нон-фикшн – «Просветитель», «Общественная мысль» и др.

Казакова Г. М. назвала крупным событием в литературной жизни России «Ярмарку интеллектуальной литературы Non-fiction».

От других литературных жанров нон-фикшн отличается отсутствием вымышленных сюжетов и героев, композиционно произведение строится по драматургическому принципу – «сцена за сценой». Специфическими качествами произведений в жанре нон-фикшн являются краткость, полезность, оперативность. От автора таких документальных произведений требуется большая подготовительная работа: в зависимости от темы он должен собрать фактический материал, найти свидетелей и участников описываемых событий и пр.

По мнению многих современных литературоведов, в жанре нон-фикшн выделяется несколько разновидностей:

1. биография и мемуары;
2. документальные хроники;
3. эссе;
4. путевые заметки (травелог);
5. критика;
6. научные исследования;
7. учебники;
8. самоучители;
9. словари;
10. энциклопедии;
11. техническая документация, юзер-гайд или «руководства для пользователей».

А. А. Тесл в статье, посвященной Л. Гинзбург, отмечает следующие жанры документальной прозы:

1. дневник;
2. письмо;
3. мемуары, воспоминания;
4. автобиография.

По справедливому замечанию автора, мемуары и воспоминания – это документальные жанры, наиболее близкие к художественной литературе, а автобиография – «самый законченный и строгий жанр "документальной прозы"».

Наличие большого количества различных терминов и классификаций документальных жанров приводит к мысли о том, что нет конкретного определения и четкой границы между понятиями литература non-fiction, документальный жанр, документальная литература, документальная проза, наряду с этими понятиями в литературоведении бытуют «литература факта», «художественно-документальная проза», «историко-документальная проза», «эго-документ», «автодокументальный текст». Общим для всех перечисленных понятий является документальное начало, использование документальных фактов, вместе с тем каждое обозначает либо общее широкое понятие, либо более конкретное или указывает на специфичность жанрового содержания.

В связи с этим представляется необходимым разграничить эти понятия и дать им четкое определение.

Самым широким объемным, из указанных понятий являются понятия «документальная литература», «документальная проза», которая,

в свою очередь, может быть разграничена, по справедливому мнению Казаковой Г. М., на документально-художественную литературу и документальную, научную, экспериментальную, или исследовательскую.

И далее в зависимости от тематики: историко-документальная, военная документальная литература и т. д.

Более конкретным, узким является понятие документальный жанр, под которым следует понимать наличие документального начала и повторяющееся в произведениях единство композиционной структуры, обусловленной своеобразием отражаемых явлений действительности, уровнем их сложности (предметом отображения) и характером отношения к ним автора (особенностями идейно-эмоциональной трактовки), т. е. литературоведческая категория, характеризующаяся единством особого жанрового содержания и формы, при ведущей роли содержания. Следовательно, non-fiction – это один из жанров документальной прозы или документальной литературы, не являющийся жанром художественной литературы.

Наряду с термином «литература нон-фикшн» употребляется термин «литература факта», введенный в научный обиход в сборнике, изданном еще в 1929 г Н. Ф. Чужаком. Среди авторов этого сборника О. М. Брик, В. Б. Шкловский, С. М. Третьяков, В. О. Перцов и др. Писатели, создающие литературу факта, назывались фактописателями.

Появление литературы факта было связано с идеями авангарда и утверждением формализма в науке. Фактография заставляла писателей отказываться от эпических и лирических жанров в пользу документа. Н. Ф. Чужак определял «литературу факта» как очерк, фактомонтаж, выделяя такие жанры, как газетный и журнальный фельетон, биография (конкретного человека), мемуары, автобиография (конкретный человеческий документ), эссе, дневник, описание путешествий и исторические экскурсы, корреспонденция с места происшествия, памфлет, пародия, сатира и пр.

В литературоведении термин «литература факта», как и термин «литература нон-фикшн», до сих пор не получил официального статуса, хотя им часто пользуются. В содержании этого термина произошли определенные модификации, он все чаще стал использоваться как синоним документальной литературы. Для литературы, в том числе и документальной, вопрос о жанрах является основным и актуальным. Впервые на это обратил внимание М. М. Бахтин, указав на двоякую ориентацию жанров. Именно ему принадлежит разделение жанров литературы на «первичные» (бытовые) и «вторичные» (литературные) жанры. Согласно его типологии литературные жанры включают в свою внутреннюю структуру реплики диалога, ругательства, бытовые рассказы, письма и пр. Опираясь на концепцию М. М. Бахтина, литературовед Е. Г. Местергази предлагает следующую классификацию жанров с главенствующим документальным началом: чистые (первичные) и сложные (вторичные) жанры.

К чистым жанрам она предлагает отнести хронику (летопись), письмо, автобиографию, биографию, дневник, мемуары (воспоминания, записки).

К сложным (вторичным) относятся описание путешествия (травелог), «невыдуманный рассказ», документальная повесть, документальный

роман (роман-быль), а также сопутствующие «авторские жанры, такие, как «опыт художественного исследования» (например, «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицын) и «роман голосов» («Цинковые мальчики» С. А. Алексиевич). Для повествовательной структуры чистых жанров характерно следующее:

а) прямое авторское высказывание;

б) совпадение позиций автора и рассказчика;

в) тождественность анализа действительности художественному образу этой действительности и т.д.

Чистые жанры функционируют на трех уровнях. Под первым уровнем следует понимать повседневную жизнь, в которой участвует каждый. В связи с этим всякий грамотный человек может писать письма, вести дневник и пр. Занимаясь изучением повседневности, исследователь «ощущает себя непосредственно включенным в живую историческую цепь». (Козлова)

На втором уровне, который соответствует литературному, функционируют произведения, принадлежащие к тому или иному литературному жанру. Художественная правда таких произведений опирается прежде всего на достоверность факта, имеющего самостоятельное эстетическое значение, то есть читатель знакомится с невымышленной литературой.

На третьем уровне функционируют литературные жанры, отличающиеся от второго уровня тем, что у них принципиально иная установка и отношение к достоверности факта. В этом случае факт становится предметом вымысла. Следовательно, это чисто художественный уровень, а литература – не что иное, как fiction. Второй и третий уровни обладают своими функциональными особенностями.

Литературные произведения, относящиеся к сложным (вторичным) жанрам, функционируют только на втором и третьем уровнях. Однако следует признать, что возможны переходные или смешанные формы.

Традиционно произведения с главенствующим документальным началом в литературоведении выделяют в самостоятельный вид литературы, представленный различными жанрами. Однако общепризнанной, разработанной системы нет. Б. Агапов в статье «Искусство остается» предложил следующую классификацию произведений документального повествования:

1) субъективно-лирические, где почти единственным «фактом» в произведении выступает внутренний мир автора, не поддающийся наблюдению других людей;

2) воспоминания, мемуары, записки, дневники, в которых документальный материал выступает как самодовлеющий элемент повествования, имеющий объективную ценность, пропущенный сквозь призму субъективного восприятия повествователя;

3) философский этюд, выполненный средствами фактографии;

4) документальная повесть, репортаж, зарисовка, роман, исследование, в которых автор предоставляет возможность самому читателю раскрыть смысл предлагаемых фактов.

Из изложенного следует: автор признает, что отмеченные им жанры существуют внутри отдельного вида литературы, не обозначенного ни в каком учебнике и учебном пособии. Попытка Б. Агапова создать классификацию и систематизировать все жанры с главенством документального начала заслуживает внимания, хотя вопрос о жанровой специфике решенным считать нельзя, он, несмотря на обилие работ, посвященных теории жанров (А. Веселовский, Л. Чернец, М. Бахтин, В. Хализев и др.), остается открытым.

Учитывая имеющиеся точки зрения, следует обратить внимание на функционирование документальных жанров.

Рассмотрим проблему функционирования на примере жанра письма где преобладает документальное начало. Общеизвестно, что первоначально письмо появилось как средство коммуникации, это письменное послание, имеющее конкретного адресата и созданное по определенному канону.

Следует отметить, что некоторые исследователи сомневаются в необходимости специального выделения эпистолярного жанра: «под знак письма может быть поставлен текст, характеризующийся содержательными и формальными приметами любого литературного жанра» (С. С. Аверинцев).

Литературовед Е. Г. Местергази возражает, указывая, что жанр письма характеризуется индивидуальными специфическими приметами – как содержательными, так и формальными. К формальным относится эпистолярный этикет: дата, обращение адресанта к адресату, заключительная часть письма и т.д. (Местергази, 2007). Согласно мнению В. Б. Шкловского, письмо ограничивает пишущего, так как он точно представляет адресата и его восприятие» (Шкловский, 1974). Таковы основные признаки бытового письма. У образованных и эстетически одаренных людей бытовое письмо стало обретать литературные черты и со временем перешло в литературную сферу. Так зародился эпистолярный жанр, развивающийся по своим законам. Ранними образцами его являются произведения Н. М. Карамзина («Письма русского путешественника»), Ф. Н. Глинки («Письма русского офицера»), Ф. Шиллера («Письма об эстетическом воспитании») и др. Одним из первых об особенностях эпистолярного жанра писал еше Н. И. Греч в XIX веке, разделяя письма бытовые, относящиеся к повседневной жизни, и литературные. Литературные письма он называл повествованиями, описаниями или рассуждениями, которые сохраняют только формальные признаки письма и отличаются от бытовых по содержанию. Выделяя два вида письма, четкой границы между ними определить он все-таки не смог. Однако совершенно очевидно, что литературное письмо отличается высокой степенью интертекстуальности и известной ориентацией на публикацию. Литературное письмо как жанр близко к художественной литературе, так как в нем содержится известная доля вымысла. Достоверность излагаемого факта не всегда равна достоверности документа, поэтому оно лишь с определенными оговорками может быть отнесено к литературе с главенствующим документальным началом.

Как уже было отмечено, жанры функционируют на трех уровнях. Проследим функционирование жанра письма на первом уровне.

Письмо носит бытовой, документальный характер и не принадлежит литературной реальности, хотя известен ряд бытовых писем, ставших

литературными памятниками. Жанр письма в русской литературе восходит к частной переписке просвещенных людей, пробовавших себя на литературном поприще. Такую переписку А. С. Пушкин назвал «почтовой прозой», и с конца XVIII века, в эпоху Карамзина, она стала восприниматься как литературное явление, то есть «литературным фактом стали мелочи домашнего обихода, дружеская переписка, мимолетная шутка» (Тынянов, 1924). У историков литературы и читателей интерес к частным письмам писателей и государственных деятелей возник позже, так как для восприятия частных писем как литературного наследия необходимо было пройти определенный путь культурного развития. По своей сути эти письма носили бытовой характер и выполняли коммуникативную функцию. Будучи написанными великими людьми, они зачастую не предназначались для печати и тем более для показа посторонним. Первая публикация писем А. С. Пушкина к жене была предпринята И. С. Тургеневым и сопровождалась предисловием, в котором он отметил, что по письмам поэта можно судить не только о достоинствах его стиля и красочного языка, но и о нравственном облике, характере пишущего.

В XX веке, по мнению специалистов (историков, искусствоведов, литературоведов), письмо обретает значимость документа, имеющего эстетическую ценность, становится фактом литературы. Таким образом, появляется «литература человеческого документа», по определению П. В. Палиевского, сейчас можно встретить в литературоведении понятие «эго-документ», «автодокументальный текст».

На втором уровне письмо начинает функционировать, во-первых, как самостоятельный литературный жанр и, во-вторых, как фрагмент, вставка в произведение другого жанра. Ярким примером может служить письмо П. Я. Чаадаева, принадлежащее к невымышленной литературе и подтверждающее самостоятельное функционирование письма как самостоятельного жанра. Литературовед Е. Г. Местергази отмечает, что встречаются подлинные письма, вставленные в ткань художественного произведения (документальные), хотя примеров таких совсем немного. Хотелось бы уточнить, какие письма считать подлинными? На наш взгляд, на подлинность документа указывает не только дата, но и главенствующее документальное начало, под которым следует понимать наличие в письме имен собственных, носители которых были реальными людьми, конкретные исторические факты и пр.

ПОЭТИКА АХМАТОВСКИХ СРАВНЕНИЙ

Давлятбек САЪДУЛЛАЕВ

Поэт, преодолевший гипноз классиков, продвигающийся непроторенными путями к новым художественным горизонтам, обладающий только ему присущим поэтическим лицом, голосом, является носителем и творцом художественного творческого контекста (1). Не имея контекста, автор не имеет своего лица, он безлик, безголос. Писатель не может «обрабатывать» язык иначе, как процеживая речевые факты через свой контекст. Все поэтические приемы, весь арсенал языка, втянутый могучей силой слова поэта-творца в орбиту его творческого контекста, и есть *язык* Анны Ахматовой. Одной из специфических черт ее творческого контекста является ***ахматовское сравнение.***

Предметом исследования стало именно ахматовское сравнение, так как о нем до настоящего времени нет единого мнения, до сих пор в достаточно убедительной форме не описаны его природа, сущность. В литературоведческих работах сравнение понимается как троп. Ю. И. Левин трактует метафору как трансформацию сравнения (2), он же связывает данное понятие о сравнении, выделяя смешанный (переходный) тип метафор – метафоры-сравнения (колоннада рощи) (3).

Сравнения Ахматовой интересны как своей семантикой, способами введения в словесную ткань произведения, так и экспрессивностью, свежестью.

Высоко в небе ***облачко серело,***
Как беличья расселенная шкурка (1/22).

Пусть ***камнем надгробным*** ляжет
На жизни моей ***любовь*** (1/53).

Не встречается ни одного сравнения, целью которого является лишь простое сопоставление явлений без дополнительной (и обязательной) экспрессивной поэтической нагрузки. Разговор о сравнениях в поэтическом тексте усложняется не только условностью языка поэзии, но и преломлением элементов сравнения через творческую индивидуальность, неповторимость

Давлятбек САЪДУЛЛАЕВ. Кандидат филологических наук. Родился в 1947 г. в Ташкенте. Автор многочисленных монографий, учебных пособий, словарей, научных статей. Неоднократно награжден за успехи в преподавательской, организаторской и дипломатической работе.

автора, соотнесенностью сравнения с конкретным событием, имеющим отношение к личности автора, к его окружению:

На ***глаза осторожной кошки***
Похожи ***твои глаза*** (о глазах А. Блока – Д. С.) (1/58).

Если следовать В. М. Жирмунскому, сопоставившему два стихотворения – «В ресторане» А. Блока и «Звенела музыка в саду» А. Ахматовой (4), – то можно увидеть, что сравнения (метафоризация) направлены на подкрепление разности двух направлений современной лирики, полярной противоположности творческих методов двух поэтов. Романтической случайности, необычайной исключительности встречи с незнакомой женщиной в ресторане, описанной с позиций идеалистического восприятия мира («...он был или не был, этот вечер...»), противопоставлена обычная жизненная встреча.

А. Блок:	**А. Ахматова:**
1. Ты рванулась ***движеньем Испуганной птицы***, Ты прошла Словно сон, легка...	1. Лишь смех в глазах его спокойных Под ***легким золотом ресниц.***
2. Романтический фон зари (в начале и конце стихотворения) символичен: ***заря как пожар*** (у Блока в исторически описываемый период ***заря*** встречалась тогда сплошь как ***желтая, дымная, больная***).	2. Героиня после первой (первой же!) встречи узнаёт, что её не любят, что он – только «верный друг».
3. Герой приподнято торжественно (в духе романтического идеализма) обращается к Незнакомке: «Я послал Тебе чёрную розу в бокале ***Золотого, как небо, аи***».	3. Переживание встречи-расставания передано бытовыми подробностями, контрастно необычными по теме для традиционной «высокой» поэзии: «Свежо и остро ***пахли морем*** На блюде ***устрицы*** во льду». Образ любимого совершенно лишен романтической идеализации.

В количественном отношении у Анны Ахматовой сравнений меньше, чем у Блока. Однако характер сравнений Ахматовой иной, им присуща индивидуальная, реалистическая, образность, подчеркивающая оригинальность её творческого метода: ***листья летят, словно клочья тетради; мрачна, как воздушный налет; А теперь я игрушечкой стала, Как мой розовый друг какаду (1/17); И солнца бледный лик – Лишь круглое окно (1/41); Я живу, как кукушка в часах, Не завидую птицам в лесах (1,27)*** и др.

Способы введения сравнения в художественную ткань повествования у Ахматовой просты и традиционны:

а) с помощью элементов ***как, словно***:

Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье (1,184);

Чёрных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд,
И малиновые костры,
Словно розы, в снегу цветут (1,123);

б) слов в форме творительного падежа:

То ***змейкой***, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни ***голубком***
На белом окошке воркует (1/16).

Смешанные сравнения (метафоры-сравнения) вводятся непосредственно, без каких-либо *сигнализирующих элементов* типа «словно», «как» и т. п.:

И солнца бледный тусклый лик –
Лишь ***круглое окно*** (1/41);

Это – ***выжимки бессонниц***,
Это – сотен ***белых звонниц***
Первый утренний удар…
Это – ***пчёлы***, это – ***донник***,
Это – ***пыль, и мрак, и зной*** (1/312);

Славы хочешь? – у меня
Попроси тогда совета,
Только это – ***западня***,
Где ни радости, ни света (1/174).

Этот тип метафор-сравнений, как правило, является результатом сближения лексически не связываемых единиц: ***стихи – выжимки бессонниц, свеч кривых нагар, пчёлы, донник*** и др. Так постепенно выстраиваются ряды стилистических синонимов – объект сравнения и сами сравнения.

Сосредоточение сравнений в небольших по объему контекстах создаёт ёмкие по содержанию, выразительные поэтические образы, например: «***Как белый камень в глубине колодца***, лежит во мне одно воспоминанье» (1/184). Сравнение оригинально и необычно, оно ***двухъярусно: «белый камень» – воспоминание, «колодец» – сознание, память, сердце поэта.***

Отношения стилистической синонимии у Анны Ахматовой своеобразны, оригинальны. В каждом случае реализуются различные идейно-смысловые возможности элемента-денотата. Анализ её сравнений позволил сделать выводы о необычности описательного характера стилистической синонимии, т. к. описательность в каждом конкретном случае есть результат поэтической, художественной ассоциативности:

1. Стилистическая синонимичность в творческом художественном контексте Анны Ахматовой обладает, в отличие от стилистической синонимии на уровне языка, мощной экспрессивностью.
2. Собрание сцепленных мыслей подчинено одной задаче – вводу в светлое поле сознания, т. е. поэтико-речевые единицы являются стилистически многозначными. Так, через сравнения «*костры – розы*» лексема ***костры*** обретает стилистическую достаточность и реализует новую, ахматовскую

функциональную значимость. На наш взгляд, в сравнении представлена стилистико-синонимическая пара, в большинстве случаев в художественном контексте А. Ахматовой имеющая общую глагольную часть, например:

Пусть ***камнем надгробным ляжет***
На жизни моей ***любовь*** (1/53).

Практически каждая вторая часть сравнения, выступающая как компонент стилистико-синонимической пары, равна словосочетанию, целому выражению:

Высоко ***в небе облачко серело,***
Как ***беличья расстеленная шкурка*** (1/22).

Стилистическая периферия занимает в лирических миниатюрах А. Ахматовой больше места, чем стилистическое ядро (СЯ, 5). Стилистическим ядром выступает та часть стихотворения, которая содержит сравнение структурно ясное: вокруг стихотворных строк-сравнений группируется вся остальная часть текста, поясняющая стилистическое ядро. Сравнение Ахматовой настолько необычно, индивидуально, что возникает мысль, что номинативное значение слов, вступивших в сравнительные отношения, стилистически нейтрализуется, в результате чего новую функциональную значимость приобретает уже весь сравнительно-синонимический блок.

Для того чтобы это происходило, требуется, как известно, синонимическая ситуация. Таковой мы считаем весь стилистический комплекс, который соединяет стилистическую периферию (СП) и стилистическое ядро, а также ту идейно-поэтическую задачу, которую автор ставит перед собой в конкретном случае. Яркая оригинальность самой синонимической ситуации в произведениях Анны Ахматовой порождает поэтически резкое сравнение, которое всей жизнью своей свидетельствует о творческом характере контекста автора.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Анна Ахматова, преодолев гипноз классиков, продвинулась непроторенными путями к новым контекстуальным горизонтам. Сравнения, как и весь арсенал изобразительных средств Анны Ахматовой, становятся одним из компонентов её поэтики – ***ахматовским сравнением***, потому-то в лирике Ахматовой каждый находит свою Анну Ахматову.

Библиография

1. Анна Ахматова. Избранное, М., 1974.
2. Левин Ю. И. Русская метафора: синтез, семантика, трансформация. Сб. «Труды по знаковым системам», вып. IУ, 1969, с. 290-305.
3. Левин Ю. И. Структура русской метафоры. Уч. зап. Тартуского госуниверситета, вып. 2, 1967, с. 293.
4. Жирмунский В. Два направления современной лирики. В кн.: Жирмунский В. Вопросы теории литературы, Л., 1928, с. 128-129.
5. Махмудов Х. Х. Русско-казахские лингвостилистические взаимосвязи (теоретическая стилистика), АДД, Алма-Ата, 1970.

Моление о чаше.
Фрагмент росписи алтаря храма во имя святого благоверного князя Александра Невского, г. Ташкент, 2017

Икона святителя Николая Чудотворца.
Фрагмент росписи трапезной Троице-Никольского женского монастыря, г. Ташкент, 2015

Воскресение Христово, сошествие во ад.
Фрагмент росписи алтаря храма во имя святого благоверного князя Александра Невского, г. Ташкент, 2017

Тоф 27999

Князь Александр Невский.

Дорогие читатели и авторы!
Торопитесь подписаться на литературно-художественные журналы «Звезда Востока» и «Шарқ юлдузи» на 2020 год.
Подписаться можно в любом почтовом отделении или в офисе редакции по адресу:
100066. Ташкент, пр. Бунёдкор, Адиблар хиёбони, здание Союза писателей Узбекистана.
Подписной индекс «Звезды Востока» – 831.
Подписной индекс «Шарқ юлдузи» – 911.

Редакция «Звезды Востока» приглашает авторов к сотрудничеству по всем утвержденным рубрикам журнала.

Журнал распространяется по подписке.
В розницу можно приобрести в редакции.